

Я 238
185

9 238
185

И.Л. АВЕРБАХ

ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
К ТРУДУ

И. Л. АВЕРБАХ

9 $\frac{238}{185}$

ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ К ТРУДУ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. Я. ВЫШИНСКОГО

ОГИЗ 1936

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО“

И. Л. АННЕНКО

ОТ ПЕРВОУЧЕТНИКА

Книга оформлена, набрана и отпечатана в типо-литографии им. Воровского, Москва, ул. Дзержинского, 18

Редактор А. И. Шпекторов

Художник Н. В. Ильин

Технич. редактор Л. Т. Васильев

Корректора Р. Н. Гевондяк

и П. М. Гершевич

II кв. 1936 г., № 12. Индекс С-3.

Сдано в набор 10.X.1935 г. Под-

писано к печати 23.V.1936 г. Фор-

мат $72 \times 104 \frac{1}{8}$ Печатных лист. 19.

Авт. листов 21. В 1 п. л. 92 470 экз.

Уполномоченный Главлита Б21188

Зак. 551. Тираж 10 000 экз. Иллю-

страции меццотинто отпечата-

ны 1-й Образцовой типографией

треста „Полиграфкнига“, Москва,

Валовая ул., 28

Цена 4 р. 75 к., переплет 1 р. 25 к.

36-49224

2010452786

ИЗДАНИЕ

Книга И. Авербах — «От преступления к труду» — является монографией, в которой исследуется проблема переделки сознания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД.

В книге теоретически освещен большой конкретный материал, собранный автором, главным образом, в Дмитровском лагере на строительстве канала Москва — Волга. Будучи исследовательской работой по специальному вопросу, книга вместе с тем представляет большой интерес для широких кругов читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

За последнее время наша литература обогатилась несколькими работами, посвященными проблеме перевоспитания неустойчивых элементов из среды трудящихся, скатившихся к преступлениям, и «исправления исправимых» из среды, чуждой пролетариату.

После издания сборника, посвященного Беломорско-Балтийскому каналу, и сборника, подготовленного Институтом уголовной политики, — «От тюрем к воспитательным учреждениям»,¹ сейчас выходит в свет книга И. Авербах «От преступления к труду», представляющая собою опыт анализа и обобщения методики работы наших исправительно-трудовых учреждений в области переделки, или, как по этому поводу говорят, «перековки» преступных элементов.

Советские исправительные учреждения представляют собою совершенно новый тип учреждений этого рода. Они принципиально отличаются от так называемых пенитенциарных учреждений буржуазии, представляющих собою, как правило, по меткому, хотя вынужденному признанию проф. Липмана, «типичные учреждения для порчи, а не исправления», учреждения, развращающие и окончательно обрекающие на физическое и моральное вырождение тех, кто имел несчастье попасть в их лапы.

Все эти буржуазные реформатории, по какой бы системе они ни были построены, в конечном итоге приспособлены к разрешению основной задачи буржуазной пенитенциарной системы — «донять» преступника причинением ему моральных и физических страданий, через которые, по утверждению буржуазных пенитенциаристов, и особенно нынешнего фашистского толка, лежит путь к борьбе с преступностью.

Не случайно XI международный тюремный конгресс (Берлин, 1935 г.) публично провозгласил в своей программе работ этот принцип, заявив, что сущность наказания заключается в причинении страданий.

¹ Изд-ство «Советское законодательство», 1934 г.

Советские исправительные учреждения, как и вся советская уголовная политика, строится на диалектическом сочетании принципа подавления и принуждения с принципом убеждения и перевоспитания.

Ленин писал, что «право есть ничто без аппарата, способного принудить к соблюдению норм права»¹.

В Советском государстве одним из учреждений или частей аппарата пролетарской диктатуры, принуждающего к соблюдению норм советского права, являются советские исправительно-трудовые лагеря, имеющие своей задачей оказывать соответствующее воздействие на нарушителей советского закона, на тех, кто колеблет установленный Великой пролетарской революцией новый советский правопорядок, кто мешает делу великого строительства социализма или поднимает на это дело свою преступную руку.

Советская уголовная политика чужда буржуазного филантропизма и сентиментально-либерального отношения к преступности. Мы хорошо знаем, что, как этому учил нас Ленин, как этому учит нас его великий ученик и наш великий учитель Сталин, «правилом является при всякой глубокой революции долгое, упорное, отчаянное сопротивление эксплуататоров»²; мы знаем, что при всякой подлинно-народной, глубокой революции приходят в движение и поднимаются на поверхность жизни вся накипь, все отбросы старого капиталистического общества, гниющие и еще долго отравляющие воздух нового, социалистического государства.

В статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» Ленин писал: «Социализм есть уничтожение классов. Диктатура пролетариата сделала для этого уничтожения все, что могла. Но сразу уничтожить классы нельзя»³.

Окончательная победа социализма в СССР, нашедшая одно из своих блестящих выражений в мощном размахе стахановского движения, вырвала последнюю почву из-под ног остатков эксплуататорских классов. Однако это привело не к примирению представителей эксплуататорских классов с новым, социалистическим строем, но к еще более ожесточенным и наглым нападениям на этот строй и на его лучших представителей, лучших борцов за социализм.

Об этом говорил товарищ Сталин на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1933 г., вскрывая тактику «тихой сапы», маскировки, крупного и мелкого вредительства, хищений общественной социалистической собственности и других преступлений,

¹ Ленин, т. XXI, с. 438.

² Ленин, т. XXIII, с. 354.

³ Ленин, т. XXIV, с. 513.

при помощи которых эти «бывшие люди» и прочие антисоветские элементы пытаются «пакостить и вредить рабочим, колхозникам, Советской власти, партии»¹.

Ожесточенная классовая борьба, сопротивление врагов социализма обуславливают необходимость беспощадного подавления всякого рода сопротивления врагов рабочего класса и их агентуры.

Исправительные лагеря, как и ряд других мест лишения свободы действующей в СССР системы исправительных учреждений, предназначены для осуществления этого подавления. При помощи революционного насилия эти лагеря локализуют и обезвреживают преступные элементы старого общества, поднимающиеся против социализма. Это неизбежно, необходимо и естественно, но, применяя насилие, подавляя и принуждая врагов пролетарского общества к прекращению борьбы против пролетарской революции и пролетарского государства, советская власть не ограничивается только одной задачей подавления. В условиях советской власти и пролетарской диктатуры насилие само по себе имеет иное, принципиально иное значение, чем насилие эксплуататоров. Насилие, направленное против эксплуатации, против угнетения трудящихся, ничуть не похоже на насилие эксплуататоров, направленное против трудящихся.

Эта новая, качественно иная природа насилия в пролетарском государстве приводит государственные учреждения, советскую власть к необходимости сочетать с элементами насилия, подавления и принуждения элементы убеждения, воспитания, при помощи которых так называемые преступники получают возможность вновь вернуться к честной трудовой жизни. Насилие, учат Ленин и Сталин, в пролетарской революции не главное, хотя и необходимое условие победы и успехов пролетариата.

В беседе с Уэлсом товарищ Сталин указал на то, что неправильно думать, будто «коммунисты влюблены в насилие. Они бы с удовольствием отказались от метода насилия, если бы господствующие классы согласились уступить место рабочему классу. Но опыт истории говорит против такого предположения»².

Коммунисты учитывают опыт истории и не отказываются от насилия как одного из могущественнейших средств борьбы за свои идеалы, за осуществление и проведение в жизнь своей программы перестройки общественных отношений на началах коммунизма. Но главное не в насилии.

«Главное, — говорил товарищ Сталин на XVI съезде ВКП(б), — в наступлении социализма, при наших современных условиях, состоит в усилении темпа развития нашей промышленности, в

¹ Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 10-е, с. 507.

² Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 10-е, с. 611.

усилении темпа развития совхозов и колхозов, в усилении темпа экономического вытеснения капиталистических элементов города и деревни, в мобилизации масс вокруг социалистического строительства, в мобилизации масс против капитализма. Вы можете арестовать и выслать десятки и сотни тысяч кулаков, но если вы одновременно с этим не сделаете всего необходимого для того, чтобы ускорить строительство новых форм хозяйства, заменить новыми формами хозяйства старые, капиталистические формы, подорвать и ликвидировать производственные источники экономического существования и развития капиталистических элементов деревни, — кулачество все равно возродится и будет расти»¹.

Вот почему в противоположность капиталистическому строю и буржуазным государствам, считающим свою задачу в области пенитенциарного дела разрешенной установлением строго принудительного режима, обеспечивающего подчинение «воли» преступника требованиям тюремного устава, Советское государство принципиально иначе подходит к вопросу об организации системы принудительных мер, характеризующих работу и деятельность советских исправительных учреждений.

В Советском государстве в этом деле элементы насилия играют, хотя и необходимую, но второстепенную роль. В Советском государстве центр тяжести по борьбе с преступностью перенесен на проведение в жизнь организационно-материальных, культурно-просветительных, политико-воспитательных мероприятий.

Именно этот принципиально новый подход к решению задачи борьбы с преступностью и обеспечил Советской стране такие замечательные результаты этой борьбы, какие находят свое выражение не только в перевоспитании сотен и тысяч так называемых «тридцатипятников», бандитов и даже вредителей, превращенных в подлинных героев социалистического труда, отмеченных высшими наградами пролетарского государства, но и в факте падения преступности за последние годы в СССР по основным видам преступлений.

Оглашенные мною на II сессии ЦИК СССР данные, относящиеся к этому вопросу, не оставляют никакого сомнения в том, что успехи социализма оказывают свое волшебное влияние и на такую область государственного строительства, как борьба с преступностью, под тяжестью которой не находит выхода из положения ни одно буржуазное государство.

Книга т. Авербах представляет собою тщательно и богато отобранный, облеченный в прекрасную литературную форму, материал, освещающий опыт одного из наших лагерей по борьбе с преступностью.

¹ Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 10-е, с. 390—391.

Дмитровский лагерь, строящий величайший канал Москва — Волга, дает неисчерпаемое богатство фактов, иллюстрирующих процесс перевоспитания уголовных и тому подобных элементов, составляющих население этих лагерей, — процесс, происходящий ежедневно и ежечасно в огне высокого творческого энтузиазма, сжигающего старые пороки и недостатки, очищающего людей от «старые скверны» и закаляющего их к новой, радостной и счастливой трудовой жизни.

Книга И. Авербах «От преступления к труду» представляет собою новый и весьма ценный вклад в нашу советскую правовую литературу.

А. ВЫШИНСКИЙ

И. АВЕРБАХ

ОТ АВТОРА

Книга эта была закончена автором в начале 1935 г. Естественно, что вопросы, поставленные перед исследователем-криминалистом в последнее время, когда мы вплотную подошли к бесклассовому социалистическому обществу, не могли быть освещены в этой книге. Точно так же в книгу не вошло освещение новых ярких явлений в жизни лагерей, как, например, развитие стахановского движения среди лагерников. Проблема переделки сознания заключенного методами принуждения и убеждения не теряет своей остроты в условиях бесклассового социалистического общества. К этой теме марксистам-криминалистам несомненно придется возвращаться еще не раз.

И. АВЕРБАХ

М **И** **Т** **О** **Д** **Ы** **Р** **А** **Б** **О** **Т** **Ы** **П** **О** **П** **Е** **Р** **Е** **Д** **Е** **Л** **К** **Е**
С **О** **З** **Н** **А** **Н** **И** **Я** **З** **А** **К** **Л** **Ю** **Ч** **Е** **Н** **Н** **Ы** **Х**

диктатура пролетариата представляет собой продолжение классовой борьбы пролетариата в новых формах. Эти формы непрерывно меняются на каждом новом этапе развития пролетарской диктатуры. Перед советской уголовной политикой на каждом этапе по-новому встают ее задачи — подавление сопротивления враждебных социализму элементов и принудительное воспитание к дисциплине неустойчивых элементов из среды трудящихся.

С успехами социализма осуществление этих задач делается все более и более эффективным. Труд — этот мощный рычаг переделки сознания заключенных — дает поразительные результаты. Поэтому, естественно, успехи пролетарской революции и нашего социалистического строительства не могли не отразиться на нашей исправительно-трудовой политике.

1929 г. был, — как указывает т. Сталин, — годом великого перелома в отношении классовой борьбы в связи с успехами нашего наступления на капиталистические элементы. «Перелом этот шел и продолжает идти под знаком решительного наступления социализма на капиталистические элементы города и деревни»¹. Этот перелом уже в 1930 г. находит свое отражение и в области политики репрессий. Наряду с суровыми репрессиями против кулачества и вредителей, в самой политике подавления возрастает роль воспитательных моментов.

Не случайно поэтому, что именно в 1930 г. в Соловецких лагерях возникают первые трудовые коллективы заключенных, возникают соревнования и ударничество, которые в процессе своего дальнейшего развития все ближе подводят заключенных к социалистическим формам труда.

¹ Сталин, Год великого перелома, «Вопросы ленинизма», изд. 9-е, 1932 г., с. 432.

Разрешаемая во второй пятилетке задача искоренения пережитков капитализма не только в экономике, но и в сознании людей, в области исправительно-трудовой реализуется в виде организованной во всех звеньях исправительно-трудовых учреждений планомерной работы над переделкой бывшего классового врага, деклассированных элементов, а также правонарушителей из социально-близкой пролетариату среды в сознательных участников социалистического строительства. Эту задачу как прямой вывод из решений XVII партийной конференции поставил с предельной ясностью и широтой т. Постышев в докладе на первом совещании работников юстиции РСФСР в 1931 г. «Сохраняя во всей суровости и жестокости нашу карательную политику, наши репрессии, наши меры подавления в отношении классового врага и деклассированных выходцев из среды кулачества и капиталистических элементов города, — говорил т. Постышев, — мы должны одновременно с этим поставить уже сейчас вопрос об усилении исправительно-трудового воздействия, усилении элементов воспитания в мероприятиях, применяемых органами нашей юстиции в отношении осужденных из этих социальных слоев»¹.

Значение работ по переделке сознания заключенных выступает со всей силой в указаниях Ленина, относящихся, правда, к вопросу об использовании буржуазных специалистов, но тем не менее самым непосредственным образом освещающих и этот вопрос.

«Мы хотим строить социализм, — говорил Ленин, — немедленно из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены, если забавляться этой побасенкой... У нас нет других кирпичей, нам строить не из чего. Социализм должен победить, и мы, социалисты и коммунисты, должны на деле доказать, что мы способны построить социализм из этих кирпичей, из этого материала... Вот как вопрос поставлен историческим наследием мирового капитализма!»².

Превращение наиболее скверного людского материала в полноценных активных и сознательных строителей социализма и составляет собою ту задачу, которую призвана осуществить наша исправительно-трудовая политика.

Поэтому на наши исправительно-трудовые органы ложится задача колоссальной политической важности по переделке сознания той части людского материала, которая наиболее трудно поддается этой переделке.

Общество периода диктатуры пролетариата, как указывает Маркс, не может не иметь на себе родимых пятен капиталисти-

¹ Постышев, Основные задачи советской юстиции на современном этапе, 1932 г., с. 26—27.

² Ленин, т. XXIV, с. 65.

ческого строя. Одним из таких родимых пятен, печальным наследием капитализма, является преступность, порожденная делением общества на классы.

Исправительно-трудовая политика является неотъемлемой составной частью уголовной политики, она выражает собой всю силу и мощь пролетариата, ибо пролетариат является единственным в истории человеческого общества господствующим классом, который приходит к власти с тем, чтобы уничтожить всякое господство, и сознательно самоупраждает себя как класс, построив бесклассовое социалистическое общество. Именно поэтому так велика и крепка сила и мощь пролетарского государства, именно поэтому пролетариат так усиленно работает над разрешением задачи перевоспитания недисциплинированных трудящихся. Пролетариат разрешает эту задачу в отношении не только деклассированных элементов, элементов разложения капиталистического общества и представителей стихии мелкобуржуазной анархичности, но и остатков разгромленного, разбитого классового врага.

В отличие от капиталистического мира советское государство не мстит преступнику, и наказание в советской уголовной политике — это не возмездие за совершенное зло.

Советская власть, изолируя преступника, исправляет его и переделывает. В кузнице сознательного производительного труда, соединенного со всеми формами и методами культурно-воспитательного воздействия, перековываются остатки разгромленного классового врага, деклассированные элементы и совершившие преступления неустойчивые элементы из среды трудящихся.

Особенности и преимущества советской исправительно-трудовой системы с ее установкой на самостоятельность заключенных, коллективные формы труда и перевоспитание человека особенно резко выступают при противопоставлении ее пенитенциарной политике капиталистических стран.

В условиях фашистской Германии буржуазная теория о «неисправимости» преступников нашла наиболее широкое распространение и приобрела господствующий характер.

Новейшей иллюстрацией проведения ее в жизнь может служить новейшее фашистское германское законодательство и в частности ноябрьский закон 1933 г., направленный против «привычных преступников». Попутно с целым рядом других драконовских мероприятий этот закон против профессиональных преступников предусматривает кастрацию их, пожизненное тюремное заключение и лишь в исключительных случаях ограничивается весьма длительным сроком лишения свободы. Это связывается с утверждением о «неполноценности» личности преступника.

Один из творцов этого закона, германский министр юстиции Гюртнер, в интервью с представителями прессы по поводу издания этого закона прямо заявил, что изоляция является «в принципе неограниченной, в противоположность прежней парламентской практике, предусматривавшей максимум лишения свободы 10 лет. На практике изоляция будет осуществлена в каторжных тюрьмах. Все говорит за то, что привычный преступник всегда возвращается к своему прежнему ремеслу. Срок заключения по новому праву может быть пожизненным. Он является единственной твердой гарантией того, что преступник не возобновит свой прежний жизненный путь»¹.

Взгляд на профессионального преступника как на неисправимого связывает фашистские уголовно-правовые «теории» с ломброзианством. Эти «теории» по сути дела так же, как и ломброзианство, стремятся дать объяснение социальным явлениям, заимствуя аргументацию из области биологической. Фашистские «теоретики» вынуждены признать свою несостоятельность в деле исправления преступника-рецидивиста. Эта несостоятельность каждодневно подтверждается данными роста профессиональной преступности и рецидива². В связи с этим национал-«социалистические» «ученые» возобновляют ломброзианскую теорию, утверждающую, что преступники представляют собою низшую расу человечества. Фашистская «теория», выполняя социальный заказ буржуазии, пытается замаскировать тот факт, что разрешение вопроса о профессиональной преступности упирается в самую сущность капиталистического строя, пытается замаскировать тот факт, что преступление есть социальное явление и оно порождено делением общества на классы, классовыми противоречиями и классовой борьбой. Поэтому «теоретики» фашизма, возрождая антропологическую теорию уголовного права, стремятся биологизировать и психологизировать проблемы уголовного права. Невозможность исправления профессионального преступника в условиях капиталистического строя выводится ими из якобы существующих у этих людей биологически обусловленных преступных наклонностей. Утверждением о принадлежности профессиональных преступников к низшей расе человечества, о неисправимости их вследствие прирожденных свойств преступников, фашистские «теоретики» хотят обосновать самую жестокую репрессию, проводящуюся в капиталистических странах. Приведенный германский закон достаточно красноречиво показывает тот путь, по которому идет германская буржуазия в борьбе с профессиональной преступностью.

¹ «Дейтше Альгемейне Цейтунг» от 10 ноября 1933 г.

² Так, например, возникшая в 1933 г. в Лондоне «Ассоциация научного изучения заключенных» в своей программе вынуждена констатировать беспрерывный рост преступников, «...большой процент которых становится привычным». См. «Journal of criminal Law and Criminologie», Sp. 1933.

Но и тогда, когда буржуазная пенитенциария не отказывается прямо от исправления и ставит перед собой якобы задачу «морального исправления преступника», она фактически сводит эту задачу к моральному подавлению заключенного, к угнетению его психики, к палочной дисциплине и т. п.

Бывшая царская Россия, являвшаяся в силу ряда условий, как указывает т. Сталин, узловым пунктом противоречий империализма, в области репрессий во многом предвосхитила те пути, которыми пошли в послевоенные годы все фашизирующиеся капиталистические страны. Апология голого насилия, которая давалась царскими пенитенциаристами, «воспроизводится на повышенной основе» в целом ряде, с позволения сказать, «научных» статей не только в фашистской Германии, но и в самых «демократических» странах.

После подавления революции 1905 г. царские пенитенциаристы восторгались такой системой «исправительного» воздействия на заключенных:

«Весь двор тюрьмы с особых вышек, устроенных на углах тюремной ограды, открыт свободному обстрелу, и часовые на своих позициях в самое короткое время могли бы расстрелять половину тюрьмы. Это отлично сознается арестантами и удерживает их в надлежащих границах»¹. «Тюремное начальство не может быть без явного ущерба для дела, — пишет автор дальше, — лишено возможности применения мер грубого физического воздействия на некоторых индивидов, не поддающихся ординарным мерам... Смеем уверить, что арестанту в большинстве случаев собственная шкура драгоценна, и он не любит допускать знакомства с нею госпожи розги... горький опыт убедил нас, что арестант вообще при всяких уступках, во всех поблажках может быть нашим естественным врагом. Это так просто и понятно, ибо мы олицетворяем собою ту руку, которая давит и гнетет его преступную волю»².

И в последнее время даже в стране самой старой буржуазной культуры и самой высокой буржуазной демократии — в Англии — находятся десятки голосов, восхваляющих систему голого и открытого грубого насилия. Вот что пишет автор, интересный уже тем, что он является сыном великого писателя Чарльза Дикенса:

«Я должен сказать, что всецело верю в благотворное действие на молодежь наказания розгами, которое с успехом должно применяться в случаях вымогательства, нападения и кражи со взломом, даже при отсутствии применения физического насилия. Большое впечатление произвело на меня посещение одной

¹ Савицкий, Александровская центральная каторжная тюрьма, «Тюремный вестник» № 10 за 1907 г., с. 758.

² Там же, с. 766—767.

большой тюрьмы. Я выразил желание посмотреть так называемую «кошку» — девятихвостку. Один из надзирателей принес плеть и, положив ее на стол, сказал: «милорд, это наша спасительница, без нее наша жизнь не стоила бы ломаного гроша»... Для того, чтобы наказание действовало устрашающе, тюрьмы должны быть местом, которого все старались бы избегать, и работа заключенных должна быть такого рода, чтобы отпугивать людей»¹.

Естественно, что такого рода «воспитательное воздействие» никак не может быть увязано с коллективными формами воспитания, ибо коллектив повышает чувство человеческого достоинства каждого заключенного и тем самым препятствует проведению системы морального подавления заключенного, на языке буржуазных ученых называемой «воспитанием преступника».

Понятно поэтому, что все буржуазные пенитенциарные системы направлены к тому, чтобы разобщить заключенных, воздействовать на каждого из них в отдельности, оторвав от коллектива товарищей по заключению, тогда как сами заключенные повсюду стремятся к своей коллективной организации для противодействия произволу тюремщиков и для товарищеского общения.

Именно в этой задаче разобщения заключенных во что бы то ни стало и заключается один из источников соединения теологического мучительства с юридическим наказанием, высшим выражением которого, по словам Маркса, является целлюлярная система (система одиночного заключения).

Царская Россия, не имевшая достаточных средств для устройства усовершенствованных тюрем, пыталась систему одиночного заключения заменять всяческими методами разобщения арестантов и уничтожением тюремного общения заключенных.

В лекции, прочитанной для лицейцев, один из руководителей тюремного управления царской России, Саломон, подчеркивает: «Арестанту внушается, что в тюрьме каждый отвечает сам за себя, что арестанты не отвечают друг за друга и что если в случае беспорядка наказанию подвергается целое отделение, особенно когда виновные не могли быть обнаружены, то отнюдь не в силу какой-либо круговой поруки, а потому, что каждый признается виновным в отдельности. Вы догадываетесь, что смысл этих внушений заключается в усиленном подтверждении несуществования арестантской общины»².

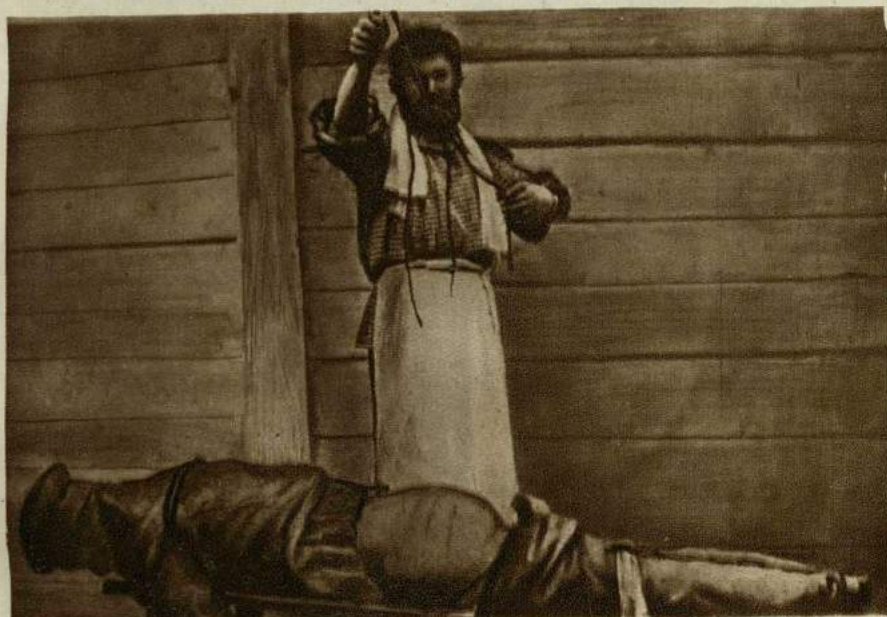
Самый труд рассматривается буржуазными пенитенциаристами очень часто как момент,

¹ Dickens, Henry F., «Verbrechen und Strafe», «Mschr f. Kriminalpsychologie und Strafrechtsreform», Н. 2, 1933.

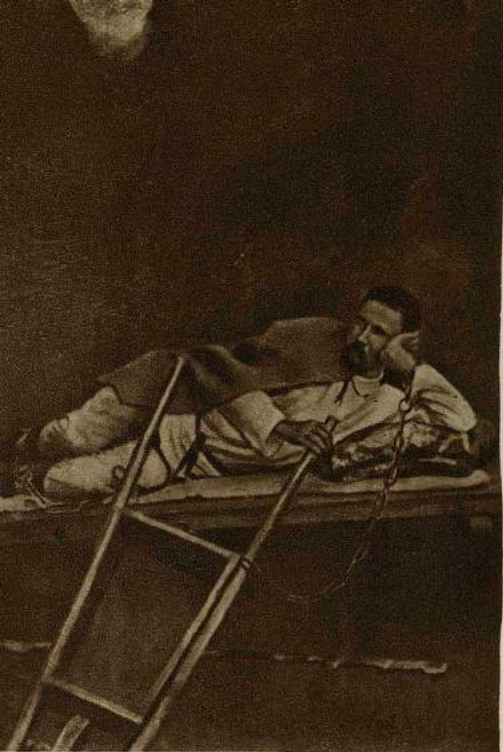
² А. Саломон, Тюремное дело в России, 1898 г., с. 17.

Телесные наказания в тюрьмах б. царской России. Плеть

Телесные наказания в тюрьмах б. царской России

Прикованный к тачке в каторжной тюрьме
б. царской России

Телесные наказания в тюрьмах ка-
питалистических стран

усиливающий наказание. По мнению крупнейшего русского ученого, бывшего в свое время председателем русской группы Международного союза криминалистов, профессора Фойницкого, труд в местах лишения свободы есть «прибавка» к наказанию¹. Еще более широкое распространение такие взгляды получили на практике.

Н. Лучинский в статье «Арестантские работы во Франции и России», характеризую французскую каторгу, пишет: «...они (заключенные — И. А.) лишены права выбора для себя труда сообразно со своими склонностями или желаниями...»². Далее он пишет: «...сделав из труда лишнюю тягость и предмет отвращения для заключенного, мы возлагаем на этот труд самые возвышенные надежды и ответственную миссию — облагородить преступника и сделать из него вместо привычного тунеядца полезного члена общества»³.

Специальное описание каторжного труда на знаменитой «колесухе» (постройка колесной Амурской дороги) дает А. Соболев: «На корчевке во-всю гулял приклад, на корчевке кровью исходили люди.... Щебень дробишь, грузишь в тачки, подвозя к вагонеткам, а тачки сломанные. Говорили старшему надзирателю Гвоздеву, посмелев попросили заменить новыми, а тот коротко ответил: на то и каторга, чтобы тачки были сломанные, с целыми немудрено. Остались при старых: спотыкались, отдавливали себе пальцы»⁴.

Другой участник постройки «колесухи» пишет: «...эта проклятая дорога построена не для нужд, а для того чтобы получилась действительная амурская каторга». «Не ваша работа, а ваша кровь нам нужна», — при всяком удобном случае твердило каторжное начальство; это самое любимое выражение десятника Макарова; да, он говорил правду»⁵.

В послевоенный период положение стало не лучше, а хуже. Достаточно напомнить такие широко известные материалы, как книгу Лондра о французской колониальной каторге⁶ и описание организации труда в фашистских концентрационных лагерях, даваемое «Коричневой книгой». Не условия заключения в тюрьме приравнивались к необходимости правильно организовать

¹ Фойницкий, Учение о наказании в связи с тюремоведением, изд. 1889 г., с. 371.

² «Тюремный вестник» № 1 за 1906 г., с. 39.

³ Там же, с. 49.

⁴ А. Соболев, Записки каторжанина, 1925 г., с. 70—71.

⁵ Эти слова взяты из рукописи Гринберга, крестьянина, осужденного рижским военным окружным судом за участие в одном из эпизодов декабрьского восстания в Прибалтийском крае к шести годам каторжных работ в 1906 г. Рукопись найдена в архиве Бутырок и опубликована в «Историко-революционном бюллетене» № 2—3, 1922 г., с. 37—41.

⁶ Альберт Лондр, Каторга, 1925 г.

труд, а организация труда подчинялась задачам сделать его наиболее мучительным. Не стоит останавливаться на всем уже известным бессмысленных формах труда заключенных, вроде ступательной мельницы, отмененной только в конце прошлого века, или перетаскивания ядер или песка с места на место, до сих пор практикуемых не только в ряде колоний, но и в американских государственных тюрьмах. Даже в тех случаях, когда вставал вопрос об организации производительных работ, основным требованием оставалось — мучительный характер труда заключенных.

Исходя из этого, многие практики и теоретики тюремного дела высказывались против применения арестантского труда на так называемых внешних работах¹.

«Внутренние работы, — пишет начальник Поречской тюрьмы Вихарев, — несравненно целесообразнее внешних, так как заключенные, находясь в стенах тюрьмы, несомненно, несут должное наказание за совершенные ими преступления, между тем как на внешних работах они себя чувствуют почти свободными и находятся вообще при условиях, которые не вполне удовлетворяют целям тюремного заключения, почему и характер подобного рода ведения работ для заключенных не может иметь в полном смысле значения наказания»².

Ту же точку зрения поддерживает другой тюремовец царской России — Красовский. Он также считает, что «...условия исполнения внешних работ находятся в противоречии с идеей тюремного заключения и нарушают тюремный режим в существенных его частях»³.

Даже в тех случаях, когда труд не являлся прямым средством свести заключенного в могилу, — как, например, на французской каторге, правильно названной «сухой гильотиной», или на царской «колесухе», — он был организован так, что по своему характеру своему вызывал отвращение у заключенных и не давал им никаких навыков, которые могли бы быть использованы на свободе как трудовая профессия. Достаточно привести хотя бы список работ, которые рекомендует для заключенных русский буржуазный ученый Гогель, впервые введший в Петербургском университете специальный курс уголовной политики и, кстати сказать, после Великой пролетарской революции эмигрировавший за границу.

¹ Внешними работами назывались те работы, для производства которых арестанты должны были выводиться за пределы тюремного помещения. Внутренними работами назывались те, которые выполнялись арестантами внутри тюремного здания.

² Вихарев, Арестантские работы, «Тюремный вестник» № 8 за 1895 г., с 431.

³ Красовский, О занятии арестантов работами в русских тюрьмах, «Тюремный вестник» № 11, с. 528, 1897.

Гогель приводит список работ, рекомендуемых им для заключенных: «Плетение корзин, плетение веревочных и лычных лаптей и туфель, плетение половиков, мат, витье веревок и канатов, тканье рогожных кулей, щипанье пеньки, шерсти, пуха, шелка и др., плетение из пеньки, изделие из мочалы, валянье валенок и котов и обшивка их, шитье мешков, плетение и клеение коробок, картонажные работы, клеение аптечных мешков, оклейка соломой по дереву и картону, гильзовые работы, изготовление соломок деревянных для спичек и изготовление коробок для спичек, вязанье сетей, чулок, скатертей, изготовление половых щеток, плетение кружев, изготовление металлических сеток, оплетение бутылок, плетение гарусных, на веревочных подошвах, туфель, изготовление ковров из сукна, шерсти и обрезков кожи, починка мебели (с соломенными сиденьями), корневые изделия, изделия из бересты, резанье пробок»¹.

Эту точку зрения проводило в жизнь Главное тюремное управление царской России. В очерке своей деятельности это управление объявило основным принципом организации труда заключенных создание работ, которые «...должны быть простыми и по преимуществу ручными... имея свой первообраз скорее в кустарной мастерской, чем в фабричном корпусе»².

Эта установка, однако, не представляет собой особенности царской России. В настоящее время едва ли не большинство видных буржуазных пенитенциаристов глубоко пессимистически оценивают возможность профессионального обучения в буржуазной тюрьме. Так, германский пенитенциарист Громан считает, что тюрьма может обучить только несложным профессиям, которые не имеют применения на свободе. «Несложным профессиям, — пишет Громан, — заключенный может научиться. Он научается ставить заплатки, мыть полы, быть может, немного садоводству, кормить свиней, некоторым фабричным приемам. Но это небольшие достижения... На основании опыта я могу утверждать, что 75% приобретенных в тюрьмах знаний не используется»³.

При такой организации тюремного режима и в частности труда неудивительно, что буржуазная теория приходит к выводу о существовании неисправимых преступников. Беда этой теории заключается, однако, в том, что сами же буржуазные ученые невольно показывают, что источник такой неисправимости — не прирожденная склонность преступника к преступлению, а особенности именно капиталистического строя и в частности его системы репрессии. Интересна оценка, которую дает пенитенциар-

¹ Гогель, Арестантский труд, журнал «Тюремный вестник» № 2 за 1913 г., с. 330.

² Очерк деятельности Главного тюремного управления за 1879—1914 гг., «Тюремный вестник» № 2 за 1914 г.

³ Цит. по статье Музыканта и Холецкого, сб. «От тюрем к воспитательным учреждениям», с. 150—151.

ным учреждениям один из русских буржуазных исследователей царской тюрьмы:

«Русская тюрьма сделалась для народа развращающим учреждением; она:

1) притон разврата, мошенничества и фабрика фальшивых паспортов, монет и ассигнаций;

2) община разбоя, грабежа, воровства и всех возможных пороков;

3) проводник безнравственности, упорства и неповиновения властям и, наконец,

4) рассадник рецидивистов»¹.

«Русские арестантские роты, — пишет другой, — только номинально носят название исправительных отделений. К сожалению, перевоспитание... до сих пор не только мало осуществилось, но даже попытки к организованной деятельности в этом направлении встречались в России крайне редко»².

«Арестанты, — откликается третий, — в общем не только остаются такими, как прибыли в тюрьму, но чаще делаются хуже»³.

Таково, как видим, единодушное мнение авторов статей в «Тюремном вестнике». А царские практики из либерально настроенных тюремщиков давали в минуту «рыцарства на час» и объяснение этих жалких результатов.

Орлов, рассказывая о том, что ему пришлось слышать от одного из начальников тюрьмы, передает его слова: «Нам дают много и в сущности ничего: крепкие решетки и замки, вооруженный надзор, дисциплинарные взыскания..., а для нравственного воздействия на заключенных жиденькие библиотеки, отсутствие средств на наем учителя и два-три часа труда в неделю, тюремного священника, занятого всегда другими обязанностями и смотрящего на тюремное дело как на приватное, ввиду скудости «вознаграждения»⁴.

Как указывает отчет по Главному тюремному управлению, в 1913 г. было ассигновано на содержание духовенства и церковные школы 151 000 руб., на содержание учителей и библиотекарей — 11 000 руб., на содержание школ и библиотек 14 000 руб.⁵.

Но и лучшие американские реформатории по своим результатам недалеко ушли от захудалых тюрем отсталой царской России.

¹ «История и современное состояние тюремных учреждений за границей и в России», под ред. Сологуба, изд. 1873 г., с. 68.

² Аксаков, Труд как орудие нравственного возрождения, «Тюремный вестник» № 6, 1903 г., с. 473.

³ Почтарев, К вопросу об организации арестантского труда, «Тюремный вестник» № 9, 1889 г., с. 431.

⁴ «О досрочном освобождении», «Тюремный вестник» № 9 за 1903 г., с. 736.

⁵ «Тюремный вестник», 1914 г., прил. № 12, с. 128—129.

По словам одного из видных германских буржуазных ученых, специалиста по вопросам пенитенциарии, проф. Липмана, — современные американские тюрьмы представляются «...во многих случаях типичными учреждениями для порчи, а не для исправления»¹.

Знаменитый американский реформаторий Эльмайра, по словам Липмана, лучше всего определяет ходячий арестантский каламбур, утверждающий, что Эльмайра построена на блефе². Такую же оценку дает американской пенитенциарной системе и появившаяся в 1929 г. работа супругов Глюкк «Пятьсот преступных карьер», в которой исследуется судьба 500 заключенных в американских «исправительных» учреждениях после выхода заключенных на свободу. Эта работа на живых примерах показывает, что подавляющее большинство «исправившихся» снова попадает на путь преступления.

Лондонская Ассоциация научного изучения заключенных также указывает на невозможность возлагать надежды в смысле исправления преступника «...на бесполезное, деморализующее и повторяющееся тюремное заключение»³.

Очень решительное осуждение французской пенитенциарной системы срывается с уст человека, который имел возможность непосредственно наблюдать то, что происходит на каторге в Гвиане. Доктор Луи Руссо приходит к выводу, «что пенитенциарные и исправительные колонии для малолетних развращают подростков (молодежь), что каторжные исправительные тюрьмы не достигают ни в малейшей степени исправления преступников и что заключение в наших тюрьмах превращает осужденных в человеческое отребье с социальной ценностью, значительно меньшей при выходе, чем при заключении»⁴.

Как противоположны системы капиталистическая и социалистическая, так противоположны задачи, методы, содержание и форма буржуазной пенитенциарии и советской исправительно-трудовой политики.

Меры подавления, применяемые пролетариатом, содержат в себе то общее с наказанием, применяемым буржуазией, что имеется общего у советского государства в целом с государством эксплуататорского типа. Это общее, как указывает т. Сталин, заключается в том, что всякое государство — орган классового насилия, орудие господствующего класса.

¹ M. Zierman, Amerikanische Gefängnis und Erziehungsanstalt, Mannheim, 1927, J V.

² Игра слов: «блеф» означает на английском языке и холм и надувательство.

³ Journal of criminal Law and Criminologie. Spt. Oct. 1933 г.

⁴ Луи Руссо, Врач на каторге, 1930 г.

Но советское государство, как подчеркивают и Ленин и Сталин, уже не государство в точном смысле этого слова. Это государство осуществляет насилие, принципиально качественно иное, противоположное насилию, применяющемуся в любом эксплуататорском государстве. Оно выражает интересы не эксплуататорского меньшинства, а трудящегося большинства.

Его целью является не закрепление классового государства, а создание бесклассового общества.

Эти же черты отличия видны в советском уголовном наказании при сравнении его с наказанием любого буржуазного государства. Советское государство задачу подавления классового врага вплоть до необходимого в ряде случаев физического уничтожения этого врага связывает с воспитательной работой в массах. Мобилизация трудящихся масс на классовую борьбу, целью которой является уничтожение классов, есть основа наших успехов в области подавления классово враждебных сил.

В отличие от буржуазного наказания, страдание, неизбежно содержащееся во всяком наказании, в советской исправительной системе выступает не как цель, а как средство, применяемое, говоря словами Ленина, в пределах «минимальнейшего минимума», необходимые границы которого определяются общими условиями классовой борьбы. Поэтому советский закон говорит с полным основанием, что возмездие не является его целью.

Диаметрально противоположны установки буржуазных теоретиков. Один из виднейших буржуазных теоретиков — Зауэр, анализируя вопрос о задачах наказания, прямо указывает, что «...сущность наказания — страдание, причиняемое преступнику уполномоченным на то органом общества с целью возмездия за тяжкую неправду и с целью искупления им вины»¹. Исходя из того, что «...задачей наказания не может быть борьба с преступлениями, а только возмездие»², Зауэр несколько раз подчеркивает, что «правовое наказание — страдание преступника с целью возмездия...»³. В опубликованной международной комиссией по уголовному праву и тюрьмоведению программе XI международного тюремного конгресса (Берлин — 1935 г.) содержится ряд вопросов и ответов на них. В ответе на третий вопрос второй секции прямо говорится о том, что «...сущность наказания заключается в причинении страдания...»⁴.

Таким образом, основные исходные положения о сущности наказания в пролетарском государстве совершенно иные, чем в буржуазных странах. Поэтому при осуществлении мер подавления содержание наказания в советской исправительно-трудовой

¹ Sauer, Grundlagen des Strafrechts, 1921, с. 86.

² Там же, с. 110—111.

³ Там же, с. 71.

⁴ «Blätter für Gefängniskunde».

политике и его цель — в полной противоположности с буржуазным наказанием — не страдание, а действительное исправление, переделка сознания преступника. Условия настоящего момента, когда мы подошли к границам бесклассового общества, с особой резкостью выявляют это коренное различие. Буржуазное наказание стремится закрепить у преступника сознание подчиненности, подавленности и страха перед эксплуататорами. Пролетарий должен выйти из тюрьмы не только попрежнему пролетарием, но пролетарием рабски придавленным, который будет, как говорил Маркс, покорно, как овца, работать на капиталиста.

Советское уголовное наказание на данном этапе ставит перед собой прямо противоположную цель. Оно стремится к тому, чтобы не только выходцы из среды трудящихся, но и классово чуждые элементы выходили из лагерей социально обновленными, способными стать сознательными тружениками социалистического общества.

Ленинское указание на необходимость сочетания принуждения с убеждением находит полное применение и в условиях исправительно-трудовых лагерей НКВД. Умение сочетать необходимые, в определенных случаях, меры административного взыскания со всеми формами и методами убеждения — основа лагерного режима.

Но соотношение элементов и задач принуждения и убеждения, подавления и воспитания, резко изменяется на различных этапах классовой борьбы.

Первое упоминание о лагерях в советском законодательстве тесно связано с наиболее острыми задачами и формами подавления классового врага. Так, декрет о красном терроре (15 сентября 1918 г.) говорил о необходимости «обеспечить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях»¹. В 1919 г., в апреле и мае, были изданы декреты, в которых говорилось «о лагерях принудительных работ», предназначенных также для классово враждебных элементов и других правонарушителей². На Украине концентрационные лагеря были организованы в 1920 г.

В течение всего периода военного коммунизма лагеря являлись бесспорно мерой классового подавления. Их основной задачей была изоляция, а не исправление. Но и в этот период ожесточенной борьбы на лагеря распространялись основные принципы советской исправительно-трудовой политики, как, например, ограничение рабочего дня заключенных и оплата их труда. Следует подчеркнуть, что и тогда изоляция применялась в пределах необходимого минимума. Положение о лагерях в отноше-

¹ Собрание узаконений за 1918 г., № 65, ст. 710.

² Собрание узаконений за 1919 г., № 12, ст. 124 и № 20, ст. 235.

нии заключенных, проявивших себя особо добросовестной работой, знало такую, неслыханную даже для самых мягких форм лишения свободы в буржуазном государстве, льготу, как разрешение жить на частной квартире и являться в лагерь лишь на работу. Это Положение о лагерях даже в условиях гражданской войны не отказывалось от возможности перевоспитания. Оно предусматривало возможность досрочного освобождения из лагерей тех заключенных, которые за время изоляции их от общества загладили свои прошлые преступления и зарекомендовали себя «особым трудолюбием».

В то же время лагеря ВЧК — ОГПУ были первым учреждением советской исправительно-трудовой политики, резко применившим принцип классовой дифференциации заключенных. Приказ ВЧК № 10 от 8 января 1921 г. подчеркивал, что «в целях отнения, отличия рабочего и крестьянина от враждебной нам по классу буржуазии, в отношении последней репрессию усилить... досрочное освобождение к буржуазии не применять»¹.

В 1922 г. в связи с окончанием гражданской войны исправительно-трудовые лагеря как массовая форма репрессии ликвидируются. В течение всего восстановительного периода исправительно-трудовые лагеря играют сравнительно второстепенную роль. В них направляются преимущественно две основные группы преступников: наиболее злостные и опасные спекулянты-хищники, и наиболее опасные деклассированные преступники — рецидивисты, воры и бандиты.

В реконструктивном периоде в связи с ликвидацией кулачества как класса на базе сплошной коллективизации происходит резкое обострение классовой борьбы. И вновь возрастает роль лагерей в борьбе с наиболее опасными классово враждебными элементами, вредителями, контрреволюционным кулачеством, проявившим себя в террористических актах, в расхищении социалистической собственности или в контрреволюционной агитации, и с деклассированными преступниками-профессионалами. Было бы, однако, грубейшей политической ошибкой отождествлять роль лагерей в этот период с их ролью в период военного коммунизма. Перед лагерями встает и, чем более мы продвигаемся вперед к уничтожению враждебных классов, приобретает все большее значение не только задача изоляции и подавления, но и задача перевоспитания, переделки сознания людей.

Проблема переделки сознания преступников ставит перед марксистом чрезвычайно сложную и интересную методологическую задачу. Все мы знаем старую марксистскую формулу, испытанную и проверенную всем ходом исторического развития, всем

¹ См. Лацис, Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, изд. 1921 г., с. 23.

ходом классовой борьбы: «бытие определяет сознание». Эта классическая формула ставит перед нами вопрос, каким же образом можно переделать сознание, враждебное социализму, сознание классового врага, а также сознание деклассированных, сознание представителей стихии мелкобуржуазной анархичности, если в условиях жизни на свободе это сознание сложилось в враждебное для социализма? Ведь в условиях лишения свободы принуждение должно чувствоваться как насилие и может только усиливать вражду. Следовательно, казалось бы, по условиям бытия в местах лишения свободы, в лагерях немыслима переделка сознания в интересах социализма. Лагери показывают, однако, что эта неразрешимая на первый взгляд задача осуществляется в практике нашей работы, но реализация ее далеко не проста.

Первое условие решения этой задачи — производительный труд, который Маркс считал единственным возможным методом исправления. Но для того чтобы добиться успеха в таком массовом масштабе, труд, переделывающий сознание, труд, определяющий новыми условиями бытия новое сознание заключенных, должен быть особым, должен проходить в специфических условиях.

Если труд организован плохо, если он бессмыслен, если его цели и задачи отвратительны, то уже этим самым он превращается в разлагающий, а не поднимающий человека, — каторжный труд.

Влияние такого труда показано с достаточной убедительностью в воспоминаниях всех побывавших на каторжных работах в царской России.

«Мы прокладываем колесную дорогу — по-обычному: шоссе, — пишет А. Соболев. — Кому она нужна — неизвестно, для чего она России — неведомо. Технический персонал безграмотен — это даже нам, «неспециалистам», бросается в глаза; руководства — никакого; указаний — и в помине нет... Работаем со слепу, не знаем толком, годна ли работа, лишь бы урок был закончен вовремя.

И дорогу мы прокладываем не по сухим местам, не в прямом направлении, а обходом, по болотам, болота предварительно не высушив, вопреки здравому смыслу, но зато на благо того, кто руководит постройкой и на каждой лишней версте богатеет...

Мы строили дорогу, ненавидя ее; мы работали из-под палки, мы знали, что дорога точно нарочно придумана для издевательства над нами, мы чувствовали, от первого до последнего, всю ее бессмысленность, мы знали, что ни один обоз никогда не пройдет по ней...

Мы не боялись труда, — но труд на колесной дороге не был трудом, а пыткой, — нудной, утонченной»¹.

¹ А. Соболев, Записки каторжанина, 1925 г., с. 65—66.

Советская исправительно-трудовая политика никогда не знала бессмысленного каторжного труда. Главное направление и задачи труда как средства и метода исправления были, в основном, ясны с самого начала. Однако далеко не сразу удалось организовать действительно массовый, охватывающий всех заключенных труд и притом труд, построенный на правильных технических основаниях. Правда, еще в 1918 г. отчет Центрального карательного отдела НКЮ указывал, что «вводятся работы, по-возможности, не кустарно-ремесленного типа, а фабричного типа, что необходимо и для задач воспитания». Это заявление, однако, почти на 90% осталось на бумаге: работы фабричного типа организовывать для массы людей, не имеющих никакой квалификации, да еще в тех условиях, оказалось невозможным. В 1919 г. 2,5% заключенных, а в 1920 г. только 10% заключенных удалось занять работой в мастерских, которые отнюдь не представляли собой мастерских фабричного типа¹.

Не только организационные дефекты, но и общие условия классовой борьбы и труда в стране ставили до поры до времени лимиты для развития труда, охватывающего всех заключенных работой, повышающей квалификацию и имеющей политическое значение. В частности тормозили этот процесс наличие до 1929 г. безработицы в стране и широкое применение краткосрочного лишения свободы.

В годы восстановительного периода процент охвата лишенных свободы трудом колеблется от 35 до 45% по местам лишения свободы сначала НКЮ, затем НКВД².

В настоящее время основные проблемы массового развертывания труда как метода исправления с количественной стороны решены. Характер работ и распределение труда в исправительно-трудовых учреждениях НКЮ на 1 августа 1933 г. определяется следующими данными: 46% из общего числа занятых трудом лишенных свободы работали в промышленных предприятиях и совхозах; 32% — на массовых работах неквалифицированного труда и 22% — на хозяйственных работах и по обслуживанию мест лишения свободы³.

Как указывают Кесслер и Олейник, предприятия исправительно-трудовых учреждений РСФСР и УССР (тем более это можно сказать об исправительно-трудовых учреждениях других союзных республик) «в подавляющей массе являются предприятиями местного значения и их планы составляются, равняясь в основном на установки местных плановых органов... По отдель-

¹ См. сборник «От тюрем к воспитательным учреждениям», с. 29.

² См. «Тюремное дело» 1921 г., «Пенитенциарное дело» 1922 г. и Статистические обзоры деятельности местных административных органов НКВД РСФСР.

³ См. сборник «От тюрем к воспитательным учреждениям», статью М. Кесслера и В. Олейника, с. 121.

ным предприятиям системы ИТУ планы составляются иногда из заданий тех крупных хозяйственных органов, подсобными предприятиями которых по существу эти учреждения являются в производственном отношении. Работы также производятся на предприятиях хозяйственных органов, по договорам ИТУ с этими хозяйственными органами»¹.

В исправительно-трудовой практике наряду с количественными трудностями вставали и качественные трудности. Не сразу советская исправительно-трудовая политика имела возможность со всей полнотой оценить значение труда как орудия воспитания новой дисциплины и переделки сознания заключенных. Но уже Положение об общих местах лишения свободы, принятое 15 ноября 1920 г.², пыталось поставить вопрос о задачах труда. Оно правильно подчеркивало, что «труд, обязательный для каждого гражданина РСФСР, является обязательным и для заключенных». Однако, задача этого труда понималась узко, главным образом с экономической и технической сторон. «Занятие заключенных работами имеет воспитательно-исправительное значение, ставя своей целью приучить и приохотить к труду заключенных, дать им возможность по выпуске из места заключения жить трудовой жизнью»³. Эта формулировка имела значение, собственно, почти исключительно по отношению к неприученным к труду рецидивистам, профессионалам-преступникам. Политическая роль труда как орудия исправления, орудия втягивания в социалистическое строительство тех правонарушителей, которые умеют работать и в приучении к труду не нуждаются, тогда еще не могла быть полностью осуществлена. Это политическое значение труда не могло быть достаточно оттенено и в последующих законодательных актах⁴.

Иной раз делались попытки в осуществлении советской исправительно-трудовой политики заимствовать «лучшие» буржуазные образцы, вроде прогрессивной системы. Исправительно-трудовой кодекс 1924 г. в значительной степени был построен на основе этой системы, теоретическими апологетами которой выступали в свое время Ширвиндт и Утевский в первом издании их учебника советской исправительно-трудовой политики. Что означало практически применение прогрессивной системы, — показал т. Сольц. На I всесоюзном съезде работников пенитенциарного дела он говорил: «Нужно сказать, что до сих пор распределение заключенных идет по-старому, т. е. они распределяются на исправляющихся, образцовых и испытуемых, причем подход остался к ним тот же старый, ибо начальнику тюрьмы кажется,

¹ Там же.

² Собрание узаконений 1921 г., № 22—24, ст. 141.

³ Положение об общих местах лишения свободы, ст. 111.

⁴ См., например, ст.ст. 48 и 49 ИТК 1924 г.

что образцовый арестант — это тот, который меньше всего его беспокоит, а таковым является нэпман, который с первого же дня является образцовым арестантом, ибо его кормят из дому, скверными словами не ругается, о нем меньше приходится беспокоиться. С точки зрения тюрьмы — он образцовый арестант, так же как и священник и епископ, которые ведут культурную работу и работу канцелярскую и пользуются поэтому разными привилегиями»¹.

Эти искривления исправительно-трудовой политики нашли свое отражение и в законодательстве о лагерях. Изданное в 1930 г. «Положение об исправительно-трудовых лагерях» строит режим их так же на своеобразной и в значительной мере формальной прогрессивной системе².

Не сразу получила правильную и полную оценку проблема социального качества и социальных форм труда как метода исправительно-трудовой политики.

Вопрос о социальном качестве труда как основы исправительно-трудовой политики долго оставался в тени. Правда, уже вскоре после начала коммунистических субботников подчеркивалось, что «необходимо приучить заключенных к труду коммунистическому, коллективному»³, однако очень долгое время этот момент не находил своего отражения в практике исправительно-трудовых учреждений.

Между тем лишь благодаря включению в общее русло социалистического строительства, как правило, «просто» труд, абстрактное, лишенное определенного общественного содержания «приучение к труду» могло быть заменено осознанным трудом человека, который не только готовится по освобождению стать в ряды активных строителей социализма, но который, работая в предприятии места лишения свободы, уже участвует в социалистическом строительстве, хотя и на небольшом, но определенном участке, уже работает на пятилетку, уже включается в дело построения социализма»⁴.

Исправительно-трудовые лагеря НКВД включают в свою систему все эти исторически завоеванные достижения советской исправительно-трудовой политики. Но в то же время исправительно-трудовые лагеря, которым приходится иметь дело с особо трудным составом заключенных, с особо сложными задачами, выработали ряд специфических особенностей в методах и тактике работы.

¹ Стенографический отчет «Съезда работников пенитенциарного труда», 1923 г., с. 138.

² См. Положение о лагерях, Собрание законов 1930 г., ст. 248, разд. 2, п. «Б», статья 6 и др., раздел 3, п. «Б» ст. 16—17.

³ Материалы НКЮ, вып. VII, с. 137.

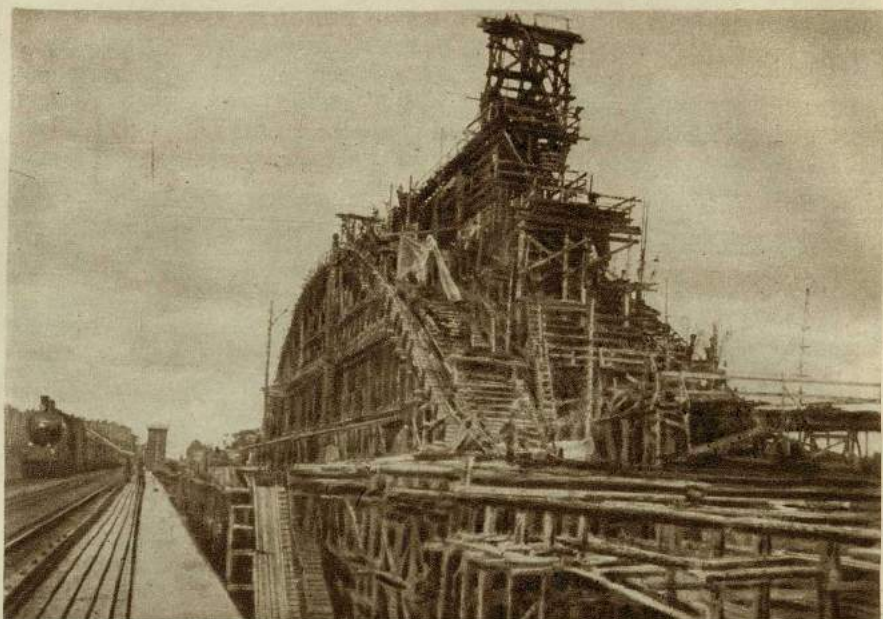
⁴ М. Апетер, 15 лет советской исправительно-трудовой политики. «Сов. юстиция», 1932, № 33, с. 19.

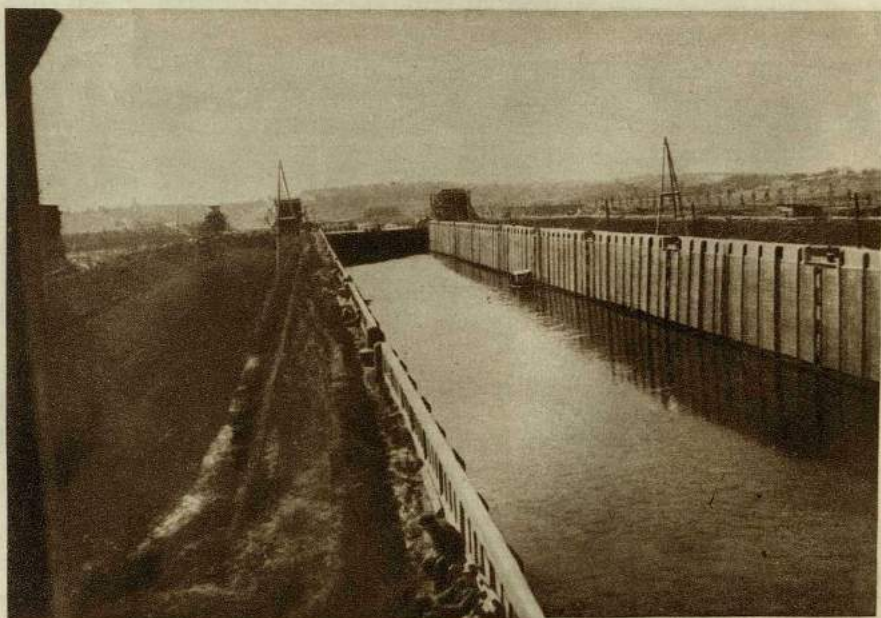
Общий вид строительства шлюза Перерва

Общий вид строительства Карамышевской плотины

Строительство железобетонного моста через канал у станции Химки

Общий вид строительства шлюза Перерва

2

Прежде чем перейти к разбору основных вопросов, касающихся этой тактики и методов перевоспитания, необходимо остановиться, хотя бы вкратце, на вопросе о характере и типе организации производственного процесса в лагерях НКВД.

Первый принцип, выработанный в практике лагерей НКВД,— принцип концентрации работ на гигантских объектах. Концентрируя работу лагерей на небольшом количестве строителей, поражающих воображение своей грандиозностью, — строителей, сделавшихся возможными лишь в реконструктивный период, лагери добиваются особой наглядности, особой эффективности и пафоса строительства.

Эффективность и пафос строительства Беломорско-Балтийского водного пути и канала Москва — Волга общеизвестны. Достаточно отметить только основные моменты политико-экономического значения и значения в деле поднятия обороноспособности страны канала Москва — Волга, строительство которого было возложено в конце 1932 г. на ОГПУ.

Сооружение канала превратит Москву в порт трех морей: Балтийского, Белого и Каспийского. С момента вступления в строй Волго-Донского канала Москва должна превратиться в порт пяти морей (Балтийского, Белого, Каспийского, Черного и Азовского).

Прорытие канала Москва — Волга и соединение этих двух рек должно привести, во-первых, к удовлетворению растущей потребности все увеличивающейся Красной столицы в воде. До революции на каждого жителя в г. Москве приходилось лишь 61 литр воды в сутки. К настоящему времени вследствие работы насосных станций, количество воды на каждого жителя Москвы достигает 133 литров в сутки. Насколько это все же недостаточно, можно судить по тому хотя бы, что в целом ряде европейских городов возможность суточного потребления воды каждым жителем достигает 500 литров. Даже в ряде городов Советского союза каждый житель может получить 150—200 литров воды в течение суток. Соединением посредством канала Москвы-реки с Волгой будет достигнуто увеличение количества воды на каждого жителя Москвы до 500 литров при расчете роста населения Москвы до 4 миллионов человек.

Кроме того количество воды в Москве-реке уменьшается с каждым годом. Нужда московского населения в воде настолько велика, что Москва-река со всеми ее водохранилищами не в состоянии удовлетворить растущие потребности в воде увеличивающегося из года в год населения Москвы. Вследствие этого Москва-река по сути дела выпивается.

Необходимость обводнить Москву-реку вызывается еще и тем, что поступающая в реку отработанная грязная вода из домов и промышленных предприятий Москвы настолько ее загрязняет, что потребность в притоке чистой воды ощущается все

сильнее. В результате создания достаточного количества водохранилищ предназначенная для питья вода будет предварительно отстаиваться в водохранилищах. С окончанием канала Москва — Волга в реку Москву будет поступать незагрязненная волжская вода в количестве, достигающем до 100 куб. метров в секунду.

Величина канала будет настолько значительна (глубина 5,5 м, ширина по дну 46 м, и по поверхности воды 85 м.), что канал сможет пропустить самые большие грузовые и пассажирские речные суда и часть морских судов с осадкой, не превышающей 16 футов. Тем самым канал входит в число наиболее крупных каналов всего мира (вроде Панамского, Суэцкого и др.). Канал будет настолько велик, что через него смогут проходить суда с грузоподъемностью, достигающей 18 тыс. тонн (примерно 1110 ж.-д. вагонов). Уже в начале третьей пятилетки грузооборот по Москве-реке достигнет 6 млн. тонн.

При помощи канала будет установлен судоходный путь, связывающий г. Москву с г. Горьким, причем водный путь между этими городами сокращается на 110 км, на севере же, через г. Рыбинск и Мариинскую систему, канал сократит водный путь до Ленинграда на 1110 км.

Протяженность канала — 128 км, причем 107 км будут прорыты в грунте и 21 км канала должен будет проходить по вновь сооруженным водохранилищам. Начало канала будет проходить у деревни Ивановково, находящейся приблизительно в 20 км выше г. Савелова. В самом начале канала, на левом берегу Волги, против деревни Ивановково должна быть сооружена бетонная плотина, шлюз и дамба длиной в 10 км, чем будет достигнут подъем уровня воды в реке Волге на 18 метров. Тем самым верхняя часть Волги до г. Калинина превратится в достаточно глубоководную.

Для того чтобы выполнить задачи, стоящие перед каналом, строится 7 земляных плотин, 3 бетонных плотины, 5 насосных станций и 10 шлюзов. Эта лестница шлюзов на Волжском и Московском склонах обеспечит прохождение судов на всем протяжении канала.

Шесть шлюзов, расположенных между Ивановковской плотинной и Учинским водохранилищем, сделают возможным подъем проходящих по каналу судов на 55 м от сегодняшнего уровня воды реки Волги. В процессе работ по сооружению канала, включая создание Истринского водохранилища, будет вынуто земли 94 599 тыс. м³, насыпано земли 39 950 тыс. м³ и, следовательно, всего проведено земляных работ в размере 134 549 тыс. м³; бетонных и железобетонных работ будет проведено в количестве 2560 тыс. м³. По всему каналу будет возведено 196 гидротехнических сооружений. По количеству бетонных работ канал превышает все сооружения, которые мы имели до сих пор в Советском союзе.

Окончание работ по западной и восточной ветвям канала во-

круг г. Москвы включает Москву в водное кольцо, окружающее весь город. Этим будет одновременно достигнуто облегчение работы водного транспорта и возможность бесперебойного снабжения водой всего города.

Таким образом строительство канала, соединяющего реки Москву и Волгу, представляет собой одно из крупнейших строителств Советского союза, и если сравнить его с сооружением Беломорско-Балтийского канала, то будет превышать последний по земляным работам примерно в 7 раз.

Создаваемые на строительстве Москва — Волга шлюзы и каналы вдвое превышают подобные сооружения Беломорско-Балтийского канала им. Сталина. Проводящиеся на Москва — Волга канале железобетонные работы в количестве 2 700 000 м³ — втрое больше, чем на Днепрострое. Само собой понятно значение канала в смысле поднятия обороноспособности нашей родины. Стратегическое значение канала очень велико.

Приведенный нами перечень основных цифр лишь в общих чертах характеризует размах работы по строительству канала. В приказах по лагерю, в диаграммах, схемах и плакатах, развешенных почти во всех бараках, эти цифры даются в наглядной форме и сопровождаются политически заостренными лозунгами. Самый размах строительства выступает, таким образом, как могучее агитационное средство.

Проводя концентрацию производства, лагеря наиболее резко и последовательно смогли осуществить те реформы, необходимость и экономическая значимость которых ощущалась по исправительно-трудовым учреждениям всего Союза. Так, например, управление исправительно-трудовых учреждений УССР, намечая по плану на 1931 г. прирост производительности труда на 242% к среднегодовой работе в 1928—1929 гг., одним из наиболее существенных оснований этого колоссального прироста наряду с механизацией и рационализацией выдвигало концентрацию предприятий, отказ от мелких нерентабельных, бесперспективных предприятий¹.

Концентрация на гигантских работах имеет, таким образом, громадное и методологическое и методическое значение в деле перевоспитания заключенных.

Вторым моментом особого методологического значения является самый выбор объектов и характер проводимых там работ. Основные объекты работы лагерей в последнее время — Беломорско-Балтийский канал, канал Москва — Волга — позволяют дать применение, с одной стороны, исключительно высококвалифицированному труду техников, инженеров и пр., обеспечивая, таким образом, исключительные творческие возможности, которые могут

¹ См. «Задачи исправительно-трудовых учреждений УССР в связи с переходом на самоокупаемость». Харьков, 1931 г.

увлечь, втянуть в работу одну часть заключенных лагерей — инженеров-вредителей и других заключенных из среды буржуазных специалистов. С другой стороны, характер работы на всех этих стройках позволяет провести основную массу заключенных (деклассированные, кулацкая контрреволюция, осужденные по закону 7 августа 1932 г.) по техническим этапам процессов стройки, как по ступеням их собственной технической переквалификации, по ступеням роста сложности задач, которые выдвигает сама работа перед тысячами изобретателей и рационализаторов. Путь Ковалева и многих других, проделавших в процессе строительства Беломорско-Балтийского канала и личную перестройку от плохого, неопытного землекопа до высококвалифицированного лаборанта по бетону или техника-прораба, помогает понять все методологическое значение выбора объектов и организации работ лагерями НКВД.

Третий момент, выработанный практикой, — это целостность работы. Работа ведется лагерниками не на деталях, не на отдельных участках, как в большинстве случаев это приходилось делать в исправительно-трудовых колониях НКЮ. Работа ведется лагерниками таким образом, что они участвуют в ней от начала до конца. Это дает возможность каждому лагернику почувствовать весь политический резонанс своего личного труда как части громадного целого. Это дает возможность наглядно ощутить величие этого целого, созданного от начала до конца при участии его личного труда. Такие факты, как выкладывание стен Беломорско-Балтийского канала камнями для красоты, добровольное закрепление на работе досрочно освобожденных до окончания стройки, показывают громадное методическое значение и этого принципа — принципа целостности работ.

Наконец, в процессе стройки, значение которой для всей страны систематически разъясняется заключенным, лагерники чувствуют реальную помощь и заинтересованность всей страны в их работе. Устанавливается связь с местными и областными организациями, устанавливаются отношения, постепенно подводящие заключенного лагерника к сознанию того, что и он является заинтересованным участником единой великой социалистической стройки, происходящей в стране.

Таким образом общая обстановка «бытия», общая схема производственного процесса в лагерях носят уже в самих себе ряд объективных возможностей для решения кажущейся с первого взгляда неразрешимой, как квадратура круга, задачи переделки сознания деклассированных и классово враждебных элементов, перековки их в труженников социалистического общества.

Превращение этих объективных возможностей в действительность не достигается, конечно, в порядке самотека. Это вопрос классовой борьбы и сложной, громадной, хотя зачастую незаметной, организационной работы.

Здесь с двух сторон встает перед нами проблема обратного действия надстройки, проблема особой роли субъективного в наших условиях. Тов. Сталин говорил о том, что у колхозников, экономически и вообще по своему бытию порвавших со старыми условиями единоличной собственности, надолго еще остаются в сознании частнособственнические пережитки.

Тем более применимы эти указания в отношении большей части тех элементов, с которыми имеют дело лагеря. По своему внешнему бытию эти элементы принудительно деклассированы, разбиты ударами пролетарской диктатуры, вырваны из прежней, классово враждебной социализму среды, причем у них отнята определявшая их классовую сущность экономическая, эксплуататорская база. Эти элементы принудительно включены уже в процесс социалистического строительства. Но приехавший вчера в Дмитровский лагерь кулак, бандит или расхититель собственности, прямой классовый враг или деклассированный, который сегодня уже трудится на социалистическом строительстве, конечно, не становится еще тем самым социалистическим тружеником. Его старое классовое сознание осталось с ним. В ряде случаев вражда и ненависть к социализму в сознании этих людей, в сознании побежденных врагов, у которых принудительно изменено их классовое бытие, только выросли, достигли еще большего ожесточения. Как же добиться перелома в этом сознании, как же их переключить на иные рельсы, рельсы социалистического строительства? Ленин, говоря о тех методах, при помощи которых мы можем и должны заставить буржуазных специалистов строить наше здание, указывал на два основных момента. Эти моменты сохраняют свое значение и для вопроса переделки заключенных в лагерях. Одним насильем, — говорил Ленин, — ничего не сделаешь. В добавление к насилью, после победоносного насилия, нужны организованность, дисциплина и моральный вес победившего пролетариата. Ленин указывает, что необходимо, чтобы тот человек, которого мы хотим повернуть в нашу сторону, но который по своему прошлому направлен против нас, прежде всего увидел, что «ему нет выхода, что к старому обществу вернуться нельзя». Эту задачу разрешает победоносное социалистическое строительство, закрывающее бывшим эксплуататорам возврат к прошлому.

Лагерям остается выполнить вторую задачу, которую Ленин называет задачей громадной трудности: «...создать такую силу, такую дисциплину, товарищескую дисциплину, советскую дисциплину, пролетарскую дисциплину, которая бы не только физически раздавила контрреволюционеров буржуазии, но и охватила бы их полностью, подчинила бы себе, заставила бы идти по нашим рельсам, служить нашему делу»².

² Ленин, т. XXIV, «Успехи и трудности советской власти», с. 67.

Как же создается внутри лагерей эта дисциплина, как происходит перелом в сознании классового врага? Секрет успехов лагерей НКВД в исключительно четком и быстром оперативном применении в лагерях всех указаний партии, направленных на укрепление и установление настоящей советской дисциплины, на правильную организацию труда во всей стране. В лагерях, в отличие от буржуазных тюрем, основная ставка делается на личную инициативу и коллективную деятельность самих заключенных. Конечно, в обоих случаях отправным моментом является деятельность среди тех лагерников, которые не являются сознательными классовыми врагами диктатуры пролетариата. Они являются той точкой, опираясь на которую численно небольшое количество чекистов может поворачивать в нужном направлении всю громадную массу заключенных в лагерях.

Этот охват и подчинение дисциплине начинается с использования в социалистических интересах старых, узко личных, эгоистических мотивов. Личная заинтересованность, начиная с самых примитивных ее форм — заинтересованности в улучшении пайка и т. д., постепенно приводит к использованию уже таких форм заинтересованности, которые сами по себе носят характер социалистической заинтересованности.

От моментов личной заинтересованности идет незаметный переход к воспитанию личной ответственности. Здесь тоже путем нарастания количественных изменений происходят и изменения качественные в осознании лагерниками своих обязанностей и в понимании ими своих прав. Сначала выполнение работы, чтобы не подвергнуться административному взысканию, чтобы не получить снижение пайка, а затем борьба за красное знамя, за досрочное освобождение, наконец, такие проявления личного героизма, выходящие за отношения прав и обязанностей в тесном, правовом смысле этого слова, как самозакрепление досрочно освобожденных на строительстве.

Но если бы лагеря НКВД в своей работе опирались только на чувство личной заинтересованности, личной ответственности и т. д., они не могли бы добиться успеха уже потому, что в борьбе за новое, социалистическое сознание приходится сталкиваться с силами, далеко превосходящими личное сознание, со старыми силами классового сознания, силами сплоченных групп, враждебно настроенных к социализму, прибывающих в лагерь деклассированных преступников, кулаков, вредителей. На борьбу с этим сознанием, с этими осколками враждебных классов лагеря мобилизуют силы коллектива. Здесь второй раз мы сталкиваемся с обратным действием надстроечных моментов — организации и сознания.

Только опираясь на коллективы, малочисленная администрация может успешно переделывать сознание заключенных, создавая внутри лагеря перевес социалистических влияний. Здесь так-

же целый ряд форм, ступеней и переходов, от граничащих с правовым принуждением форм коллективной ответственности до социалистических форм общественного воспитания к труду, как к делу чести, к делу славы, к делу доблести и героизма.

Кроме этих общих специфических особенностей лагерей НКВД, работа Дмитровского лагеря имеет и ряд своих особенностей, ряд своих трудностей и преимуществ. Эти трудности и преимущества связаны с тем, что Дмитровский лагерь является продолжателем опыта Беломорско-Балтийского лагеря.

На вновь прибывших в Дмитровский лагерь заключенных большое влияние оказывают лагерники, прошедшие школу Беломорстроя. Кроме того, Беломорстрой в глазах значительной части лагерников окружен героическим ореолом, вследствие чего бывшие беломорстроевцы имеют большое влияние на остальных лагерников, особенно «тридцатипятиников»¹. Прибыв в Дмитровский лагерь, беломорстроевцы оказались тем костяком, вокруг которого создавались производственно-бытовые коллективы. Так, например, коллектив «Победа плотины», показавший ударные образцы работы при постройке Истринской плотины строительства Москва — Волга, был организован бывшими беломорстроевцами, заканчивавшими срок лишения свободы, на который они были осуждены, в Дмитровском лагере. «Когда организовывался трудколлектив («Победа плотины» — И. А.), — пишет один из заключенных, корреспондент лагерной газеты, — костяк его состоял из беломорстроевцев. Скоро беломорстроевцы закончили срок и ушли из лагеря. Но свой трудовой опыт они передали молодяку. На их примере учились и учатся сейчас»². Точно так же I слет ударников-нацменов Южного района Дмитровского лагеря в своем обращении ко всем лагерникам отмечает: «Закалка и опыт, полученные большинством из нас на Беломорстрое, не прошли даром, а перенесены нами на строительство гиганта второй пятилетки, канала Москва — Волга. До сегодняшнего дня над нами веет знамя Беломорстроя»³. Беломорстроевцы в созданных ими коллективах воспитывали новых лагерников. Так, нацменовская трудовая фаланга «Красный восток», в Центральном районе Дмитровского лагеря, начало которой положили пришедшие с Беломорстроя лагерники, не только проявила себя как ударная на производстве, но и достигла больших результатов по линии культурно-воспитательной работы. Показателем этого может служить полное отсутствие отстающих в выполнении производ-

¹ Тридцатипятиниками называются заключенные в лагерь согласно ст. 35 УК. Эта статья применяется, как правило, к профессиональным преступникам и лицам, тесно связанным с преступной средой.

² Газета «Перековка» Дмитровского лагеря от 1 апреля 1934 г.

³ Газета «Перековка» Южного района от 3 апреля 1934 г.

ственной программы членов фаланги и полная ликвидация неграмотности.

Среди председателей трудовых коллективов, дающих лучшие показатели, имеется значительное количество беломорстроевцев. Так, например, председатель трудовой артели «Каналармеец» II отделения Дмитровского лагеря И. С. Веселков, бывший беломорстроевец, так организовал работу коллектива, что последний получил переходящее знамя штаба по соревнованию и ударничеству отделения лагеря¹. Бригады беломорстроевцев помогают отстающим, беря их на буксир и обучая добросовестному отношению к порученной работе. В Дмитровском лагере беломорстроевцы явились первыми проводниками соревнования и ударничества. Принимая большое участие в культурно-воспитательной работе, беломорстроевцы оказали значительную помощь по втягиванию в эту работу, а также в соревнование и ударничество всей массы заключенных.

Для значительной части тридцатипятников пример беломорстроевцев имеет решающее значение. Прибывающие в лагерь тридцатипятники, часть из которых уже слышала о Беломорстрое, а часть узнает в Дмитровском лагере, особенно сильно поддаются воздействию со стороны своих бывших товарищей по преступной среде, бывших тридцатипятников и вообще представителей уголовной среды, которые смогли перековаться на Беломорстрое и сейчас являются лучшими воспитателями и борцами за создание из лагерника сознательного трудящегося. Получивший орден за ударную работу на строительстве Беломорско-Балтийского канала Биссе, один из бывших ярких представителей уголовной среды, после освобождения из лагеря остался на работе в Дмитровском лагере в качестве начальника участка. Биссе сумел так поставить работу на своем участке, что к нему направляются наиболее трудно поддающиеся перевоспитанию лагерники из уголовной среды. Благодаря умелому подходу, основанному на знании психологии этих людей, Биссе удается достигать значительных результатов там, где их ранее не могли добиться. Беломорстроевцы сами прекрасно учитывают значение их личного примера для вновь прибывающих лагерников. Поэтому они выносят ряд постановлений о необходимости прикрепления лучших беломорстроевцев к новым лагерникам, с целью помощи их быстрейшему перевоспитанию в условиях лагеря.

Так, например, на 1 и 5 лагерных пунктах 7 отделения Дмитровского лагеря в сентябре 1933 г. бывшие беломорстроевцы постановили: «передать свой опыт новым, прибывающим пополнениям»². Вслед за этим решением были выделены лучшие представители беломорстроевской армии по несколько человек от

¹ Газета «Перековка» Дмитровского лагеря от 1 декабря 1933 г.

² Газета «Перековка» Дмитровского лагеря от 19 сентября 1933 г.

каждого трудового объединения, которые для выполнения той задачи, которая сформулирована в приведенном решении, были прикреплены к каждой бригаде, состоящей из новых лагерников.

Специфические трудности Дмитровского лагеря связаны с тем, что после окончания Беломорстроя у многих правонарушителей создалось такое впечатление, на основе некоторых не совсем удачных описаний Беломорско-Балтийского лагеря, что в лагере им будут предоставлены прекрасные условия при самой небольшой затрате сил с их стороны. Вследствие этого целые группы заключенных в Дмитровском лагере начали выдвигать невероятные требования к администрации. Естественно, что руководству Дмитровского лагеря пришлось в весьма решительной форме указать всем заключенным на то, что они находятся в месте лишения свободы, в котором требуется от всех беспрекословное подчинение суровому лагерному режиму, построенному на неприменном участии всех лагерников в производительном труде. И действительно, при всей системе льгот, которые применяются в лагере, при всей чуткости и человечности подхода к лагерникам, режим в лагерях — суровый режим места лишения свободы, исключающий обоснованность всяких маниловских разговоров о лагере как о месте, где текут молочные реки в кисельных берегах.

Труд в лагере — труд тяжелый, дисциплина строжайшая и требовательная. Если ударная работа, сознательное отношение к обязанностям, искреннее стремление к перековке находят всяческое поощрение, то нарушение лагерной дисциплины, отказ от работы, недобросовестное к ней отношение, а тем более попытки подорвать осуществление исправительно-трудовой политики и вылазки классового врага встречают решительное противодействие в разнообразных формах — от мер воздействия лагерной общественности до жестких дисциплинарных мер. К ним относятся — лишение права на зачет рабочих дней, означающее фактическое удлинение (против возможного сокращения) срока пребывания в лагере, лишение всех остальных льгот, помещение в роты усиленного режима и в штрафной изолятор. В случае же совершения лагерником преступления, к лагернику применяется наказание по приговору отделения краевого областного суда, функционирующего при лагере, любое из всех предусмотренных советскими законами — от удлинения срока лишения свободы до расстрела включительно.

Краткий далеко не исчерпывающий очерк основ исправительно-трудовой политики в лагерях показывает, однако, что исправительно-трудовая политика лагерей имеет ряд особых черт, выделяющих ее в проблему для специального исследования.

Вопросам исправительно-трудовой политики у нас вообще не слишком повезло, если говорить об их теоретической разра-

ботке, несмотря на то, что важность этих вопросов и политические перспективы их решения были с такой остротой поставлены в докладе т. Постышева на VI совещании работников юстиции. Откровенно либерально-буржуазный курс профессора Исаева, реакционная работа Познышева, получившая высокую оценку в буржуазной прессе и очень низкую оценку со стороны марксистской критики, учебник Ширвиндта и Утевского — вот в сущности и весь перечень основных работ по теории исправительно-трудовой политики. Марксистские работы (например, статья Стучки и Апетера «От труда принудительного к труду на свободе») насчитываются буквально единицами и ограничиваются отдельными вопросами или носят конъюнктурный характер (например, доклад Апетера на V совещании работников юстиции).

Исключением является недавно вышедший сборник «От тюрем к воспитательным учреждениям», где, благодаря очень серьезной работе редакционной коллегии из наиболее крупных теоретиков и практиков марксистов-криминалистов, мы имеем первый большой шаг вперед. Но и эта работа грешит тем не менее рядом значительных недостатков. В частности, ряд статей сборника (см., например, работу Эстрина и Трахтерева) построен преимущественно на догматическом материале. Большой практический материал, собранный в ряде статей практических работников, напротив, остался без достаточного обобщения. В отдельных статьях имеются, кроме того, и такие положения, с которыми никак нельзя согласиться. Так, в удачной в целом статье т. Шестаковой проводится странная мысль о сходстве социального состава в тюрьмах буржуазного государства и у нас; и тут, по ее мнению, и там в тюрьмы попадают преимущественно трудящиеся. Шестакова забывает о том, что сидящие в наших местах лишения свободы «трудящиеся», вроде тридцатипятников или расхитителей социалистической собственности, «слегка» отличаются от трудящихся-революционеров, заполняющих концентрационные лагеря Германии. Другим примером таких ошибочных положений может служить статья Утевского, на которой подробнее мы остановимся ниже, при рассмотрении вопроса о системе льгот и поощрений.

Если так скудно освещена у нас проблема исправительно-трудовой политики в целом и в частности в системе исправительно-трудовых учреждений НКЮ, то еще хуже обстоит дело с освещением специфических вопросов исправительно-трудовой политики в лагерях НКВД. Имеющиеся по этому вопросу работы можно буквально пересчитать по пальцам. Они сводятся к брошюре т. Фирина, представляющей первый опыт теоретического освещения этих вопросов на материалах строительства Беломорско-Балтийского канала. При всех больших достоинствах этой работы, не подвергнутой, кстати сказать, до сих пор наши-

ми теоретиками действительно теоретическому разбору, она уже по своему объему не могла дать достаточно детализированный анализ. Вторая работа — работа коллектива писателей о Беломорстрое — вообще является художественным очерком, а не теоретической работой. В связи с окончанием Беломорско-Балтийского канала имени Сталина было напечатано большое количество статей. Наряду с ценными политическими обобщениями, некоторые из этих статей играли и известную отрицательную роль, парализуя устрашающее действие лагерей, превращая эту суровую школу тяжелой работы в какую-то организацию рекордсменов-ударников, шутя сворачивающих горы. Все это вызывает необходимость в более тщательной теоретической разработке вопроса.

В дальнейшем изложении речь идет почти исключительно о работе с тридцатипятиниками, т. е. рецидивистами, профессиональными преступниками. Это связано отчасти и с тем, что еще не наступило время для теоретического обобщения опыта работы применения исправительно-трудового воздействия на заключенных вредителей и кулаков, но не только с этим. Во многих отношениях именно тот материал, который дает перековка профессиональных преступников, является методологически наиболее интересным и показательным. Когда перековывается вредитель, то это означает (если взять вопрос с политической стороны и не пускаться в анализ отдельных весьма разнообразных и сложных психологических изгибов пути, которым он пришел к перековке), что у него изменилась классовая установка. Этот перелом, как указывал Ленин, происходит прежде всего потому, что у такого вредителя отрезан выход к старому, он чувствует, что ставка на реставрацию капитализма бита. Этот перелом происходит и потому, что его охватила новая массовая советская дисциплина, что он увидел авторитет диктатуры пролетариата, что он увидел, наконец, на своей практике исключительные, немислимые при капитализме перспективы для осуществления его интересов как специалиста. Когда идет речь о перековке кулака, акцентировку приходится ставить почти исключительно на первом моменте: отсутствие выхода к старому эксплуататорскому пути и перспектива возможности самому стать трудящимся.

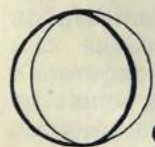
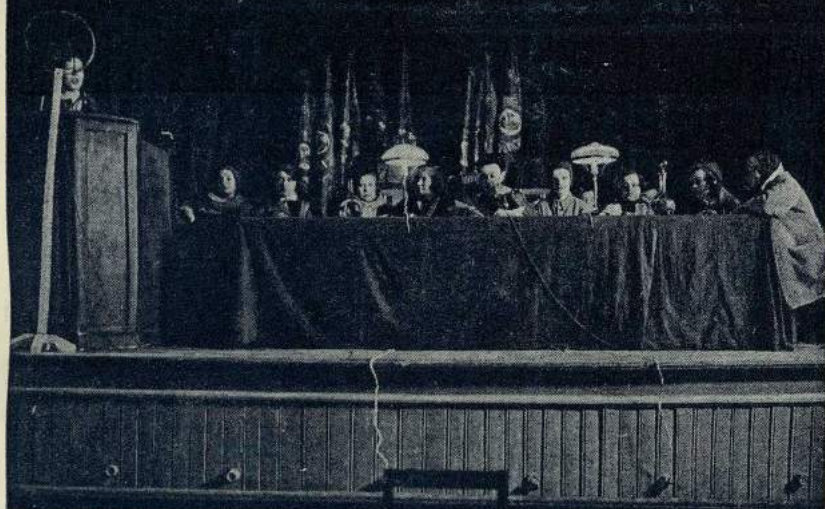
Существенно иначе встает вопрос при перековке рецидивистов. Ведь именно эти элементы преступного мира были представлены буржуазией, как прирожденные, неисправимые преступники. При этом статистика рецидива, приведенная хотя бы Листом, давала этой вздорной теории чрезвычайно серьезные политические основания. Эта статистика показывала, что в Германии из ста преступников, которые были осуждены до 1901 г. несколько раз (пять раз), к 1910 г. 85% были осуждены снова, 15% неосужденных вряд ли падают на исправившихся. Скорее их нужно отнести за счет умерших и непоиманных. При пере-

ковке этих элементов приходится из человека, в большинстве случаев никогда ранее не работавшего, из человека, у которого преступление и преступные навыки прочно укоренились в быту, сделать работника, и нередко работника героического.

Психиатры и антропологи неоднократно пытались вывести преступление как неизбежный результат из самых механизмов поведения преступника-рецидивиста. Специфичность ряда механизмов поведения у профессиональных преступников (импульсивность, взрывчатость и т. п.) отрицать не приходится, и это делает особенно интересным опровержение теории несправимости преступника на самом неблагоприятном, казалось бы, материале. Поэтому особенно важно показать, как биологически однозначные механизмы поведения могут быть со своей социальной стороны повернуты напряженной и умелой работой по перековке в прямо противоположную сторону; как, поворачивая течение Волги, удастся повернуть и социальную значимость биологических механизмов, мобилизовать их на пользу социалистического строительства, на пользу людям, переделывающим природу и с ней себя, сначала по принуждению, а потом по внутренней необходимости. Ударной работой и сознательным подчинением лагерной дисциплине бывшие преступники завоевывают себе право на светлое будущее и порывают с позорным прошлым. «Потопим свое прошлое на дне канала»¹ — вот лозунг перековки.

¹ Общелагерная газета «Перековка» от 5 июня 1934 г., в номере, посвященном I вселагерному слету тридцатипятичников.

Скоро мы проверим наши успехи и недостатки в борьбе за культурную жизнь лагеря, за выполнение производственного плана, за переноски человека, за возвращение в семьи劳动ующихся.

СНОВНЫЕ ФОРМЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ЛАГЕРЕ

1. ДВУЕДИНАЯ ЗАДАЧА КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Основной задачей культурно-воспитательной работы в лагерях является переделка сознания заключенных, проводящаяся на основе производительного труда. Этот труд организовывается на базе соревнования и ударничества и вовлечения всей массы лагерников в общественную и культурно-воспитательную работу. Создание обстановки для максимального проявления инициативы самих лагерников есть одна из основных задач культурно-воспитательной работы внутри лагеря. Культурно-воспитательный аппарат лагерей организует всю массу заключенных, руководит их инициативой, направляя ее в сторону наиболее успешного выполнения производственной программы и превращения лагерника в сознательного и активного труженика.

Культурно-воспитательная работа в лагерях осуществляется двуединым путем. Она неразрывно связывает политическую и производственную перековку заключенных. Ни одна из этих задач не может быть решена без одновременного разрешения другой.

Работа по политическому воспитанию и перевоспитанию начинается с классового расслоения заключенных, дающего возможность во всей работе в лагере опереться на наиболее социально-близкие пролетариату слои. В отношении тех лагерников, которые представляют собой выходцев из среды трудящихся, результатом этой работы должно явиться возвращение их в трудовые ряды. Работа по производственной перековке начинается с вовлечения заключенных в производительный труд. Она строится на резком разграничении ударника и лодыря, отказчика от ра-

боты. При прямой помощи и поддержке лучшей части заключенных, показывающих себя ударниками на производстве и в быту, перевоспитанием через производство и политико-воспитательную работу охватываются все более широкие массы лагерников.

Переделка сознания заключенных не имеет ничего общего с филантропически-сентиментальными представлениями об «исправлении несчастных преступников». Путь переделки — суровый и жесткий путь. Подчинение железной дисциплине лагерей, «не просто работа, а работа героическая»¹, другого пути к действительному перевоспитанию заключенных нет.

Воспитание новой дисциплины, как указывал Ленин, есть особая форма классовой борьбы². С особой резкостью нужно подчеркнуть эти слова, когда речь идет о воспитании новой дисциплины не у колеблющейся части трудящихся, а у тех, кто нарушил советский закон, кто был врагом диктатуры пролетариата или пошел за ее врагами. Поэтому культурно-воспитательная работа в лагерях есть вопрос острой классовой борьбы. Основное требование, предъявляемое к культурно-воспитательной работе в лагерях, — требование классовой выдержанности, политической заостренности всех проводящихся культурно-воспитательных мероприятий.

Культурно-воспитательная работа проводится в лагерях НКВД по единому плану и единой системе. Вся она связана с производственными задачами, стоящими перед лагерем. Производственный аппарат лагерей, учитывая роль и значение культурно-воспитательной работы, при всех проводящихся мероприятиях по линии производства со своей стороны координирует их с воспитательной работой.

Культурно-воспитательная работа проводится таким образом, что она постоянно, повседневно и ежеминутно увязана с производственной работой. Это не воспитательная работа, как самоцель, не просто культурно-просветительная работа, а работа культурно-производственная и политико-воспитательная. Основным элементом перевоспитания является производительный труд, и воспитательная работа отправляется от этого основного момента в перевоспитании человека, в переделке его сознания. Во время политчаса дается и зарядка производственная наряду с политическим образованием. Во время коллективной читки газет то, что прочитано в газете, обсуждается в непосредственной связи с конкретными задачами каждой бригады, каждого лагерника на производстве.

Воспитательная работа внутри лагеря тесно увязывается с теми задачами, которые ставятся в каждый данный момент пар-

¹ Приказ ОГПУ № 190.

² Ленин, т. XXV, с. 7.

тией и советской властью перед трудящимися массами всего Советского союза. Указание партии и правительства о системе работы и об организации труда находит свое применение и в лагере. Это относится прежде всего к шести историческим условиям, указанным т. Сталиным на совещании хозяйственников.

Вопрос организации труда на основе строго продуманной и правильной расстановки рабочей силы, внедрение механизации в важнейшие процессы производства, абсолютно применимые и в условиях лагеря, точно так же, как и борьба с излишней переброской рабочей силы, за стабильность производственных единиц явились руководящими указаниями для организации труда и внутри лагерей. На основе указаний т. Сталина во всей системе лагерей НКВД было произведено ознакомление каждого заключенного с производственными планами лагерных подразделений и производственной программой, выполняемой всем лагерем. Таким образом указание т. Сталина о необходимости правильной организации труда нашло свое конкретное применение в специфической, конечно, форме и в условиях лагерного производства.

Указанная т. Сталиным необходимость уделения большего внимания вопросу подготовки кадров также была воспринята лагерями и получила свое конкретное развитие. В лагерях было проведено широкое вовлечение лагерников не только в кружки по ликвидации неграмотности или малограмотности, но и на курсы, в кружки и школы по получению лагерником специальных знаний, по получению им определенной квалификации.

В первую очередь каждый лагерь должен был подготовить кадры для собственного производства. Как указывалось в одном из циркуляров Главного управления лагерей ОГПУ, «каждый лагерь должен иметь конкретный годовой план подготовки рабочей силы с разделением его по-квартально, взяв установку на покрытие в первую очередь потребности лагерного хозяйства в дефицитных специальностях»¹.

Весьма большую роль в деле подготовки рабочих кадров сыграли производственные объединения — трудовые коллективы и трудовые артели внутри лагерей. Вопрос о роли и значении трудовых объединений будет освещен ниже.

Точно так же указание т. Сталина о вредности системы обезлички и о необходимости немедленного ее устранения и ликвидации явилось основным для лагерей. Надо отметить, что обезличка внутри лагеря не только влечет за собой большие производственные убытки, но и является большим тормозом для перевоспитания заключенных.

Чувство ответственности не только за порученную работу, но и за инструмент, орудия и средства производства, доверенные заключенному, должно систематически воспитываться в

¹ Циркуляр ГУЛАГ ОГПУ № 346, 1931 г.

массе лагерников. Внедрение чувства ответственности есть уже один из показателей переделки человека, переделки сознания заключенного. Развитие чувства ответственности за порученную работу и доверенные заключенному средства и орудия производства есть один из стержневых моментов воспитательной работы и показатель процесса переделки человека. Именно поэтому культурно-воспитательные отделы лагерей систематически ведут широкую воспитательную работу по вкоренению ответственности за порученную работу и за сохранность инструмента среди лагерников.

Указание т. Сталина о необходимости ликвидации обезлички было применено и к условиям работы в лагерях; было проведено прикрепление инструмента не только к отдельным бригадам, но и к их отдельным членам. Одновременно были организованы стабильные бригады во всех лагерных подразделениях, что не могло не повлечь за собой повышения чувства ответственности у каждого заключенного.

Большое внимание было уделено и вопросу о хозрасчете в лагере. В 1932 г. система хозрасчетных договоров получила широкое распространение во всех лагерях. Хозрасчетные бригады, хозрасчетные трудовые объединения влекут за собой не только улучшение производительности труда как с количественной, так и с качественной стороны, но и улучшение материально-бытовых условий лагерников.

Необходимость использования специалистов была также широко реализована в лагерях. Заключенные-специалисты всемерно использовались по своей специальности, а также вовлекались в работу по подготовке кадров. В лагерях был проведен учет всех специалистов и направление их на работу по своей специальности. Среди специалистов, заключенных в лагерях, была проведена широкая разъяснительная работа с указанием, что «только путем активной работы в деле выполнения производственных и культурных задач они могут искупить свою вину перед пролетарским государством и вновь явиться в ряды активных полноправных строителей новой жизни»¹.

Вся эта работа по внедрению шести условий т. Сталина в лагерях проводилась на основе тщательной и организованной проработки речи т. Сталина во всех школах, кружках, производственных ячейках лагерей. Проработка речи т. Сталина усилила развертывание соревнования и ударничества как в области производственной, так и в области культурно-воспитательной и бытовой. Перед администрацией лагерей было поставлено — как основная и направляющая задача — усиление конкретного руководства и необходимость внимания к мелочам, которые в условиях лагеря приобретают особое значение. В соответствии с местными

¹ Циркуляр ГУЛАГ № 346, 1931 г.

особенностями данного лагеря были намечены практические мероприятия по конкретной реализации шести условий т. Сталина.

Точно так же постановление ЦИК и СНК об увольнении за прогул без уважительных причин было немедленно поставлено применительно к лагерным условиям в центр культурно-воспитательной работы лагерей. Вслед за этим постановлением во всех лагерях была развернута большая разъяснительная работа. Заключенным в лагерях давалось разъяснение значения прогула в условиях построения социалистического общества, а также значения его внутри лагерей. Заключенным, уклоняющимся от работы, было указано, что нежелание работать является позором в условиях напряженной работы по построению социалистического общества. При этом подчеркивалось, что те из лагерников, которые не желают включиться в производительный труд, сами увеличивают срок своего пребывания в лагере, и после освобождения их заклеймят позором массы трудящихся Советского союза.

Культурно-воспитательный аппарат, на основе конкретного материала по данному лагерю показывая значение подрывной работы симулянтов и отказчиков от работы, проводил широкую работу среди всей массы лагерников и мобилизовывал ее на борьбу со скрытыми и открытыми симулянтами и отказчиками. Для разъяснения значения постановления об увольнении за прогул была мобилизована вся система культурно-воспитательной работы. Лагерная печать, от стенной до центральной лагерной включительно, специальные беседы по баракам, читка газет вслух — все это убеждало массу лагерников в том, что ни один из лодырей и симулянтов по выходе из лагеря не сможет включиться в семью трудящихся Советского союза. В результате широкого проведения разъяснительной культурно-воспитательной работы в лагерях были созданы самой массой лагерников новые бригады и трудовые организации, еще больше усилилось развертывание соревнования и ударничества.

Наряду с производственной агитацией широко проводится разъяснительная работа среди заключенных о содержании и задачах советской исправительно-трудовой политики, связанной с классовой сущностью советской власти. Прививается добросовестное отношение к труду, искореняются прежние преступные навыки, а также воспитывается отношение к государственному имуществу как к неприкосновенной социалистической собственности.

В декабре 1933 г.¹ в Дмитровском лагере были организованы политические и производственные минутки, которые сыграли большую роль в развертывании культурно-воспитательной работы. Ежедневно утром, перед выходом на работу, лагерникам в

¹ См. приказ № 442 от 4 декабря 1933 г. по Управлению Дмитровского лагеря.

течение нескольких минут дается краткая информация о результатах выполнения плана работ и производственных норм по лагерному пункту и трудовому объединению за предыдущий день. По вечерам, после окончания работ, точно так же в течение нескольких минут дается краткая информация о важнейших политических событиях текущего дня во всей стране. Условия, предъявляемые ударнику, включают в себя ряд требований по культурно-воспитательной работе над собой и культурно-воспитательной помощи другим. В перечень условий, которые должен помнить и соблюдать каждый ударник строительства канала Москва—Волга для того, чтобы иметь право носить почетное звание ударника¹, входит также условие быть грамотным и читать газеты и книги, любить свой канал и уметь рассказать другим о его значении.

Чтобы привить каждому лагернику эту любовь к своему строительству, понимание им значения, цели и своей роли в общем плане второй пятилетки, почти все бараки и красные уголки обеспечиваются рядом наглядных пособий. В начале января 1934 г.² начальник строительства т. Коган приказал начальнику проектного отдела и начальнику культурно-воспитательного отдела Дмитровского лагеря «изготовить и заказать в литографии достаточное количество плакатов, популярно отражающих наше строительство и наглядно изображающих схему канала, канал и отдельные сооружения. Плакаты эти разослать во все отделения для развески во всех общежитиях, красных уголках, клубах и т. д. Никуда не годится, когда строители не знают, что они строят», — говорится в приказе.

Таким образом ознакомление заключенных с внешним и внутренним положением СССР наряду с разъяснением значения строительства, в котором заключенные принимают непосредственное участие, является одной из важнейших задач культурно-воспитательной работы внутри лагеря.

На основе разъяснения заключенному всей политики СССР воспитательский аппарат систематически развивает у заключенных доверие и любовь к Советской стране, представляющей собой оплот международной пролетарской революции. Только при понимании всей политики диктатуры пролетариата заключенному становится понятной и исправительно-трудовая политика советской власти, которая не ставит перед собой, как в капиталистических странах, задачи возмездия за совершенное преступление.

Организацией и руководством культурно-воспитательной работой в лагере ведает культурно-воспитательный отдел (КВО),

¹ См. приказ 141 от 6 ноября 1933 г. по Управлению строительства Москва—Волга и Дмитровского лагеря.

² См. приказ по Управлению строительства канала Москва—Волга № 3 от 9 января 1934 г.

во главе с его начальником. Начальник культурно-воспитательного отдела должен обладать достаточным опытом в области культурно-воспитательной работы. Культурно-воспитательный отдел лагеря руководит культурно-воспитательными частями, существующими при каждом лагерном подразделении.

Начальники культурно-воспитательных отделов лагерей считаются одновременно помощниками начальников управлений лагерей по культурно-воспитательной части. Старшие воспитатели являются одновременно помощниками начальников лагерных пунктов или командировок¹ по культурно-воспитательной работе. Они пользуются всеми правами, предоставленными помощнику начальника соответствующего лагерного подразделения.

2. РОЛЬ ВОСПИТАТЕЛЯ, ЕГО ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ

Культурно-воспитательная работа в ротах и в иных мелких подразделениях лагерей возлагается на воспитательский аппарат. Воспитатели подбираются по политическому и культурному уровню их развития, настроению и т. п. из самих заключенных, происходящих из среды трудящихся, и назначаются руководителями культурно-воспитательных частей.

Один воспитатель выделяется, в среднем, на 250 чел. заключенных. В более мелких отдельных лагерных подразделениях с числом заключенных менее 250, но более 100, выделяется также специальный штатный воспитатель для организации всей культурно-воспитательной работы в этом мелком подразделении.

Воспитатель освобождается от каких-либо иных обязанностей. Он сам непосредственно не участвует в производственном процессе как рядовой работник. По линии административной он подчиняется начальнику подразделения. При проведении своей непосредственной, т. е. культурно-воспитательной работы, он подчиняется начальнику культурно-воспитательной части отделения.

Воспитатель отвечает за состояние всей культурно-воспитательной работы среди той части лагерников, которую он призван обслуживать. Эта работа проводится им на основе соответствующих директив со стороны вышестоящего культурно-воспитательного аппарата. Воспитатель является председателем культурно-просветительной комиссии, члены которой избираются лагерниками из своей среды. Он организует работу этой комиссии и со-

¹ Командировки — мелкие лагерные участки.

вместно с ней составляет план работы своего подразделения. Воспитатель систематически представляет в вышестоящий культурно-воспитательный орган отчеты о своей работе и о настроениях и потребностях заключенных. Он отвечает за состояние и деятельность красного уголка и клуба, за своевременность и надлежащее количество поступлений книг, газет и журналов.

Для правильной организации и проведения культурно-воспитательной работы воспитатель обязан знать не только фамилию, социальное положение, судимость, квалификацию, политический и общеобразовательный уровень отдельного заключенного, но и его склонность, заинтересованность, настроение и т. п. Он должен учитывать переломные моменты в психике отдельного лагерника для того, чтобы в наиболее трудные моменты перелома в сознании заключенного суметь помочь этому перелому и направить его в должное русло. При этом воспитатель опирается на более близкие пролетариату социальные слои лагерников и на организованный им актив из их среды.

Перед воспитателем ставится, как неперемнная задача, индивидуализирование подхода к лагернику, изучение морального состояния и политического настроения каждого заключенного. На основе такого изучения становятся возможными своевременное реагирование и ликвидация нездоровых явлений внутри лагеря.

Нередки случаи, когда скверный администратор своими недостаточно продуманными и неправильными поступками вызывает немедленную ответную реакцию со стороны лагерника. В этом случае воспитатель или другой работник культурно-воспитательного аппарата лагеря должен своевременно сообщить о возникающих недоразумениях между лагерной администрацией и массой лагерников начальнику управления или отделения лагеря. С другой стороны, воспитатель, который постоянно находится среди массы лагерников, может своевременно вскрыть те явления, которые при своем развитии неизбежно приводят к разложению целой части лагеря. Немедленное разоблачение отрицательных явлений и должное реагирование на них совместно с администрацией и всем культурно-воспитательным аппаратом лагеря дает возможность ликвидировать в самом зародыше нездоровые явления и тем самым, наряду с выполнением дела перевоспитания лагерников, оказать действительную помощь производственному плану строительства.

Одной из важнейших задач воспитателя является укрепление дисциплины в лагере. При помощи разъяснительной работы воспитатель добивается сознательного отношения со стороны лагерников к труду, что является единственным залогом успешного выполнения как в количественном, так и в качественном отношении производственных планов.

Воспитатели представляют собой, таким образом, основной костяк, непосредственно на котором лежит вся культурно-воспи-

тательная работа. Помощниками их являются культуполномоченные из числа заключенных, выделенных производственными бригадами.

Система культуполномоченных еще не имеет повсеместного распространения, но она уже входит как устойчивая форма в организацию культурно-воспитательной работы.

Воспитатель назначается администрацией после того, как данный заключенный докажет на деле, что он является инициативным, сознательным, сравнительно культурным человеком. Для того чтобы стать воспитателем, необходимо проявить желание к этой работе и доказать свою способность воздействовать на других заключенных. Воспитателем может быть лишь тот заключенный, который пользуется авторитетом среди массы лагерников. В противном случае вся работа культурно-воспитательной части не достигнет должного результата, голос воспитателя останется «гласом вопиющего в пустыне».

Воспитатель, работающий непосредственно среди заключенных, должен быть массовиком. Вся деятельность воспитателя — производственная и культурно-воспитательная — проводится через и при помощи самого коллектива заключенных. Воспитатель создает вокруг себя актив, помогающий ему в работе. Он знает персонально всех лиц, на которых может опереться.

Задачи воспитателя чрезвычайно разнообразны. Воспитатель присутствует уже на разводе, когда лагерники только направляются на работу. На производстве совместно с бригадиром, начальником отряда и администрацией он должен следить за тем, чтобы не было препятствий к нормальному началу трудового дня, а эти препятствия могут быть самыми разнообразными: отсутствие необходимой одежды, должной организации, какие-нибудь иные неполадки, которые при неустойчивой психике лагерников могут привести к отказу от работы. Задачей воспитателя является устранение с самого начала трудового дня всех недостатков, всех мешающих работе неполадок.

Особое внимание уделяет воспитатель тому, чтобы в порученной ему группе лагерников работа была своевременно и правильно организована, чтобы не было простоев рабочей силы, чтобы люди были расставлены правильно, чтобы инструменты были на местах, чтобы, следовательно, были все условия для выполнения производственной задачи.

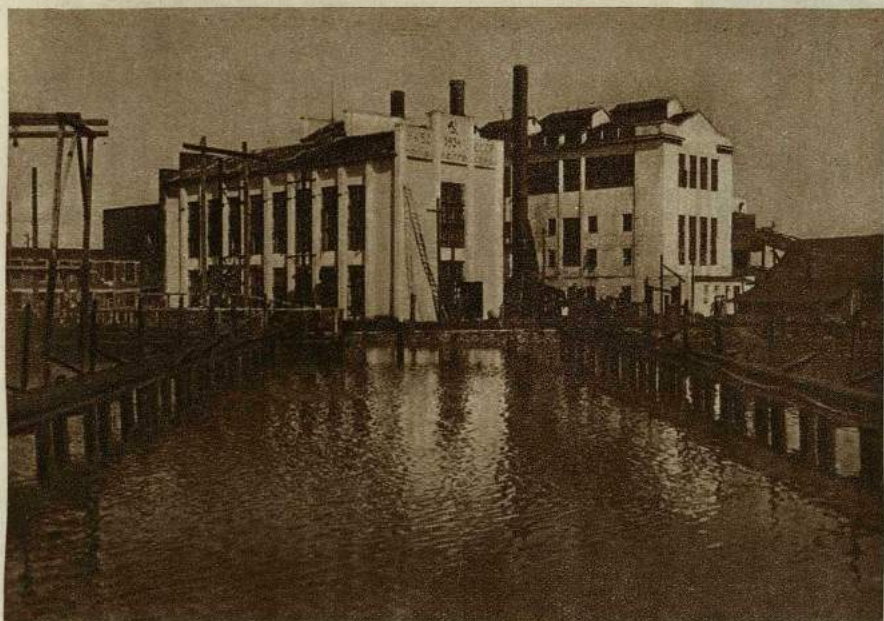
Таким образом воспитатель отчасти является руководителем производственного процесса (отчасти, ибо он не подменяет собой непосредственно производственного руководителя). Организуя трудовой процесс совместно с администрацией, он выступает здесь уже как бы в роли своеобразного профсоюзного организатора. Он выступает на защиту интересов лагерников в тех случаях, если они неправильно нарушены.

Воспитатель должен уметь сочетать административные меры с разъяснительной работой. Когда он видит, что налицо все условия для того, чтобы данный лагерник хорошо выполнял поставленную перед ним производственную задачу, и лагерник не делает этого только потому, что он саботирует (если нет никаких объективных обстоятельств, мешающих нормальному производственному процессу), в этом случае воспитатель, если не действует разъяснительная работа, может прибегнуть к помощи администрации. Воспитатель не имеет права ареста, но он имеет право обратиться к администрации с просьбой применить меры административного воздействия к такому заключенному, с просьбой направить лагерника в штрафной изолятор или роту усиленного режима. Это необходимо в тех случаях, когда отдельные лагерники — а это бывает нередко — пытаются не только сами нарушить производственную лагерную дисциплину, но и вовлечь других лагерников в саботаж.

Таким образом уже благодаря тому, что воспитатель, непосредственно заинтересованный в результатах производственного процесса, включается отчасти и в руководство этим процессом (не подменяя, однако, собою хозяйственника), закрепляется связь воспитания с трудовым процессом.

Вообще вся культурно-воспитательная деятельность внутри лагеря строится по твердому принципу переплетения воспитательной работы с производственной — взаимопроникновения одной и другой.

Воспитатель начинает свой день с того, что организует производственные процессы, но в отличие от бригадира, десятника, от любого непосредственного руководителя производственных процессов он должен интересоваться (хороший производственник, конечно, тоже должен этим интересоваться) в первую очередь материально-бытовым обслуживанием лагерников. Он должен проникать во все мелочи, интересующие и заботящие каждого лагерника. Он не ограничивается тем, что идет на работы и организует производственную работу. Если он видит, что работа пошла нормальным путем, что нет ничего препятствующего нормальному развитию производственного процесса, что нет необходимости ему оставаться на производстве и вести дополнительную разъяснительную работу, так как нет отказчиков и лодырей, он возвращается обратно в барак. Он должен проследить, чтобы к приходу лагерников барак был приведен в надлежащий порядок. Он должен пойти на кухню, узнать, как обстоит дело с питанием лагерников. Если он видит, что есть неполадки, он устраняет их немедленно, а в случае невозможности самому их устранить, тотчас же сигнализирует об этом начальнику через культурно-воспитательную часть данного отделения лагеря или непосредственно. Таким образом воспитатель приготавливает лагерь к приему заключенных с работы. Далее, он должен следить

ТЭЦ Волгостроя

Бетонный комбинат на строительстве Волжской плотины

Береговая — начальник сводного мужского отряда, бывшая тридцатипятница, по отбытии наказания оставшаяся работать в лагере по вольному найму.

Тесарская — начальник мужского украинского отряда Волжского района

за тем, чтобы красные уголки, которые, как правило, имеются в каждом бараке, были надлежащим образом оборудованы, чтобы были получены газеты как лагерные, так и московские и общесоюзные.

Воспитатель должен заранее подготовить все условия для учебы — в форме ли политкружков, политзанятий, в форме ли профессионально-технических кружков, школ или же по линии общеобразовательной (ликвидация малограмотности, неграмотности). Все это лежит на воспитателе. Воспитатель является, таким образом, центральной фигурой — организатором всей культурно-воспитательной работы на участке. Он является одновременно проводником всех общелагерных задач по линии культурно-воспитательной, так как культурно-воспитательный отдел при управлении лагеря дает соответствующие директивы культурно-воспитательным частям при отдельных подразделениях лагеря, которые в свою очередь дают указания воспитателю.

Воспитатель в часы обеда организует политчитки. Налаживая эту работу, он заранее намечает, кто будет проводить читку, просматривает материал читки и дает целевую установку тем лицам из актива, которые будут проводить эту работу. Он следит за тем, чтобы лагерники имели все учебные и письменные принадлежности, а также за тем, чтобы вся жизнь лагерников, с того момента, когда они возвращаются с работы, была бы планомерно и организованно направлена.

Институт воспитателей должен быть понят только в свете всей советской исправительно-трудовой политики, с ее ставкой на самодеятельность и инициативу самих заключенных. Роль его очень велика. Поэтому на воспитательную работу выдвигаются наиболее сознательные и подготовленные, пользующиеся уважением и авторитетом лица из среды самих лагерников. Умелый, тщательный подбор воспитателей решает в значительной мере успех всей работы, и надо сказать, что в Дмитровском лагере, как в свое время на Беломорстрое, среди воспитателей выдвинулось не мало талантливых людей — настоящих «инженеров человеческой души».

Интересным типом такого воспитателя является заключенная Береговая, работавшая в Центральном районе Дмитровского лагеря. В личной беседе она рассказала о том, какой путь она прошла прежде, чем стать воспитательницей, и как она понимает свои задачи.

Береговая прибыла в Дмитровский лагерь в июле 1933 г. До заключения в лагерь она прошла длительную и богатую школу судимости и заключения в разных местах Советского союза. По ее мнению, в домах заключения не велось достаточной культурно-воспитательной работы, и основным методом подхода к заключенным был метод администрирования. Дома заключенных неспособны были, по ее понятию, перевоспитать заключенного и

переделать его сознание. Береговая в течение ряда лет являлась буквально бичом в тех местах заключения, куда она попадала. В городе, где она жила, ее знали не только в домзаке, но и во всех отделениях милиции, в которых она неоднократно сидела. Попав в домзак или в отделение милиции, она хулиганила, била стекла, ломала вещи. В домзаках она вместе со своими приятельницами считалась очень хорошей и способной работницей, что не мешало ей совершенно сознательно и неоднократно после хорошей работы уничтожать результаты своего труда.

В лагере, где она ожидала встретить настоящую каторгу, ее поразило с самого начала человеческое отношение к ней. Прибыв в лагерь, она прежде всего направилась в трудколлектив тридцатипятичников, наиболее близких ей из всего лагерного населения. Войдя в барак, она была поражена тем, что в нем отсутствует ругань, картежная игра и другие непереманные спутники камер, в которых она много раз бывала. Чистота и порядок в бараке тридцатипятичников на нее действовали чрезвычайно сильно.

Найдя в трудколлективе знакомых из числа уголовников-рецидивистов, с которыми она систематически встречалась на воле, Береговая разговорилась с ними о том, что собой представляет трудколлектив и что их заставляет работать и содержать барак в чистоте. Члены трудового коллектива тридцатипятичников рассказывали ей о том, что в лагере они совершенно убедились в необходимости работать, в необходимости отвыкнуть от старых воровских привычек, картежной игры, пьянства, хулиганства. Бывшие друзья сами начали убеждать ее в том, что она должна последовать их примеру.

Эти разговоры с бывшими сотоварищами произвели на нее такое впечатление, что, по ее собственным словам, ей «прямо на цыпочках ходить захотелось». В связи с этим она сразу же начала хорошо работать; работала она на земляных работах на тачке. Проработав так до октября, он почувствовала себя утомленной и обратилась к доктору, которому прямо сказала, что хотя она и не больна, но чувствует себя усталой и просит, чтобы ей дали освобождение на день другой. Доктор пошел ей навстречу и, зная, что она являлась хорошей работницей, дал ей отпуск для отдыха на пару дней.

Нарядчицей в бараке была заключенная Полякова, которая сказала Береговой, что она может еще несколько дней не выходить на работу. Полякова в силу старой дружбы с Береговой обещала ставить ей фиктивные данные о производственной работе. Береговая пошла на это и около двух недель пролежала в бараке, ничего не делая.

Через несколько дней после того, как Береговая перестала работать, она, будучи ничем не занята в течение целого дня, стала более внимательно присматриваться к работе нарядчицы, воспитателя и других лиц низшего административного персо-

нала. При этом она заметила, что нарядчица Полякова, которая потворствовала ее отказу от работы и тем самым делала из нее отказчицу, спекулировала хлебом и составляла для этого фиктивные данные о выработке¹. Береговую это сильно возмутило и она прямо указала Поляковой на недопустимость ее поведения, вредящего всему коллективу заключенных. В ответ на это Полякова на следующий же день утром, во время развода, разбудила ее и велела идти на работу. Береговая открыто заявила Поляковой, что до разоблачения спекуляции хлебом Полякова сама потворствовала ее отказу от работы, а теперь немедленно решила послать ее из мести на работу. В виде протеста Береговая решила стать отказчицей и не идти на работу, хотя, по ее словам, больше двух недель без работы пробыть невозможно, так как надоедает безделье и бессмысленное лежание в бараке.

После невыхода Береговой на работу и официального объявления ее отказчицей от работы на нее обратил внимание один из чекистов-администраторов лагеря. Он вызвал к себе Береговую, которая ему рассказала, чем объясняется ее отказ. Вслед за этим была произведена проверка тех фактов, которые она сообщила, в результате чего Полякова была немедленно снята с должности нарядчицы. Это создало у Береговой настроение доверия и привело ее к убеждению, что Полякова является исключением даже среди низшего командного состава лагеря и что средний командный состав борется с злоупотреблениями среди низшего командного состава. Береговая начала работать ударно, она стала передовой общественницей. Работая очень успешно на земляных работах и проявляя себя активно в общественной работе, она была замечена руководящим составом. Ее вызвал один из администраторов и поручил вывести из производственного прорыва отстающую мужскую бригаду. Береговая сначала отка-

¹ Такие случаи, к сожалению, встречаются еще нередко в лагерях. Так, газета «Перековка» от 13 апреля 1934 г. поместила следующую заметку лагерного корреспондента:

ПОКРОВИТЕЛЬ ЛОДЫРЕЙ

Старший нарядчик лесозаводского участка Северного района Ларионов занимается укрывательством лодырей.

Лодыри из бригады Рябенко и других бригад в лагере баклуши бьют, а Ларионов в рабочих сведениях проводит их, как работающих. Такие случаи не единичны.

Старостат I сектора, пользуясь покровительством Ларионова, сквозь пальцы смотрит на отказчиков. Ларионов все равно покажет их работающими!

Надо привлечь к строгой ответственности этого очковтирателя.

Орлик.

зывалась, так как боялась, что не сумеет справиться с возложенным на нее поручением, но потом взяла на себя эту работу.

Выйдя вместе с этой отстающей бригадой на трассу канала на земляные работы, она сразу же подметила по внешнему виду членов бригады, что они совершенно опустили. Грязные, небритые, флегматичные они безразлично относились к выполнению своих производственных норм. Береговая учла необходимость создания перелома в настроении всей бригады. Чувствуя, что никакими словами нельзя сразу воздействовать на опустившихся и инертных людей, она повела свое наступление на них чрезвычайно своеобразным и интересным путем.

Перед обедом она начала стыдить мужчин — членов бригады за то, что они — молодые и здоровые люди — ходят грязными и небритыми. Тут же часть бригады она уговорила вымыть перед обедом руки и начала тонко и не оскорбительно подсмеиваться над теми, кто не желал привести себя в порядок. К вечеру она заметила, что большинство членов бригады привели себя в порядок, побрились и помылись. Считая это первым залогом некоторого перелома в настроении бригады, она повела дальнейшее наступление. Увидев, что члены бригады вместо шарфа повязывают шею полотенцами, настолько грязными, что они из белых превратились в черные, она предложила бригаде, чтобы ей сдали перед сном все эти грязные полотенца. При этом она взяла на себя обязательство на утро возвратить их чистыми. За ночь Береговая перестирала все эти полотенца и утром, перед разводом на работу, созвала свою бригаду и сказала, что она выполнила свое обещание, но в ответ на это требует права самой повязать на шею каждому члену бригады чистое полотенце. По словам Береговой, делала она это не без тайного умысла. Повязывая полотенца, она подсмеивалась над теми, у кого была грязная шея, и заставляла членов бригады тут же мыться. Вымытые и приведшие себя в порядок члены бригады уже тем самым несколько были выведены из своего апатичного и безразличного отношения ко всему окружающему.

Вслед за этим Береговая, вышедшая вместе с бригадой на работу, увидела, что здоровые и молодые мужчины едва нагружают тачку, что, конечно, влечет за собой невыполнение производственных норм. Тогда Береговая подошла к одному из членов бригады и сама стала нагружать его тачку. Он запротестовал, заявив, что такую тяжелую тачку он сvezти не сможет. В ответ на это Береговая заявила, что она вовсе не собирается заставлять его вести полную тачку, так как он, очевидно, неспособен на это, и что эту тачку она приготовила для себя. Взяв затем полную тачку, она с гордостью обратилась к мужчине и сказала: «как видишь, равноправие нам дали не зря: мы не только наравне с мужчинами можем работать, но даже лучше, чем мужчины». После этого она сама сvezла несколько полных

Хрусталева — начальник женского отряда (Перерва)

Меньшикова — бригадир отряда сварщиц

Бабран — выдвиженка в начальники женского отряда Северного района

Женская бригада Родионова, выполняющая производственный план на 125%

тачек. Видя, что мужчина, чью тачку она возит, был бы уже рад сам взяться за работу, но ему для этого нужен какой-то повод, Береговая проделала следующее: наполнив тачку, она сделала вид, что ей трудно поднять ее и попросила помочь того, кто эту тачку должен был везти. Он взялся за эту тачку и повез ее. Тогда она ему сказала: «вот видишь, хотя равноправие между мужчиной и женщиной есть, но все-таки мужчина сильнее женщины». Тем самым она подняла его настроение, и он уже начал хорошо работать и не только выполнять, но и перевыполнять свою производственную норму.

Варьируя этот метод и работая все время за тачкой, Береговая показывала постоянный пример всей бригаде, членам которой было стыдно отставать от слабой и хрупкой на вид женщины. В результате проведенной Береговой работы бригада из отстающей превратилась в ударную, перевыполняющую свои производственные нормы. В дальнейшем Береговая сумела втянуть всех членов бригады в общественную работу. Давно уже Береговая выдвинута на более крупную работу, но и сейчас она частенько наведывается в эту бригаду и следит за ее успехами.

После такого удачного разрешения поставленной перед Береговой задачи, руководящий состав лагерного пункта отметил ее способности и умелый подход к лагерникам, и она была выдвинута в нарядчицы, а затем в воспитательницы женского барака. «С каждым днем, — говорит Береговая, — я чувствую, что ступаю дальше и дальше по хорошему пути».

В бараке Береговая пользуется большим уважением. Она сумела организовать хороший и крепкий актив и при помощи этого актива проводит культурно-воспитательную работу. Испытав на себе, она поняла, что только человеческий подход может привести к перелому в сознании тридцатипятиницы. Береговая сама стала проводником этого основного положения советской исправительно-трудовой политики.

С присущей человеку, прошедшему тяжелую жизненную школу, наблюдательностью она подметила, что наилучшим способом воздействия на отказывающихся от работы, хулиганствующих и нарушающих лагерный распорядок тридцатипятиниц является воздействие через массу остальных лагерниц. Поэтому она проводит разъяснительную работу и перевоспитание лагерниц через коллектив. Так, однажды, когда одна тридцатипятиница отказалась выйти на работу, несмотря на длительные убеждения и разговоры с ней со стороны воспитательницы Береговой, последняя совместно с активом организовала весь барак. При помощи всего коллектива Береговая сумела, не применяя никаких административных мер, убедить отказчицу в необходимости работать.

В дальнейшем Береговая была назначена начальником большого строительного отряда. По отзывам администрации она успешно справляется и с этой работой.

Береговая представляет собой отнюдь не исключительное явление в среде воспитателей. Правильный подход и умелое переключение присущей тридцатипятинику активности, направлявшейся ранее прежде всего на совершение преступления, на рельсы производственной и воспитательной работы, дают, мы видим, как правило, весьма положительный эффект.

У тридцатипятиников вообще чрезвычайно сильно развито чувство коллективности и чувство товарищеской спайки. Поэтому весьма важным моментом в воспитательной работе в лагере является умение превратить бывшую преступную спайку в товарищескую, производственную спайку. Именно по этому пути и пошла Береговая. И этот путь не только единственно правильный, но и единственно возможный путь культурно-воспитательной работы в лагерях.

Воспитатель проводит всю воспитательную работу не изолированно от коллектива, да он и не в силах был бы один провести всю эту работу среди довольно большой массы заключенных, а при содействии всего коллектива.

Возложенную на него очень большую и ответственную работу воспитатель может развернуть только при помощи актива. Именно поэтому первоначальной и основной его задачей является сколачивание сначала основного ядра, а затем и большего численно авторитетного актива. Воспитатель должен быть чрезвычайно чутким, умеющим подойти к каждому лагернику.

Организованной формой помощи культурно-воспитательным работникам являются культурно-просветительные комиссии. Они создаются в каждом лагерном подразделении, в составе от пяти до девяти человек, в зависимости от величины этого подразделения, под председательством или воспитателя, или начальника культурно-воспитательной части. Культурно-просветительная комиссия помогает воспитателю во всей его работе, активно участвует в составлении плана работы красного уголка или клуба.

Члены культурно-просветительных комиссий несут дежурства в красном уголке или в клубе и следят за проведением в жизнь намеченного заранее плана культурно-воспитательной работы. Одновременно культурно-воспитательные комиссии помогают воспитателю или начальнику культурно-воспитательной части наладить учет как недостатков, так и положительных моментов в культурно-воспитательной работе. Попутно эти комиссии принимают непосредственное участие в организации и развитии работы как общеобразовательных, так и профессионально-технических школ, кружков и других форм учебы. Члены культурно-просветительных комиссий от своей производственной работы не освобождаются и выполняют свои обязанности как общественную деятельность.

С наибольшей остротой выявляется значение работы через коллектив на том участке, где встает так резко и трудно вопрос

о начале перековки, — на участке борьбы с отказчиками от работы.

Конечно, и здесь непосредственное и личное влияние воспитателя, как показывает пример Береговой, а также и письма самих заключенных играют большую роль.

«Вы помните Людмилу Дорохову? — пишет одна из лагерниц — это я. Большая хулиганка я была. За хулиганство меня отправили в 1-е отделение. Здесь воспитательница Бондаренко стала убеждать по-хорошему, рассказала о значении постройки канала и ударничества. Да и сама я видела, что ударники в большом почете, а симулянтов и хулиганов все презируют. Бондаренко добилась того, что я стала работать. А теперь уже даю высокие показатели и теперь я ударница. Хулиганить давно перестала, и на меня показывают, как на примерную лагерницу. Дорохова Л. Г.».

Как указывал т. Фирин, начальник Дмитровского лагеря, в своей речи на I вселагерном совещании культработников и председателей трудобъединений 29 января 1934 г., «...воспитатель должен быть безупречным, авторитетным работником, защитником прав, которые мы предоставляем лагернику, и нашим путем производником советской исправительно-трудовой политики». Однако готовых кадров таких воспитателей лагерь, конечно, не имеет. Нужна большая и длительная работа по сплочению актива лагерников, из лучшей части которых вербуются кадры воспитателей.

Для поднятия квалификации воспитательских кадров и создания их в Дмитровском лагере существуют специальные семинарские занятия. Создание таких курсов при всех лагерях Главного управления лагерей НКВД предписывало неоднократно и значительно ранее. Указания на это имеются в директивах Главного управления 18 февраля 1931 г., 29 марта 1932 г. и 29 января 1933 г. В Дмитровском исправительно-трудовом лагере семинары воспитателей функционируют почти с самого возникновения лагеря. В 1934 г. необходимость курсов для воспитателей была закреплена в специальном приказе за № 158 по Дмитровскому лагерю, в котором предлагалось «в целях подготовки и переподготовки кадров воспитателей: 1) организовать в каждом районе одномесячные курсы по подготовке воспитателей; 2) всех курсантов освободить от других работ; 3) кадр курсантов подобрать из лучших активистов, грамотных, авторитетных, способных вести культурно-воспитательную работу». Курсы работают по программе, охватывающей комплекс вопросов, характерных для специфических форм нашей исправительно-трудовой политики в самом широком смысле этого слова. Первая часть курса посвящена общеполитическим вопросам, без связи с которыми воспитатель не сможет правильно вести и свою внутрилагерную работу. В этой части при изучении общеполитических вопросов

проводится сопоставление социалистического строительства с положением в капиталистических странах.

Курсанты знакомятся с тем, что собой представляет фашизм и опасность войны. Они изучают задачи коммунистических партий, весь цикл основных политических вопросов и вопросов советского строительства от плана второй пятилетки до общих проблем диктатуры пролетариата, национальной политики и культурной революции.

Вторая часть занятий посвящена уже специально формам и методам культурно-воспитательной работы среди заключенных. Она охватывает собой вопросы исправительно-трудовой политики в лагерях, общие задачи культурно-воспитательной работы среди заключенных, специальные задачи работы среди национальных меньшинств, женщин и молодежи и основные виды культурно-воспитательной работы. Сюда входит: ликвидация неграмотности и малограмотности; организация и методика политических занятий, вопросы профессионально-технического образования и подготовки кадров; организация трудового соревнования и ударничества; организация и руководство трудовыми отрядами, трудовыми коллективами, артелями и бригадами; низовая печать и работа с лагерниками-корреспондентами; клубно-библиотечная, антирелигиозная и другие формы внешкольной работы; вопросы культуры и быта лагерника, в частности вопросы личной санитарии и гигиены лагерника и, наконец, учет культурно-воспитательной работы. Этот раздел начинается, что очень важно отметить, специальным двухчасовым занятием, которое посвящено необходимости изучения политико-морального состояния заключенных каждым воспитателем. Необходимость этого изучения считается первым условием для успеха всей культурно-воспитательной работы.

Это — первая заповедь каждого работника культурно-воспитательного аппарата лагеря.

Вся постановка работы курсов отражает тесную связь культурно-воспитательной работы и работы производственной. Помимо того, что эта связь проводится неизбежно при обсуждении всех тем и всех вопросов, третий цикл занятий специально посвящен производственным вопросам. Прежде всего культурно-воспитательным работникам дается детальное представление о строительстве канала Москва—Волга. Затем специально прорабатываются вопросы трудовой дисциплины не только на производстве, но и в быту; задачи и обязанности бригадиров; вопросы нормирования и учета; организация работы по рационализации и изобретательству; производственный план, его составление и проведение, и наконец, вопросы хозяйственного расчета в лагерях. Кроме того курсанты в процессе обучения проходят своеобразную производственную практику, проверяя и закрепляя полученные знания.

На центральных курсах проходят обучение 215 чел., набранных по специальной разверстке во всех районах Дмитровского лагеря.

Этим, однако, не ограничивается работа по созданию крепкого кадра воспитателей. В районах созданы и работают также курсы для подготовки и переподготовки воспитателей своего района. Так, например, за один месяц 1934 г.: 15 апреля начали работать курсы на 30 чел. в Северном районе; 10 апреля — курсы на 40 чел. в Центральном районе; 17 апреля — курсы на 30 чел. в Южном районе.

О том, какое значение имеют эти районные курсы, можно судить по письму одного из окончивших эти курсы. Выражая настроение всех курсантов, он пишет: «мы повысили свои знания... Заверяем руководство района, что мы сейчас с большой энергией будем бороться за досрочное завершение канала и за перековку каналоармейцев, участников великой стройки»¹.

Таким образом вопросу создания крепких воспитательских кадров уделяется очень большое внимание. Руководство лагерей, в частности Дмитровского лагеря, показывает и здесь, как нужно самим создавать необходимые для работы по перековке кадры из среды заключенных. Ведь как бы правильны ни были директивы и указания со стороны руководства, при отсутствии должных проводников на месте самая хорошая система не сможет дать положительного результата. Неоднократные указания Ленина и Сталина подчеркивают, что именно живые люди являются решающей силой.

Курсы и занятия подготовкой этой решающей силы — воспитателей, творящих, опираясь на коллектив, чудеса переделки человеческого сознания.

3. КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА ЧЕРЕЗ КОЛЛЕКТИВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Не следует забывать, что в лагери приходят люди озлобленные, думающие, что в лагерях их ждет каторга. Эти люди намерены в лагерях продолжать тот саботаж, ту вредительскую деятельность, которой они занимались до заключения. Они рассчитывают, хотя бы в пассивной форме, продолжать свое сопротивление: если нельзя активно вредить социалистическому строительству, то нужно хотя бы не помогать ему своим трудом. Только добившись перелома в таких настроениях, можно начать процесс воспитания.

¹ Газета «Перековка» Южного района от 23 марта 1934 г.

Среди другой части заключенных — рецидивистов-тридцатипятипятиков эти настроения политического саботажа почти не встречаются. Но у них враждебное отношение к труду коренится во всей их прошлой жизни. Ведь многие из них с беспризорного детства никогда не работали. Их приходится впервые приучать к систематическому труду.

В начале организации Дмитровского лагеря отказчиков от работы было довольно много; здесь сказывались, в частности, и трудности организационного периода. Вслед за этим периодом количество отказчиков резко сократилось и, обычно, значительно меньше одного процента всех заключенных.

В борьбе с отказчиками культурно-воспитательная работа играет решающую роль. Там, где воспитательский аппарат хорошо работает, нет отказчиков. При плохой постановке культурно-воспитательной работы количество отказчиков увеличивается.

Каким же методом борется, воздействует культурно-воспитательный аппарат на отказчиков? Личное влияние воспитателя и влияние коллектива заключенных — вот что решает вопрос. Воспитатель сам проводит длительные, каждодневные беседы с отказчиками. Он изучает индивидуальность каждого отказчика, индивидуальные причины, толкающие его на отказ от работы. Но кроме того он организует весь коллектив для воздействия самого коллектива на этого отказчика. Делается это различными путями и методами. Например, какой-нибудь лагерник систематически отказывается от выхода на работу. Воспитатель с ним уже долго беседовал и не смог достичь положительного результата. Тогда воспитатель ставит перед активом из среды заключенных задачу коллективного воздействия на этого лагерника. После этого сама лагерная масса, организованная при помощи этого актива, проводит постоянное воздействие на этого отказчика. Ему говорят о материальных выгодах выхода на работу. Это основывается на том, что в лагерях — полное отсутствие уравниловки, материально-бытовые условия каждого заключенного зависят исключительно от его работы, от выполнения им производственных норм. Сами лагерники доказывают отказчику, что в его собственных интересах начать работать: это увеличит его паек, даст право на льготы и тем самым может сократить срок пребывания в лагере. Кроме того почти каждый лагерник входит в определенную бригаду, в определенный трудовой коллектив или трудовую артель, в определенный отряд. Эти отряды, бригады, любая производственная единица соревнуются между собой, и, следовательно, всякий коллектив в целом заинтересован в хорошей работе каждого своего члена. Поэтому коллектив воздействует на товарищеские чувства отказчика, указывает ему, что его плохое поведение приводит к снижению общих результатов всего производственного коллектива и тем самым ставит под удар получение первого места в соревновании.

Коллектив воздействует еще и другим путем: созывается общее собрание бригады, барака или другого коллектива. На этом собрании оглашаются результаты работы каждого лагерника. Особо подчеркивается, что отказчик или лодырь своей плохой работой подрывает весь коллектив.

Обсуждение коллективом, нередко в значительной части состоящим из прежних друзей, поведения отказчика и единодушное осуждение отказчика действуют гораздо больше, чем угроза административного взыскания. Очень часто этот метод дает быстрый положительный результат. Стыд перед товарищами — могучий фактор в борьбе с нарушителями лагерного распорядка и дисциплины.

Учет индивидуальных особенностей лагерника помог выработать и иной, более тонкий подход, иной метод воздействия на отказчиков. Отказчик не желает выйти на работу или выходит на работу, но фактически ничего не делает. Вечером созывается собрание, на котором говорится, что такому-то лагернику для того, чтобы вся бригада смогла поднять проценты выработки и не ударить лицом в грязь перед другими бригадами, с которыми идет соревнование, пришлось выработать значительно больше, перенапрячься, так как некоторые лагерники (фамилии иногда называются, иногда нет, чтобы излишне не бить по самолюбию) не выработали норму. Делается это раз, два. Повторяющееся неоднократно такого рода воздействие, без упоминания, что какой-нибудь Иван Иванович Петров виновен в этом деле, но косвенно говорящее о нем, приводит к тому, что отказчику становится стыдно перед другими лагерниками, и уже он сам берется понастоящему за работу и начинает выполнять свою производственную норму. А это при желании не трудно, так как нормы составлены в расчете на нормальные способности и возможности каждого лагерника.

Таким образом воздействие на отказчика, не являющегося настолько злым, что к нему необходимо применение административных мероприятий, проводится в основном через самый коллектив.

Еще один из методов. Лагерник плохо работает, лодырничает; рядом с ним ставят ударника, и тот в процессе работы, не действуя на самолюбие отказывающегося, говорит только о том, что тот недостаточно правильно проводит производственную работу, и ему показывает, как надо работать, не говоря: «ты лодырь, не хочешь работать». Лодырь невольно стыдится того, что рядом человек работает и, сначала не желая этого сам, постепенно втягивается в работу.

Одним из методов вовлечения злых отказчиков в работу, в производственный процесс и перевоспитание является посещение лучшими ударниками роты усиленного режима или штрафного изолятора, в которых содержатся злые отказчики. За-

частую ударники приходят вместе с агитбригадой, которая устраивает выступления, и затем сами ударники и члены агитбригады указывают отказчикам на неправильность их поведения и на те выгоды, которые влечет за собой выполнение производственных норм и включение в работу. Тех отказчиков, которые изъявляют желание начать работать, эти ударники тотчас же ведут в свои бараки. Там для них заранее готовят места. Ударники берут тем самым этих отказчиков под свое покровительство, включают в определенные бригады и затем всем коллективом перевоспитывают их. Иногда делается обратное: не ударники идут к отказчикам, а отказчиков приглашают в барак ударников, где заранее воспитатель вместе с активом и руководителями трудового объединения организуют встречу между ударниками и отказчиками. Эта встреча принимает форму совместной беседы, во время которой сами заключенные-ударники разговаривают с отказчиками. На отказчика такой метод действует очень сильно, так как беседа с ним проводится самими заключенными, а не административным составом. Тут же они наглядно убеждаются в разнице между теми материально-бытовыми условиями, в каких находятся отказчики, и условиями, которыми пользуются ударники. Все это ускоряет наступление переломного момента в сознании отказчика и влечет за собой желание начать работать.

Одним из многочисленных примеров таких встреч между ударниками и отказчиками является приглашение ударниками Никольского участка Центрального района Дмитровского лагеря к себе в барак 11 отказчиков «в гости на обед». Ударники во время обеда, которым они угощали отказчиков, иллюстрировали тем самым разницу в питании отказчиков и ударников, и после обеда вели беседу с гостями. Ушаков, Чистов, Фадеев, Филатов и другие ударники, указывая на собственный пример и показывая, в каких условиях они живут, убеждали отказчиков и лодырей порвать с преступным прошлым и завоевать себе ударной работой право на такие же условия жизни. Ударники не скрывали перед отказчиками того, что труд не легок, что первое время очень тяжело работать. Но при этом ударники говорили о том, что по мере втягивания в работу трудности все более исчезают. Трудности становятся все менее заметными и потому, что в работе крепнут физические силы, и потому, что чувство гордости своей работой охватывает всего человека. Сознательно относясь к труду, понимая необходимость строжайшей дисциплины для разрешения всех задач, стоящих перед Дмитровским лагерем как по линии создания канала, так и по линии создания нового человека, ударник перестает ощущать дисциплину и труд, как нечто ему внешне и принудительно навязанное. Он начинает ощущать это, как внутреннюю необходимость. Во время приведенной выше беседы ударники, рассказывая лодырям про свой коллектив, говорили: «У нас в коллективе строгий порядок. Кто хочет

вступить, подает заявление: так мол и так, желаю стать членом коллектива, буду хорошо работать и не стану нарушать порядка. Ну, а раз дал слово — значит, соблюдай его!»¹.

Это не значит, конечно, что все отказчики, приглашенные в барак к ударникам, тотчас же соглашаются на доводы коллектива ударников и порывают с лодырническим и бездельем в лагере. Часть отказчиков продолжает упорствовать и не желает войти в бригаду, куда их зовут ударники. Но большинство, как это показывает большой опыт применения такого метода воздействия на отказчиков, под влиянием коллектива порывает с прежним бездельем и вступает в бригаду. В дальнейшем бригада ударников, пригласившая к себе и вовлекшая в бригаду того или иного отказчика, систематически следит за ним, помогая ему, поднимая его до уровня коллектива.

К отказчику подходят чрезвычайно чутко, учитывая то, что он в течение определенного времени не работал. Зачастую, если заключенный отказывался от работы долго и в связи с этим получал уменьшенное питание, следствием чего явилось ослабление его организма, бригада, беря его к себе, ходатайствует перед администрацией о том, чтобы этот лагерник в течение нескольких дней пользовался усиленным пайком и уже после поправки приступил бы к работе. С того момента, когда отказчик начинает работать, бригада помогает ему, приучая его к трудовым навыкам, и делает из него в ряде случаев хорошего производственника.

Таким образом борьба с отказчиками ведется при помощи умело организованного культурно-воспитательным аппаратом воздействия на отказчиков самих заключенных. Лишь наиболее разложившиеся (правда, численно это очень небольшая часть лагерников, так как процент отказчиков неизменно падает) не желают и после такого разговора начать работать. К таким злостным отказчикам приходится уже применять меры дисциплинарного воздействия.

Многие лодыри и отказчики, зная о добровольной круговой поруке, имеющей место во многих трудовых объединениях, прямо говорят ударникам, что они за себя не ручаются, а потому и не могут вступить в коллектив, чтобы не подвести своих товарищей.

¹ Газета «Перековка» от 23 января 1934 г.

4. ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ И МАЛОГРАМОТНОСТИ

Подлинным ударником лагерник становится лишь тогда, когда культурно-воспитательной работой он охвачен не только на производстве, но и в быту и во время отдыха, когда растут не только проценты даваемой им выработки, но растет и он сам, растет его культурно-политический уровень, растет его производственно-техническая квалификация.

Первым шагом этого роста для наиболее отсталой части лагерников является ликвидация неграмотности и малограмотности.

Ликвидация неграмотности и малограмотности представляет первый и необходимый шаг в культурно-воспитательной работе в отношении правонарушителей из наиболее отсталых слоев населения. Неграмотные и малограмотные, главным образом, попадают среди тридцатипятичников, а отчасти и среди заключенных из крестьян. В особенности это относится к женщинам и представителям национальных меньшинств.

Широкая работа по ликвидации неграмотности и малограмотности развернулась в Дмитровском лагере с самого его возникновения. Количество лагерников, охваченных курсами и школами по ликвидации неграмотности и малограмотности, и результаты этой работы характеризуются следующими данными: в первом квартале 1933 г. было учтено 1786 чел. неграмотных, охвачено учебой 946 чел., т. е. больше половины всех взятых на учет. Окончило школы в первом квартале 102 чел. Малограмотных оказалось значительно больше — 6381 чел., из них удалось охватить учебой только 414 чел. Во втором квартале 1933 г. было учтено 2200 чел. неграмотных и охвачено учебой 1500 чел., т. е. примерно 70%; окончило школы за это время 251 чел. Малограмотных было учтено 7800 чел., из них охвачено учебой 950 чел., т. е. более 10%; окончило школы за этот срок 224 чел. В третьем квартале 1933 г. учтено неграмотных 4300 чел., охвачено учебой 1900 чел., окончило школы 238 чел. Малограмотных было взято на учет в третьем квартале 11 500 чел., из них охвачено учебой 1800 чел., окончило школы 187 чел. В четвертом квартале 1933 г. было учтено неграмотных 4500 чел., охвачено учебой 3500 чел. и окончило 266 чел. Малограмотных в это время было взято на учет 13 500 чел., охвачено учебой 2020 чел. и окончило 80 чел.

В первом квартале 1934 г. положение с ликвидацией неграмотности и малограмотности характеризуют следующие данные:

Кружков ликбеза	246	Кружков для малограмотных	170
Учтено неграмотных	4 710	Учтено малограмотных	9 293
Из них охвачено обучением	3 708	Из них охвачено обучением	3 336
Из них ликвидировали неграмотность	926	Из них ликвидировали малограмотность	502

Занятия по ликвидации неграмотности (Дмитровский район)

Занятия по ликвидации неграмотности (3-й участок Восточного района)

Выбор книг в Центральной библиотеке (Восточный район)

Занятия тридцатипятичников (Дмитровский район)

5

Колебания в охвате учебой неграмотных и малограмотных объясняются в основном тем, что менялся самый состав заключенных в связи с новыми пополнениями. Этим объясняется и недостаточность охвата учебой, так как вновь прибывшие не могут быть сразу влиты в существующую уже сеть школ. Следует все же отметить, что культурно-воспитательный аппарат не проявляет в этом деле должной оперативности, и слишком много времени из-за этого уходит на так называемый организационный период. Как положительный момент следует отметить непрерывный рост обучающихся, который в отношении неграмотных с 950 чел. в первом квартале 1933 г. поднимается до 3700 чел. в первом квартале 1934 г. В отношении малограмотных можно констатировать тот же процесс нарастания количества обучающихся. Так, с 400 чел. в первом квартале 1933 г. число ликвидирующих малограмотность увеличивается почти в десять раз и достигает 3300 чел. в первом квартале 1934 г.

Следует подчеркнуть наличие двух крупных недостатков в работе культурно-воспитательного аппарата по ликвидации неграмотности и малограмотности, которые необходимо преодолеть в самое ближайшее время. Первым из них является, как уже указывалось, недопустимо малый, даже при учете всех специфических трудностей, процент вовлечения в учебу неграмотных и в особенности малограмотных. Второй недостаток, о котором еще более резко говорят эти цифры, заключается в том, что из числа вовлеченных в учебу далеко не все проходят полный курс обучения. Это видно из расхождения в цифрах, показывающих число начавших учиться и окончивших школы. Беседы с такими оставившимися в своей учебе на полпути лагерниками показывают, что они часто считают для себя достаточным научиться просто писать и читать, вслед за чем они бросают учебу, не понимая, что этим не исчерпывается ликвидация неграмотности. Одной из причин ухода с учебы можно считать и недостаточное качество преподавателей, которые не умеют заинтересовать учащихся. На профессионально-технических курсах, польза от которых более ощутима и дает материальные выгоды лагернику даже в лагере, процент учащихся, доводящих свою учебу до конца, значительно выше. Это отчасти связано и с тем, что профессионально-технической учебой охвачен контингент лагерников с более высоким уровнем развития.

Не следует считать, что все заключенные с охотой идут на учебу. В ряде случаев культурно-воспитательному аппарату приходится преодолевать довольно длительное и упорное сопротивление со стороны части лагерников ликвидации их неграмотности и поднятию культурного уровня. Только в результате продолжительной разъяснительной работы удается втянуть эту наименее сознательную часть лагерников в учебу. Практикой культурно-воспитательной работы установлено, что среди женщин

особенно часто встречается противодействие вовлечению их в учебу. В этом сказывается вековая забитость женщины, тяжесть традиции прошлого. С другой стороны, эти же женщины, втянувшись в учебу, становятся затем лучшими агитаторами и пропагандистами необходимости учебы среди остальной, еще не включившейся в занятия, массы лагерниц.

Примером может служить заключенная Анипко, которая пишет в редакцию газеты «Долой неграмотность»¹:

«Когда я прибыла в лагерь, то не хотела учиться грамоте. Как меня ни уговаривали, ничего не помогало. Долго я отказывалась от учебы.

Только недавно я вступила в ликбез. Уже читаю и пишу. Теперь я вижу, как плохо я делала, что отказывалась учиться. Очень благодарю руководство лагеря за внимание к нам.

Всем женщинам советую учиться. А н и п к о, У л ь я н а
И в а н о в н а».

5. ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБУЧЕНИЕ

Ликвидацией неграмотности и малограмотности учеба в лагерях не ограничивается. Рядом с ней, или как ее продолжение, стоит вторая, высшая форма учебы — профессионально-техническое обучение.

В целом ряде директив со стороны Главного управления лагерями НКВД указывается, что одной из больших задач, стоящих перед культурно-воспитательными аппаратами управлений лагерями и отделениями, является «организация профессионально-технического образования и бригадного ученичества под лозунгом: «ни одного отбывшего заключение — без квалификации»².

Таким образом культурно-воспитательная работа внутри лагеря, представляющая собою неотъемлемую часть всей сложной системы исправительно-трудового воздействия на лагерников, наряду с политическим и общеобразовательным воспитанием лагерников, проводит в жизнь лозунг о необходимости получения каждым ударником производственной квалификации.

В этих целях разворачивается широкая сеть школ, курсов и кружков, поднимающих культурный уровень заключенных. При

¹ Газета «Долой неграмотность» от 8 февраля 1934 г., изд. Дмитровского исправительно-трудового лагеря.

² См. Положение о культурно-воспитательных аппаратах управлений лагерями ОГПУ и отделений.

отделе кадров строительства Москва—Волга и Дмитровского лагеря создан учебный совет, который, как говорится в положении о нем, «имеет своей задачей руководство всей учебно-методической работой по подготовке кадров для обслуживания строительства Москва—Волга и Дмитровского лагеря НКВД. Сюда входят:

1. Рассмотрение и утверждение учебных планов и программ отдельных курсов и бригадного ученичества, порядка и методики преподавания, а также установление типов и видов учебных пособий.

2. Установление учебно-методических требований к преподавательскому составу.

3. Рассмотрение и утверждение учебных конспектов для курсов и бригадного ученичества»¹.

Работа учебного совета тесно связана с деятельностью культурно-воспитательного отдела. Представители последнего присутствуют на заседаниях учебного совета для согласования планов и для направления всей деятельности учебного совета. Учебный совет обязан рассматривать и давать отзывы по учебным планам, программам, конспектам и т. п. — всех курсов и школ, работающих в пределах лагеря. Создание учебного совета представляет собой еще один шаг в деле развития плановой и систематической учебы всех лагерников. Организация его должна обеспечить улучшение методики и программ преподавания. Как уже указывалось, задача повышения культурного уровня лагерника и задача получения каждым лагерником определенной квалификации тесно увязываются с потребностью строительства в определенных видах квалифицированных работников. Именно об этом и говорит приказ по Управлению строительства Москва—Волга и Дмитровскому лагерю, изданный в январе 1934 г. В этом приказе говорится: «потребность на строительстве в квалифицированных работниках различных специальностей возрастает с каждым днем. Для обеспечения необходимого количества специалистов необходимо развернуть на строительстве широкую сеть профтехобразования. Это является нашей обязательной задачей и по линии перевоспитания лагерников»².

В развитие этого приказа начальник строительства в директиве 17 апреля 1934 г. указывает, что «профтехучебу (курсы и бригадное обучение) надо проводить не «между прочим», не как «дополнительную нагрузку», а поставить как очередную и важнейшую задачу перед всем руководящим составом профтехнических и административных работников района». Таким образом развертывание всей сети профессионально-технического обучения в лагере, с одной стороны, обеспечивает строительство со-

¹ Положение об учебном совете от 13 апреля 1934 г.

² Приказ по Управлению строительства и Дмитровского лагеря № 24 от 31 января 1934 г.

зданными уже внутри лагеря кадрами специалистов, а с другой стороны, выполняет задачу перевоспитания человека при помощи основного и единственного метода исправления—производительного труда. Для того чтобы закрепить перелом в сознании бывшего преступника, порывающего со своими прежними преступными привычками и осознавшего необходимость участия в производственном процессе, нужно обеспечить ему квалификацию и тем самым закрепить его интерес к работе.

В первую очередь курсами профессионально-технического образования охватываются лагерники из среды трудящихся. Количество вовлеченных в различные виды учебы лагерников растет из квартала в квартал.

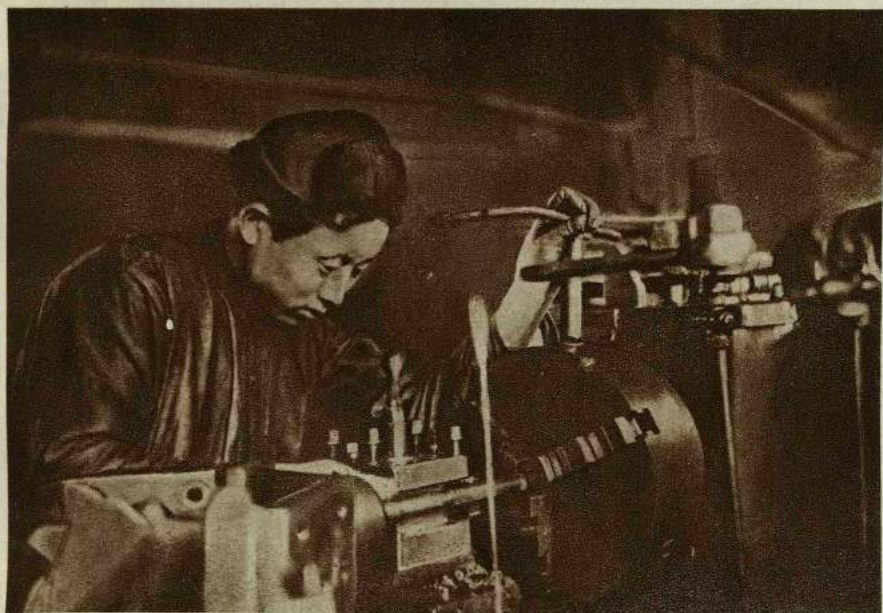
Как правило, вовлечение в учебу не отрывает лагерника от производства и проводится в вечерние часы. Заключенные одновременно приобретают квалификацию и проходят практический стаж работы внутри лагеря с тем, чтобы по освобождении из заключения сразу же вступить в семью трудящихся квалифицированным работником. Для значительной части курсантов устанавливается уменьшенный рабочий день с соответственно сокращенной дневной нормой выработки. На получение квалификации преимущественное право имеют лучшие ударники в области производства и общественной работы. Первыми кандидатами на учебу во всех вновь организуемых курсах являются именно ударники, зарекомендовавшие себя не только на производстве, но и в быту хорошим поведением, отсутствием нарушений лагерной дисциплины и активным участием в общественной и культурно-воспитательной работе лагеря. Так, например, работающая в Южном районе Дмитровского лагеря заключенная Шамбина до заключения в лагерь была абсолютно неграмотной. За ударную работу Шамбина была премирована и получила преимущественное перед другими заключенными право на получение квалификации. В лагере она прошла всю учебу от ликвидации неграмотности вплоть до получения довольно высокой квалификации¹. Окончив курсы по бетонным работам, она была направлена на производство в качестве десятника.

Для руководства всей профессионально-технической учебой и всей общеобразовательной учебой в районах лагеря организуются группы кадров с инспекторским аппаратом. Как правило, руководство курсами поручается самим заключенным, имеющим специальную подготовку. Для наиболее молодых заключенных, объединенных в специальные коллективы, создаются школы по типу фабрично-заводского ученичества. Так, например, в Центральном районе Дмитровского лагеря была открыта 16 февраля 1934 г. школа типа ФЗУ для слесарей. В нее было принято 71 чел. из числа молодежи тридцатипятичников. В этой школе

¹ Газета «Долой неграмотность» от 8 марта 1934 г.

Техучеба в кузнице ФЗУ (Центральный район)

Сартинов — ученик-токарь механического завода Дмитровского района

Техучеба (5-й участок района «Соревнование»)

Лагерники Дмитровского района за техучебой

даются необходимые теоретические и практические познания, которые в дальнейшем должны служить базой для получения более высокой квалификации. В школе проходят слесарно-механическое, кузнечное и деревообделочное дело. Срок обучения в школе — шесть месяцев, из них три месяца уделяется теории и три месяца — приобретению практического навыка. Наряду со специальными предметами проходятся одновременно и общеобразовательные.

Для того чтобы показать, как сами лагерники оценивают значение школы, достаточно привести заметку одного лагерного корреспондента в газете «Перековка» Центрального района от 25 февраля 1934 г. В этой газете лагерный корреспондент Тимохин указывает на значение школы:

«Уже первые дни работы школы показали, насколько благодарна роль ее. Стоит только посмотреть на оживленные лица учеников, учесть их живую заинтересованность, чтобы сказать, что перековка людей здесь нашла свое полное отражение. Всходы отличные. Надо думать, что и сбор будет такой же!»

Насколько сильно учеба и получение квалификации способствуют переделке сознания лагерника и перелому в его настроении, а также влекут за собой поднятие трудового энтузиазма, свидетельствует хотя бы рапорт-обязательство курсантов-подрывников Восточного района на имя администрации и партийной организации лагеря. В этом рапорте даются обещания:

«1. Честно и по-ударному работать, быть примерными в быту, принимать самое активное участие в культурно-массовой работе и в дальнейшем бесперерывно повышать свою квалификацию.

2. Высоко ценить то доверие, которое нам оказано. Мы никогда не допустим никакого разложения или же классово чуждого нам влияния в своих рядах.

3. Быть образцом высокой сознательной трудовой дисциплины, а также вести упорную борьбу и обеспечить лучшее качество той работы, которая на нас возложена.

Свое слово — слово честного каналаармейца — мы сдержим и делом докажем вам свою преданность.

По поручению всех курсантов Семенов,
Филипповичи Попкович¹.

Эти обещания курсанты, как показала их дальнейшая работа, полностью выполнили. Посылка на курсы и тем самым предоставление возможности получения определенной квалификации расценивается самими заключенными как одна из форм поощрения.

¹ Газета «Перековка» Восточного района от 4 февраля 1934 г.

Так, например, в 11 отделении Дмитровского лагеря в последнем квартале 1933 г. был лагерник Урбан, который, несмотря ни на какие разъяснительные беседы со стороны культурно-воспитательного аппарата, несмотря на все меры воздействия со стороны коллектива, не хотел включиться в производственную работу. Придя в культурно-воспитательную часть, Урбан попросил послать его на курсы электромонтеров. В культурно-воспитательной части Урбану было сказано, что он получит право на поступление на курсы электромонтеров только в том случае, если будет давать ударные показатели на производстве. Это так повлияло на Урбана, что он начал работать ударно и выработать не менее 130% производственных норм. Вслед за этим Урбан, бывший рецидивист и отказчик от работы, был послан на курсы электромонтеров, где он также показал образцы ударного отношения к учебе.

Заключенные прекрасно учитывают значение для них профессионально-технического образования. Поэтому неоднократно постановления слетов ударников обращаются к руководству лагеря с просьбой дальнейшего развития и более полного охвата профессионально-техническим образованием заключенных. Так, например, 7-й слет ударников 3 лагерного пункта Восточного района в январе 1934 г. вынес постановление о необходимости развития работы по подготовке кадров для строительства. Заведующий профтехническим образованием 9 отделения Бурса реализовал это постановление слета организацией курсов младшего техперсонала с охватом 120 лучших ударников-каналоармейцев. Надо сказать, что лагерники с большой охотой и добросовестностью включились в учебу. В рапорте на имя начальника 9 отделения Дмитровского лагеря Бурса пишет:

«Первый месяц учебы показал, что наши лучшие каналоармейцы сумели в учебе, как и на производстве, быть ударниками. Нормы выработки их примерные. Явка на занятия своевременная»¹.

Профессионально-техническая учеба, открывающая для многих впервые дорогу к самостоятельной жизни квалифицированной работницы, захватывает женщину-лагерницу. Даже бывшие отказчицы осознают это, и зачастую учеба прочно закрепляет разрыв с преступным прошлым. Вот что пишет одна из них:

«Первой отказчицей была я на лагерном пункте. Долго шла по прежней, «вольной» дорожке. Сейчас меня послали на курсы мотористок. Учусь, нравится мне эта учеба и работа. Обязуюсь работать честно, добросовестно и по-ударному. Ж а р о в с к а я»².

¹ Газета «Перековка» 9 отделения от 20 января 1934 г.

² Газета «Перековка» 8 отделения от 19 января 1934 г.

При развертывании профессионально-технической учебы в лагерях учитывается потребность строительства в работниках определенной квалификации. Поэтому сеть профессионально-технических курсов, школ и кружков строится в соответствии с производственными задачами строительства. Однако лагернику не навязывается получение той квалификации, которая не соответствует его стремлениям и прежним навыкам, приобретенным до заключения в лагерь. Учет прежних навыков играет весьма положительную роль в деле обучения лагерников. Так, например, тридцатипятники, как правило, проявляют весьма большую склонность к изучению шоферского дела. Вероятно, в этом сказывается их стремление к самостоятельной, независимой работе. Тридцатипятнику кажется, что именно в шоферской работе он сможет проявить свою собственную инициативу. Значительная часть крестьянства с большой охотой обучается столярному делу. Многие женщины охотно идут на курсы медицинских сестер. Таким образом учет склонностей лагерников наряду с учетом потребности лагеря в работниках определенной квалификации помогает разрешению одновременно двух задач: дает квалификацию каждому лагернику и создает необходимые для строительства кадры.

Тем не менее не всегда следует безоговорочно идти навстречу личным склонностям лагерника. В частности допускать тридцатипятника к получению им квалификации шофера нужно с очень большой осторожностью и выбором. Эта профессия является наиболее индивидуалистической, что, вероятно, и привлекает многих наиболее анархически настроенных тридцатипятников. Кроме того эта профессия таит в себе ряд специфических опасностей, ряд специфических возможностей разложения и рецидива преступности. Для бывшего профессионального преступника важнее всего по выходе на свободу оказаться сразу включенным в крепкий пролетарский коллектив, что не достигается в достаточной мере получением квалификации шофера.

Предъявлять большие требования к распределению лагерников по соответствующим профессионально-техническим курсам, с учетом не только личных склонностей, но и целого ряда объективных социальных показателей, возможно потому, что лагерни уже сейчас располагают широкой сетью курсов. Они охватывают самые разнообразные профессии. Дмитровский лагерь готовит техников и помощников техников по тридцати отраслям и специальностям. Десятники подготовляются по 24 специальностям. По двенадцати разделам идет подготовка специально для механизации всевозможных работ. Пять различных курсов существует для металлистов. По четырем специальностям производится подготовка транспортников, по трем специальностям — снабженцев, по шести специальностям — санитарных работников, от дезинфектора до лекнома. Кроме того функционируют еще девять курсов,

подготавливающих работников иных специальностей. Для наиболее молодой части лагерников созданы школы бригадного и фабрично-заводского ученичества.

Таким образом в Дмитровском лагере курсы и бригадное обучение по профессионально-технической линии в 1934 г. создавали квалифицированных работников по 75 специальностям. На 1 июня 1934 г. в лагере функционировало 139 курсов. Курсами было охвачено 8248 чел., т. е. больше даже, чем намечалось по плану, бригадным обучением—9815 чел. и, следовательно, всего—18 063 чел. В 1933—1934 гг. закончили полностью обучение и были выпущены курсами 3262 чел. квалифицированных работников, непереходимых для строительства¹. Окончание курсов отмечается персонально в отношении каждого курсанта приказом по Управлению лагеря. При этом начальники соответствующих отделов получают приказание «использовать всех окончивших курсантов по специальности». Начальнику культурно-воспитательного отдела предлагается выдать удостоверения об окончании учебы для приобщения их к личным делам лагерников². Уверенность в том, что после окончания курсов лагерник будет направляться на работу по той специальности, которую он получил, значительно стимулирует учебу. Понятен поэтому бурный рост профессионально-технического образования в Дмитровском лагере. В первом квартале 1933 г. было охвачено учебой на 19 курсах всего 504 чел. Во втором квартале число курсов выросло в три раза (58 курсов — 1345 учащихся). К этому времени 234 чел. окончило уже курсы. В третьем квартале число курсов вырастает до 75, число охваченных учебой до 1769 чел., число окончивших курсы до 722 чел. На 1 июня 1934 г., как мы видели, уже 18 000 чел. охвачено курсами и свыше 3000 чел. окончило курсы, часть из которых получила очень высокую квалификацию.

Попутно с широко развернутой работой по обучению заключенных и получению ими квалификации в Дмитровском лагере проводятся систематический учет и использование по специальности заключенных, имевших квалификацию до поступления в лагерь. С этой целью был издан ряд приказов, указывающих на необходимость использования работников в соответствии с имеющейся у них квалификацией и навыками.

Приказом по Управлению строительства канала Москва—Волга и Дмитровскому лагерю 27 января 1934 г. предлагалось «в декадный срок провести по всему лагерю силами бригады управления и специально мобилизованных для этого работников учетно-распределительного отделения проверку и полный пере-

¹ См. приложение — таблица профтехкурсов и бригадного ученичества по МВС и Дмитровскому лагерю.

² См., например, приказ по Управлению Дмитровского лагеря № 342 по поводу окончания курсов помощников машинистов паровых машин десятию лагерниками от 10 октября 1933 г.

учет специалистов, административно-хозяйственных работников, работников умственного труда и квалифицированных рабочих... Задачей этой проверки является выявление всех специалистов, до сих пор не учтенных, а также проверка использования специалистов, уже учтенных». Этим же приказом предлагалось в десятидневный срок, с момента окончания учета, провести проверку квалификации заключенных на основании соответствующих отзывов о квалификации или деквалификации лагерников. Те из заключенных, которые в лагере до учета не работали по своей специальности и не могли доказать своей квалификации, должны проходить согласно этому приказу через квалификационные комиссии. Эти комиссии обязывались «подготовить базу по проведению работы по переквалификации специалистов, не переучитываемых в порядке настоящего приказа».

Руководство лагеря и строительства придавало настолько большое значение необходимости использования заключенных по их специальности, что отдельным пунктом приводившегося выше приказа предложило администрации лагеря, как центральной, так и районной и участковой, «принимать от заключенных в любое время заявления об их использовании по специальности и разрешать таковые в случаях, когда эти заявления могут быть разрешены на месте немедленно, в случаях же необходимости направлять в высшие инстанции — в трехдневный срок».

На квалификационные комиссии была возложена задача организации выявления квалификации и деквалификации лагерников из новых пополнений, а также из числа не выявленных ранее, находящихся в лагерях заключенных, имеющих различные квалификации и специальности.

Администрация лагеря согласно тому же приказу обязывалась направлять лагерников на работу только в соответствии с имеющейся у них квалификацией. Лишь в исключительных случаях, когда на том участке, на котором находится лагерник, нет никакой возможности для использования его по специальности, администрация имеет право направить заключенного на работу вне зависимости от его квалификации. В каждом таком отдельном случае администрация должна сообщить в Управление строительства и лагеря о причинах неиспользования квалифицированного работника по специальности.

В развитие приказа 27 января 1934 г. в апреле того же года по Дмитровскому лагерю был издан приказ с дополнительным указанием на важность и значение умелого и правильного использования специальностей и навыков заключенных. В целях поднятия этой работы на должную высоту приказом 4 апреля 1934 г. предлагалось «на должность заведующих учетом специалистов в участках района назначать деловых, хорошо грамотных работников из заключенных, могущих справиться с этим серьезным делом». Начальникам же районов и участков вменялось в

обязанность «иметь постоянное наблюдение за работой по учету специалистов и полнотой охвата их, а также за правильным определением квалификационными комиссиями специальностей заключенных».

Использование заключенных в соответствии с их специальностью и навыками имеет двоякое значение. Во-первых, этим достигается обеспечение строительства квалифицированными кадрами, с другой стороны, это имеет большое значение для достижения исправительно-трудовых задач. Капиталистическая тюрьма и каторга (так же как раньше царская каторга в России) в целях унижения человеческого достоинства заключенного заставляют его выполнять обязательно тяжелую физическую работу, как правило, работу чернорабочего, вне зависимости от учета тех специальных навыков и знаний, которыми обладает тот или иной заключенный.

Более того, тупое и безразличное отношение к организации труда приводило к тому, что и вольнонаемные работники использовались как попало. «На Сахалине все так, — пишет Дорошевич, — там еще и теперь арестантами заведуют горные инженеры, горными работами — смотрители тюрем, рыбными промыслами — люди, никогда этим делом не занимавшиеся, а устройство хозяйства поселенцев возложено на прогоревших помещиков, которые только тем и замечательны, что расстроили свое собственное хозяйство»¹. Все «специалисты», руководившие работами на Сахалине, рисуются Дорошевичем как «...в полном смысле слова сборище всевозможных неудачников, людей ни к какому делу непригодных, выброшенных жизнью за борт»².

Это приводило к совершенно бессмысленной излишней трате рабочей энергии, к увеличению тяжести труда на каторге. «Часто оттого, что работами заведуют люди некомпетентные, — пишет Чехов, — неспособные и неловкие, затрачивается на работы больше напряжения, чем бы следовало»³.

В лагерях НКВД, в частности в Дмитровском лагере, напротив, заключенному предоставляется возможность не только включиться в производительный труд, но и применить имеющиеся у него знания и практические навыки. Врач, агроном, инженер, точно так же, как и рабочие различных квалификаций, попав в лагерь, не деквалифицируются, а продолжают работать по своей специальности. Поэтому по окончании того срока, на который пролетарское государство должно было изолировать этих специалистов от общества, они выходят на свободу с еще большим опытом работы по своей специальности. Мы знаем на примере Беломорстроя, какое впечатление на бывших вредителей из числа инженеров произвел тот факт, что им была предоставлена

¹ В. Дорошевич, Сахалин, 1903 г., с. 144.

² Там же.

³ Чехов, Остров Сахалин, с. 71.

полная возможность применить все свои знания, развернуть во всю ширь свои способности и применить их на таком грандиозном строительстве, каким являлся Беломорско-Балтийский канал и каким является сооружение канала, соединяющего реки Волгу и Москву.

Однако следовало бы установить определенный срок для заключенных любой квалификации с тем, чтобы этот срок (примерно шесть месяцев) заключенные, в том числе и специалисты, проводили на общих работах.

Не надо забывать, что лагеря это не просто школа, а суровая школа перевоспитания преступников. Труд в лагерях носит и характер репрессии. Ленин неоднократно указывал на то, что принудительные работы могут и должны применяться именно как репрессия: «...виновные в обмане государства и народа, — пишет он, — подвергаются конфискации всего имущества... Той же каре, а равно заключению в тюрьму или отправке на фронт и на принудительные работы, подвергаются все ослушники настоящего закона, саботажники и бастующие чиновники, а равно спекулянты»¹.

Таким образом труд и принудительные работы являются орудием воспитания, но в то же время, как указывает Ленин, при определенных условиях принудительные работы могут и должны выступать как средство кары.

Прохождение стажа общих работ было бы чрезвычайно целесообразно и потому, что эти специалисты во время нахождения на общих работах должны были бы находиться в обычном, т. е. не состоящем только из специалистов, из инженерно-технического персонала, коллективе заключенных. Ведь с того момента, когда заключенный используется как специалист, он получает несколько иные, чем лагерники, не имеющие никакой квалификации, материально-бытовые условия, как, например, проживание в лучше оборудованных отдельных бараках для технического персонала и пр.

Для перелома в сознании заключенного необходимо воздействие обычного коллектива, который, как мы знаем, имеет одно из основных значений для переделки сознания. При этом администрация лагеря должна будет учитывать при распределении этой части заключенных (специалистов) среди всей массы лагерников важность включения их в наиболее проверенные коллективы из среды трудящихся, прошедших уже школу перековки в лагере. Кроме того кастовые настроения также лучше всего изживаются в том случае, если, хотя бы первое время перелома, сравнительно небольшой срок осужденные к заключению в лагере специалисты находились бы под влиянием обычного коллектива заключенных.

¹ Ленин, т. XXII, с. 141. (Разрядка моя. — И. А.).

С точки зрения обеспеченности строительства квалифицированными кадрами проведение в жизнь своеобразного стажа общих работ каждым заключенным может встретить возражение. Но по мере улучшения организации лагерей эта задача будет все более и более осуществлена без ущерба для производства, и тем самым будет создана возможность наиболее успешного одновременного разрешения задачи непосредственно исправительной с производственными задачами данного строительства.

Включение вновь прибывающих в коллективы заключенных должно проводиться подобно тому, как это имело место при развигии Болшевской коммуны НКВД. Она пополнялась лишь по мере того, как ранее помещенные в нее преступники перевоспитывались настолько, что сами были в состоянии противодействовать вредному влиянию, которое неизбежно вносили вновь прибывающие сюда правонарушители. Воздействие на вновь прибывающих и противодействие их вредному влиянию на вступивших уже на путь исправления членов коммуны обеспечивалось тем, что коммуна пополнялась лишь таким количеством новых правонарушителей, которые представляли собой пропорционально к уже перековавшимся численно небольшую группу. Члены коммуны сами на общем своем собрании, в первые годы существования коммуны, устанавливали количество нового пополнения правонарушителями, с вредным влиянием которых коммуна смогла бы не только справиться, но и переломить их настроения, обеспечив вновь прибывающих должным влиянием со стороны старых членов коммуны. Старые члены коммуны прекрасно учитывали, что в случае лишь незначительного их перевеса над новым пополнением влияние пришедших могло бы превысить воздействие на вновь поступающих со стороны тех, кто уже решил порвать с преступным прошлым. В лагерях, конечно, по понятным причинам осуществление последнего принципа — самоуправления — не может иметь места в такой форме, как в Болшевской коммуне, но администрация лагерей должна учитывать опыт Болшевской коммуны, регулируя распределение вновь прибывающих этапов по уже сложившимся коллективам.

Может показаться, что это предложение непременно для всех, в том числе и для специалистов, стажа общих работ, играющих одновременно и роль репрессивную (тяжелые работы) и роль переломного момента, роль начала перековки, внутренне противоречиво. Разве, в самом деле, репрессивные моменты не будут, как раз наоборот, ожесточать человека и затруднять тем самым процесс его перевоспитания? Разве не предлагается здесь осуществлять прямо противоположные задачи? На первый взгляд — это так. Такое противоречие существует, но это противоречие — диалектическое, которое, как показала вся практика работы лагерей, снимается в сторону перевоспитания. Тем, кто пожелает критиковать это предложение с только что указанных

позиций, не следует забывать, что такой критике можно было бы подвергнуть и систему исправительно-трудовой политики в целом. Ведь изоляция, взятая сама по себе, также должна ожесточать. Ведь ожесточать должно всякое принуждение, а тем не менее жизнь показала тысячи раз, что и само принуждение, в определенных условиях, является особым методом убеждения. Ленин писал даже о терроре, что он представляет собой особый метод «убеждения и воздействия»¹. Опыт лагерей НКВД показал, что у ряда бывших вредителей начинаются колебания уже в первый момент их столкновения с твердой рукой пролетарской диктатуры. Многие из них, находясь в заключении, в первый раз как следует продумали вопрос о реальном соотношении классовых сил и о грозной перспективе, которая стоит перед ними, если они не сойдут с вредительского пути. Репрессивные моменты стажа общих работ в лагере должны закрепить это настроение, но в то же время стаж общих работ даст этим заключенным возможность почувствовать и целый ряд других моментов, также являющихся необходимой предпосылкой для переделки их сознания. На общих работах заключенный чувствует не только серьезность репрессии пролетарского государства. Встречаясь с заключенными из среды трудящихся, подавляющее большинство которых презирает контрреволюционеров, не говоря уже о встречах с осужденными за бытовые преступления, он еще раз почувствует всю изолированность контрреволюции в нашей стране. Он почувствует даже среди осужденных, — что массы не с ним, а против него. Это стоит хорошей культурно-воспитательной работы, этот урок запомнится не меньше, чем льготы и досрочное освобождение, единственный путь к которым — политическое разоружение и ударная работа. Это также покажут таким специалистам ударники-рекордисты на общих работах.

Каждый из рядовых участников общих работ по своему интеллекту и способности к полемике будет, вероятно, стоять ниже такого контрреволюционера, но настроение, воля и политический разум всего коллектива в целом окажутся много сильнее «ученых» рассуждений заключенного из числа специалистов. Так, в диалектике жизни разрешается переплетение принуждения и убеждения, репрессии и переделки сознания.

В начале строительства Беломорско-Балтийского канала применялся на практике стаж общих работ, правда, на срок в три месяца. Затем в связи с возросшей потребностью строительства в квалифицированных кадрах пришлось от этого отказаться. Однако это соображение должно быть преодолено.

Насколько велико значение стажа общих работ, можно убедиться при беседах со специалистами, которые работают теперь

¹ Ленин, т. XXIV, с. 604.

в качестве вольнонаемных в Дмитровском лагере и прошли на Беломорстрое стаж общих работ. Все они говорят о том колоссальном значении, которое имел этот период для создания перелома в их настроении. Коллектив «обычных» заключенных, зараженный бодрым трудовым подъемом, гасил то настроение упадочности и безнадежности, с которым они приходили в лагерь. Они подчеркивали, что именно такой коллектив, в котором они растворялись, а не коллектив, в котором собраны люди с присущим всем специалистам, пришедшим в лагерь, настроением, смог положить прочное начало их переделке. Эта лучшая часть перекованных, бывших вредителей и других контрреволюционеров, подчеркивала весь вред помещения специалистов в свою среду, которая, особенно на первых порах, способна лишь дольше удержать былые убеждения и состояние озлобления, с которым приходит в лагерь большинство осужденных специалистов. Кроме того выполняя общую работу, эти специалисты учатся по-иному воспринимать и самый труд. У них исчезает пренебрежительное отношение к человеку, стоящему ниже их по культурному уровню, они начинают понимать психологию людей, занятых тяжелой физической работой.

Таким образом для той части специалистов, которая способна перековаться, репрессивная сторона стажа общих работ будет поглощаться другой их стороной. Для тех же, кто не способен к такой переделке, кто, несмотря на все исправительно-трудовое воздействие, не отказывается от своих прежних позиций, стаж общих работ будет иметь большое значение как мера репрессивная.

Следовательно, по отношению ко всем специалистам прохождение стажа общих работ и тяжелого физического труда в лагере должно играть большую роль.

Стаж общих работ должен, таким образом, послужить определенным толчком, который подведет к перековке во время дальнейшего пребывания в лагере под влиянием всех методов исправительно-трудового воздействия.

6. ВНЕШКОЛЬНАЯ КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА И ОРГАНИЗАЦИЯ ОТДЫХА

Наряду со школьной работой, профессионально-технической учебой и организацией использования заключенных в соответствии с имеющейся у них квалификацией в лагерях развернута большая сеть внешкольного образования в форме кружков, бесед, читок газет и др.

Так же как и школьная, вся внешкольная работа проводится в тесном переплетении с производственными задачами. Внешкольная работа заключается в агитации и пропаганде, систематически проводящейся в каждом подразделении лагеря, в различных формах групповой и массовой работы, а также в организации культурного, веселого развлечения. Агитационно-пропагандистская работа проводится в основном в красных уголках и в клубах. Вся эта работа увязывается органически с материалами и задачами лагерного производства. Широко используется наглядный местный материал, для подбора и оформления которого привлекаются сами заключенные.

Массовая работа клубов и красных уголков втягивает все лагерное население во внешкольную работу и содействует активности, спектакли, инсценировки, наряду с углубленными беседами проводится в самых разнообразных формах. Беседы, коллективная читка газет и различной литературы, вечера самодеятельности, спектакли, инсценировки, наряду с углубленными беседами и вечерами как политических, так и общеобразовательных вопросов и ответов, являются теми формами, которые способны вовлечь и заинтересовать всех лагерников. Все это многообразие форм массовой работы дает возможность лагерникам с самой различной индивидуальностью найти интересующую и, тем самым, вовлекающую их в массовую работу форму. Точно так же организация хорových, музыкальных, шахматных, шашечных и других кружков дает надлежащее оформление проявлению активности лагерников с самой различной индивидуальностью и самыми различными запросами. Это относится и к организации развлечений, проводящихся в форме игр, и к организации спортивных кружков и пр.

Создающиеся при красных уголках и клубах кружки не представляют собой какого-то застывшего трафарета.

В зависимости от проявления желания со стороны лагерников содержание деятельности кружков варьируется. Целевые и тематические кружки создаются для проработки по определенной программе как политических и общеобразовательных, так и профессионально-технических вопросов. Таким образом проводится в жизнь директива о том, что «вся внешкольная работа должна строиться по инициативе, запросам и самодеятельности самих заключенных и при активном участии в работе выявленного и закрепленного актива»¹.

Основным местом, где проводится внешкольная работа, где лагерники находятся во время отдыха, является красный уголок. Поэтому работе красных уголков, имеющих почти в каждом бараке, уделяется культурно-воспитательным аппаратом лагеря

¹ Директива Главного управления лагерями ОГПУ о задачах культурно-воспитательной работы среди заключенных в лагерях от 15 ноября 1932 г.

очень большое внимание. Избираемый лагерниками совет красного уголка помогает воспитателю наладить всю работу красного уголка.

В красном уголке проводится не только работа различных кружков и учеба. В нем лагерники слушают читку газет, обсуждают прочитанный материал наряду с уяснением своих производственно-общественных задач. Но этим тоже не исчерпывается работа красного уголка. Лагерник находит в красном уголке плакаты, ежедневно отражающие его работу, выполнение взятых им на себя производственных и иных обязательств, перечень его обязанностей, из которых вытекают его права. Примером может служить артель «Красный восток». В красном уголке этой артели «плакаты, стенгазеты, лозунги... по своему содержанию злободневны и действительно мобилизуют каналармейцев на ударную работу, дают ответы на все волнующие их вопросы... Красный уголок артели на деле является организатором борьбы за ударные темпы на производстве, культурного быта и отдыха каналармейца»¹. За такую постановку работы районный штаб по соревнованию и ударничеству 10 февраля 1934 г. постановил наградить артель красным знаменем ударника и выдать подарки.

Конечно, не все еще красные уголки находятся в таком хорошем состоянии, которого добился воспитатель артели «Красный восток» Валиулин. Многие красные уголки еще не оформлены должным образом, в них еще не налажена работа по охвату организованным отдыхом всех заключенных. Тем не менее красные уголки завоевали себе прочное место в системе культурно-воспитательной работы в Дмитровском лагере.

Для того чтобы усилить деятельность красных уголков, в сентябре 1933 г. был проведен вселагерный конкурс на лучший клуб и на лучший красный уголок. Одним из условий конкурса было выставлено требование: превратить красные уголки в подлинные центры культурно-политической и массовой работы. Наряду с необходимостью выполнения условий, предъявленных конкурсом к содержанию работы в красном уголке, требовалось хорошее оформление уголка для того, чтобы превратить его в такое место, в которое лагерник пойдет с удовольствием, а не по принуждению. Специально выделялось, как один из основных показателей, требование тесной увязки работы красного уголка с производственными задачами. «При оценке работы клуба и красного уголка, — сказано в инструкции по конкурсу, — особое внимание должно быть обращено на то, как она подчинена задачам производства и как она обеспечивает усвоение технических процессов работы, механизации, развитие ударничества, соревнова-

¹ Газета «Перековка» Центрального района Дмитровского лагеря от 18 февраля 1934 г.

ния, хозрасчета, т. е. как она обеспечивает выполнение и перевыполнение плана строительства»¹. Одновременно приказом № 368 по Управлению Дмитровского лагеря категорически запрещалось занимать помещения красных уголков не по прямому назначению². Последствием конкурса явилось усиление деятельности красных уголков. Приведенный выше пример с красным уголком артели «Красный восток» показывает итог длительной и систематической работы красного уголка. Результатом такой же работы является красный уголок на 8 участке Центрального района, в котором «...каждый каналоармеец, приходя туда, находит уют, культурный отдых: шашки и домино, шахматы, книгу и т. д. В организованном здесь же справочном бюро каналоармеец находит дельный и быстрый ответ на все свои жалобы и заявления»³. В красных же уголках раз в декаду проводятся вечера вопросов и ответов.

Для отвлечения лагерников от прежних преступных навыков и втягивания их в культурное проведение отдыха значительно развиваются различные виды спорта и игр, организуются, например, шахматные матчи. Интересная и увлекательная игра помогает вести борьбу с привычкой большинства тридцатипятников к азартной карточной игре, пожалуй, не меньше, а больше, чем дисциплинарные взыскания.

Таким образом при правильной организации отдыха, как и при правильной организации труда, удается нейтрализовать и переклестать привычные, вкоренившиеся механизмы поведения рецидивиста-тридцатипятника из преступного классово опасного русла в русло перековки.

Проведенный в январе 1934 г. в 3 пункте 5 отделением Дмитровского лагеря шахматный матч заинтересовал значительное количество лагерников и не принимавших участия в матче. В апреле 1934 г. в Северном районе лагеря, после создания шахматных кружков, для желающих на участках района был проведен также шахматный турнир, организованный культурно-воспитательной частью.

Домино и шашки находят среди заключенных немалое количество любителей, которые тем самым отвлекаются от прежних привычек, принесенных в лагерь: «отдыхать» за пьянством, хулиганством и азартной карточной игрой.

В летнее время с особой силой выдвигается на первый план необходимость организации отдыха на воздухе. В связи с этим расширяются такие формы массовой работы, как летние эстрады, которые согласно обязательству Северного района должны

¹ «Условия конкурса на лучший клуб и красный уголок Дмитровского лагеря ОГПУ», приложение к приказу № 332 от 5 октября 1933 г.

² Приказ по Управлению Дмитровского лагеря от 29 октября 1933 г. за № 368.

³ Газета «Перековка» Центрального района от 19 марта 1934 г.

были быть организованы на всех участках к 1 мая 1934 г.¹ Точно так же в летнее время приобретают еще большее значение спортивные игры. В лагере на ряде участков организованы и хорошо работают спортивные площадки, на которых устраиваются состязания по крокету, волейболу, футболу и пр. На основании использования инициативы заключенных на открытом воздухе происходят выступления хоровых и музыкальных кружков лагерников². 25 марта 1934 г. на 7 строительном участке Северного района был проведен специальный слет для выявления имеющих художественно-музыкальных сил. На слете выделялись лучшие и вовлекались в организованные и вновь организовывающиеся самодеятельные кружки и агитбригады. Одновременно выявлялись лагерники, способные стать затейниками по типу тех, которые имеются в Московском парке культуры и отдыха им. А. М. Горького. Эти затейники во время летнего отдыха на воздухе организуют веселое времяпрепровождение лагерников.

Концерты и эстрадные выступления являются наиболее доступной формой развлечения в лагере. Они представляют собой наиболее легкую форму для обслуживания заключенных с самым различным уровнем развития, с одной стороны, а с другой, они всегда могут устраиваться силами самих лагерников. Как правильно указывает «Перековка», «концертно-эстрадная работа вообще является наиболее гибкой формой массовой, художественно-политической пропаганды, а в условиях наших лагерей, как и агитбригадная форма, легче всего она применима»³.

На концертах выступают хоровые и музыкальные кружки лагерников. Насколько велика тяга заключенных к такого рода культурным развлечениям, можно судить хотя бы по тому, что к концу 1934 г. по всему Дмитровскому лагерю насчитывалось 224 музыкальных и хоровых кружка.

Вся внешкольная работа и организация отдыха заключенных проводится на основе самодеятельности заключенных, при самом непосредственном участии выявленного и закрепленного актива.

Таким образом культурно-воспитательная работа проводится в лагере, как мы видим, в самых разнообразных формах. Она охватывает и производство и весь быт заключенных. Нет такого вопроса в лагере, который может быть разрешен без участия культурно-воспитательного аппарата, если не считать технических вопросов строительства. Правильно указывает один из заключенных

¹ Газета «Перековка» Северного района от 11 апреля 1934 г.

² Как относились пенитенциаристы царской России к возможности музыки в тюрьмах, видно из резолюции Второго всероссийского съезда тюремных деятелей. Пункт 28 резолюции допущение музыки и светского пения признает нежелательным. «В отношении введения в местах заключения пользования кинематографом и граммофоном съезд не признает пока возможным рекомендовать применение этих приспособлений» («Тюремный вестник» № 3 за 1914 г.).

³ Газета «Перековка» от 11 апреля 1934 г.

в своей корреспонденции в газету: «Всюду, где находится масса, должна вестись культурно-массовая работа во всех ее формах. Борьба за чистый барак, за чистую рубаху — большая культурная работа. Нельзя свысока смотреть на борьбу со вшивостью, когда вошь мешает работать»¹.

Поэтому культурно-воспитательный аппарат лагерей активно участвует во всех мероприятиях, во всей жизни лагеря и заключенных.

Внутри лагеря проводится также широкая разъяснительная работа по вскрытию классовой сущности религии, как одного из могущественных орудий буржуазии для удержания ею своего господства. Зачастую внутри лагеря вопросы религии приобретают весьма актуальное значение.

Известно, что в Беломорско-Балтийском лагере в тот период, когда еще не было проведено достаточной работы по классовому расслоению лагерников, в бараках, в которых помещались муллы и другие представители национальной буржуазии вместе с бедняками, батраками и трудовым крестьянством и богатеями, муллы проводили весьма жестокую борьбу против лагеря, против всей системы исправительно-трудового воздействия на лагерника. Муллы пытались воздействовать на всех представителей национальных меньшинств, попавших в лагерь. Внутри лагеря они продолжали жесточайшую классовую борьбу, воздействуя на заключенных из среды национальных меньшинств и систематически вербуя из них отказчиков. Только после проведения длительной и организованной разъяснительной работы и вскрытия классовой сущности религии и действий мулл как представителей классового врага в лагере, нацмены из числа наиболее социально-близких нам элементов сами начали обращаться к лагерной администрации. Они просили удалить из общежитий представителей классового врага, которые, продолжая свою классово враждебную разрушительную работу, препятствовали перевоспитанию лагерной массы.

Задача проведения антирелигиозной работы представляет собой одну из весьма немаловажных частей воспитательной работы. Преодоление религиозных предрассудков является важным звеном в цепи всех мероприятий по перевоспитанию и переделке сознания лагерника и поднятию культурно-политического уровня каждого из заключенных.

Для культурно-воспитательной работы широко используются печать, стенные газеты, кино и радио. Почти во всех бараках имеются громкоговорители. Через радио каждый лагерник систематически получает сведения об общем ходе работ, о передовых и отстающих бригадах, о том, кто помогает и кто мешает строительству лагеря. Через радио заключенные оповещаются о

¹ Газета «Перековка» Северного района от 5 февраля 1934 г.

том, что только сознательное участие в разрешении колоссальных задач, которые поставлены советской властью перед тем строительством, в котором участвуют лагерники, приблизит время возвращения их на свободу. Через радио лагерники узнают о том, какие и за что даются льготы. При помощи радио ведется борьба за дисциплину внутри лагеря, сознательное подчинение которой есть один из самых необходимых элементов как для решения поставленных перед стройкой производственных задач, так и для разрешения второй задачи строительства — перековки сознания лагерников, создания нового человека.

На Беломорском канале начальник района т. Афанасьев поднимал дисциплину, объявляя по радио на весь лагерь выговоры за злоупотребления или даже ошибки со стороны администрации. В Дмитровском лагере районное руководство, включив микрофон, убеждает отдельных отказчиков стать на работу. Тем самым естественно проводится воздействие на всю лагерную массу. Примером может служить такой факт: на 4 Лихачевском участке Хлебниковского района плохо работали лагерницы Рыжова, Шатохина и Ленская. После того, как с ними по радио поговорили начальник района т. Афанасьев и начальник работ т. Будасси, начали хорошо работать не только эти отказчицы, но и многие другие отказчики и лодыри.

Одновременно при помощи радио организуется веселый и разумный отдых лагерника. Музыкально-развлекательные передачи через радио немало способствуют этому.

Заключенному предоставляется полная возможность проявить свою инициативу в деле организации отдыха, но эта инициатива разумно и сознательно направляется воспитательным аппаратом лагеря. Лагерник может по своему желанию вступить в любой кружок — спортивный, музыкальный, хоровой, в любую культурно-воспитательную организацию. Учет индивидуальных стремлений и склонностей, а не организация отдыха по единому для всех трафарету создает действительный отдых каждому лагернику. Тем самым достигается большая производительность труда, ибо лагерник, получивший хорошую зарядку во время отдыха, приступает на следующий день к работе с большими силами и с большим подъемом.

При помощи культурно-воспитательной работы проводится борьба со всеми разлагающими лагерь явлениями, принесенными частью лагерников из своей прежней преступной среды. Разумная организация отдыха представляет собой одно из весьма действенных орудий в борьбе с пьянством, с картежной игрой и прочими нарушениями лагерного распорядка. Предоставление лагерника после окончания производственной работы самому себе неизбежно влекло бы рецидивы всех этих преступных привычек, что, несомненно, отразилось бы в дальнейшем не только на производственной работе, но и на всем процессе перековки. Поэтому

Празднование Первого мая лагерниками Южного района

Лучшие каналаармейцы — футболисты Орудьевского района

Терентьев И. Г. — руководитель центральной агитбригады

Центральная агитбригада Дмитровского лагеря

при помощи внешкольной культурно-воспитательной работы, при помощи разумной и целесообразной организации отдыха одновременно разрешаются большие производственно-политические задачи.

7. АГИТБРИГАДЫ

Агитационные бригады в лагере представляют собою одну из наиболее ярких и своеобразных форм проявления самостоятельности и инициативы заключенных. Они являются одним из средств культурно-воспитательного воздействия на заключенных через самих лагерников, так как в составе агитбригад, как правило, не имеется вольнонаемных. Репертуар агитбригад также составляется и пишется самими заключенными, привлеченными в агитбригады, хотя, конечно, культурно-воспитательный отдел через воспитателей контролирует и направляет эту работу. Роль агитбригад во всех областях лагерной дисциплины—против классового врага в лагере, против хулиганства и неряшливости в быту, словом, против всех отрицательных явлений в лагере, мешающих и срывающих производственные планы, культурную организацию быта и успешную перековку лагерников—чрезвычайно велика. Жестокая самокритика, не боящаяся высокого административного положения подвергающегося критике лица, в целях устранения всех неполадок и ошибок в работе, препятствующих разрешению задач, стоящих перед лагерем, борьба за ударные темпы и высокое качество работы, постоянное воздействие на заключенных в веселой, живой и развлекательной форме—все это определяет своеобразие работы агитбригад.

Агитбригады высмеивают тех руководителей, которые думают, что можно руководить, сидя у себя в кабинете. В частушках о качестве работы центральная агитбригада Дмитровского лагеря всем коллективом поет:

«Командиры, будьте зорки!
На канал гляди не с горки,
Чаще опускайся вниз,
Там за качество борись.
Мы канал построим в срок
Образцово, крепко, в прок,
Хорошо и начисто,
Одним словом—качество.
Чтоб за темпами угнаться,
Не нажать, чтоб маягу,

Мы должны соревноваться
И в работе и в быту.

Нашу песню кто поймет,
Вольным тот домой пойдет,
Хорошо и начисто,
Одним словом — качество».

Каждый район лагеря, участок, а иногда и самые мелкие лагерные подразделения, имеют свою агитбригаду, которая строит свою работу на местном материале, близком и интересном для обслуживаемой агитбригадой части заключенных. Кроме того в Дмитровском лагере есть специальные нацменовские и женские агитбригады, созданные для охвата всей лагерной массы с учетом свойств и особенностей различных отдельных групп лагерников. Руководство всеми агитбригадами осуществляется культурно-воспитательным аппаратом, а инструктором их является центральная агитбригада. Члены агитбригад (за исключением центральной, которая значительную часть времени уделяет поездкам по всей трассе канала) не освобождаются от производства и работают в агитбригаде в порядке добровольной общественной нагрузки.

Одно из требований, предъявляемых агитбригадам и осуществляемых ими, заключается в необходимости немедленно откликаться на все злободневные вопросы лагеря. Агитбригады мобилизуют в веселой и живой форме лагерников на выполнение всех мероприятий, проводимых руководством лагеря. Так, например, вслед за изданием приказа, указывающего на необходимость немедленного реагирования администрации на заметки лагерных корреспондентов, печатаемые в лагерной прессе, центральная агитбригада включила в свой репертуар следующую песенку, исполнявшуюся речитативом в быстром темпе:

«Наша газета «Перековка»,
Каждый ее читай.

Бьет она лучше, чем винтовка,
Только заметки давай.

Где, что, когда и кто там

Встал у тебя на пути?

Все, что мешает нашей работе,

Смело, лагкор, освети.

Что на производстве, в бане и ларьке,

В клубе, на кухне, то и в строке.

Глаз, фотографируй; ухо, микрофонь,

По неполадкам откроем огонь.

Правдив и скор лиши, лагкор,

И как бы ни был кто высок,

Он даст ответ

В трехдневный срок.

Ударники лагкоры! Познакомьтесь,
Узнайте, — мы просим вас, —
Какой по Дмитлагу о том есть
Товарища Фирина приказ.
Четыреста тридцать четвертый
Требует от малых и больших,
Чтоб никто не смел быть мертвым,
А все — живей живых.
На каждую заметку ясный дай ответ
Без канцелящины — да или нет —
И без канители, как большевики,
То, что замечено, взять в штыки».

Как мы видим, этот номер репертуара центральной агитбригады Дмитровского лагеря не только популяризирует приказ начальника Управления Дмитровского лагеря, но и мобилизует массу лагерников на борьбу со всеми неполадками.

Весь репертуар агитбригады проникнут бодростью и верой в то, что лагерники — ударники на производстве и в быту — по окончании срока лишения свободы вернутся в трудовую семью перекованными и стойкими членами ее.

«Мы к борьбе зовем и к драке
За здоровый новый быт,
На канале и в бараке
Эта песня прозвучит»¹.

Подчеркивается, что только тот из заключенных может рассчитывать на скорое освобождение и зачет рабочих дней, кто по настоящему работает, кто полюбил труд. Этот мотив звучит и в другой песне:

«Каждый тут, канал любя, —
С планом, с тачкой выйдет:
Для страны и для себя
Счастье в нем он видит»².

Агитбригады борются за здоровый быт лагерников, борются за внедрение правил гигиены. Воспитатель Береговая, — как мы уже видели, — пожалуй, инстинктивно дошла до того, что проводится как основная мысль в одном из номеров репертуара центральной агитбригады:

«Не видел никто ведь, чтобы
Был неряха рекордист,
Хоть кого возьмем на пробу,
Коль ударник, значит — чист!».

¹ Из материалов центральной агитбригады.

² Из тех же материалов.

Агитбригады показывают, чем был заключенный, особенно тридцатипятник, т. е. профессиональный преступник в недавнем прошлом, и какие перспективы его ожидали на этом преступном пути. Они развенчивают «романтику блатного мира», являющуюся одним из серьезных тормозов процесса перековки. Работе ударников, их светлому будущему агитбригада противопоставляет судьбу закоренелого рецидивиста, который и в лагере думает о том, чтобы сбежать и вернуться к «шалманам» (воровской притон).

Агитбригада, обращаясь к лодырю, поет:

«Такие-то, браток, дела,
Ошибся ты на много:
Совсем не к счастью привела
Тебя твоя дорога.

Ну вот, шатайся по судьбе,
По тюрьмам, по шалманам...
Всех лагерей не обойдешь,
Не отсидишь всех тюрем.

Бросай, завязывай, иди,
Иди за мной, калека,
Почувствуй с радостью в груди
Себя как человека!..»¹

Гнилой романтике «дна» агитбригады противопоставляют здоровую романтику ударничества, пафос коллективного труда, героизм стройки, открывающей дорогу к трудовой жизни по выходе из лагерей. Одним из примеров такого типа выступлений может служить отрывок из инсценировки под названием: «Жили были два товарища», исполнявшейся агитбригадой Волжского района на I вселагерном слете ударников тридцатипятников (1 июня 1934 г.):

«Только тот человек — настоящий,
Только тот — на нашем пути,
Кто умеет на стройке нашей
Свое нужное место найти.

Кто работе всего себя отдал,
Кто добился чего-то, как мог,
Заработал и право на отдых
И на честного хлеба кусок.

Крепок удар Волгостроевской вахты...

Ах-х, ты!

Бахают бомбы у будущей бухты,

Ух-х, ты!

¹ Из репертуара, написанного и исполняемого волжской агитбригадой.

Краном горбатым
Вразмах, вразбег
Ходит экскаватор,
Как живой человек.
Вверх! вниз!
Вверх! вниз!
Грызет механизм
Голубой песок...
Бегут земли добытчики —
Монтеры, динамитчики,
Торопятся враскачку
Ударники за тачками.
Шмурыгают пилы, звенят топоры,
Работа шумит до вечерней поры,
И знамя, как песня, колышет над нами,
И песня горит, как ударное знамя...»

Агитбригады разоблачают преступных вожаков, которые и в лагерях пытаются клеветой, насмешкой, агитацией и ударом самодельного финского ножа, как последним аргументом, бороться против ударничества, против перековки. Приемы и способы, которыми пользуется такой вожак, также разоблачают агитбригады. Они показывают, как ведут борьбу эти преступные вожаки для того, чтобы подорвать авторитет тех, кто открыто порывает с преступным прошлым. В одной из инсценировок член агитбригады, изображающий такого бывшего вожака, не желающего идти по пути перековки, говорит:

«Это Ванька все шумит,
Говорю конкретно.
Это он, сопляк, хочет
Стать авторитетным.
Только, братцы, у меня
Разговор короткий,
Будет с завтрашнего дня
Тихий он да кроткий.
На этапе он — злодей
Глупой дурью мучился,
А теперь, видать, совсем
К лягашам¹ подсучился².
Ну, да мы дадим ответ
Краткий да артельный.
Я сведу его на-нет
Финкой самодельной»³.

¹ «Лягашами» уголовный мир называет работников органов, ведущих борьбу с преступниками.

² «Подсучиться» — по той же терминологии значит — продаться.

³ Из репертуара волжской бригады.

В то же время агитбригады показывают процесс перелома в сознании заключенного и осознания им необходимости порвать с прежним преступным прошлым. Так звучит, например, исполнявшаяся на слете ударников-тридцатипятичников 1 июня 1934 г. песня, написанная коллективом агитбригады Дмитровского района (2 уч.) Дмитровского лагеря и поставленная в форме живой инсценировки:

«Эй, прощай, моя жизнь воровская
И картежная с нею игра.
Не махну уж ножом у виска я,
Все бывшее — как дым от костра.

Никогда уж не буду я вором,
Не попутчик вора, не собрат...
Эй, студеное Белое море,
Твоей свежести очень я рад!

Здесь я бросил бывшие привычки,
Познакомился с честным трудом.

Пропадайте навеки отмычки,

Порываю с преступной средой.

Я пойду к коллективным ребятам,
В трудовую вольюсь семью.
С прошлым кончено,
Сказано — свято.

Не бранюсь, не играю, не пью.

Друг мой — книга!

Она меня манит,

С ней я вижу,

Как жизнь широка.

Раньше жизнь проходила в шалмане

В непрерывном бреду игрока.

Раньше жизнь проходила в угаре

От «скачка»¹ и до новой «буры»²,

А теперь заиграйте, гитары,

Песню новой, веселой поры!

В ней душа через край моя плещет,

Будто солнце играет в волне.

Нет на свете приятнее вещи —

Быть полезным Советской стране».

Присутствуя во время исполнения этой песни, можно было наблюдать то впечатление, которое она производила на слушателей — участников слета. Такие песни-инсценировки чрезвычайно сильно действуют на тридцатипятичников. Имеющие большое количество судимостей уголовники, с затаенным дыханием слушая песню, под конец начали бурно выражать свой восторг.

¹ «Скачок» — кража со взломом. — И. А.

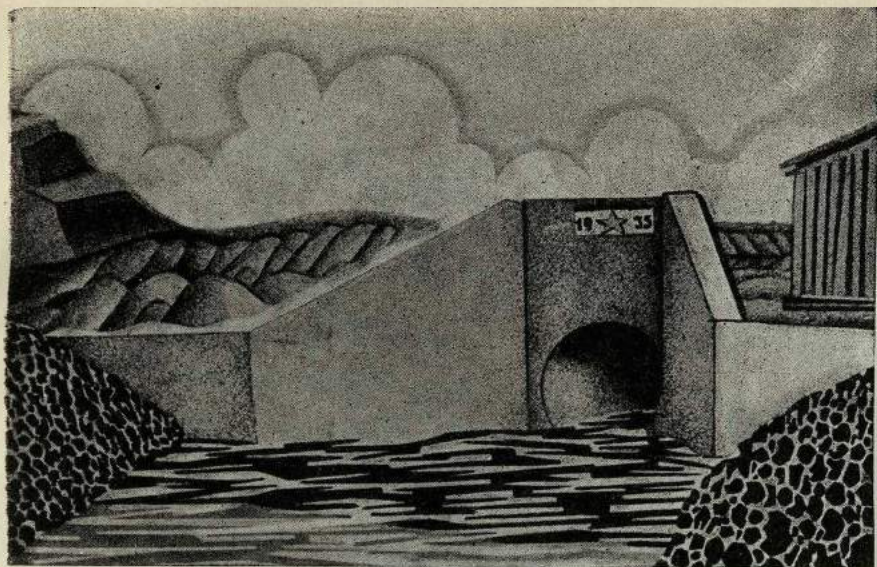
² «Бура» — картежная игра. — И. А.

ЖИВОПИСЬ И СКУЛЬПТУРА,

СОЗДАНИЕ ЛАГЕРНИКАМИ
НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ КАНАЛА
МОСКВА—ВОЛГА

В. СТАВРОУШЕНКО (слева, 170 и 351, II, X; М. Дюжарр (рисунки тушью).

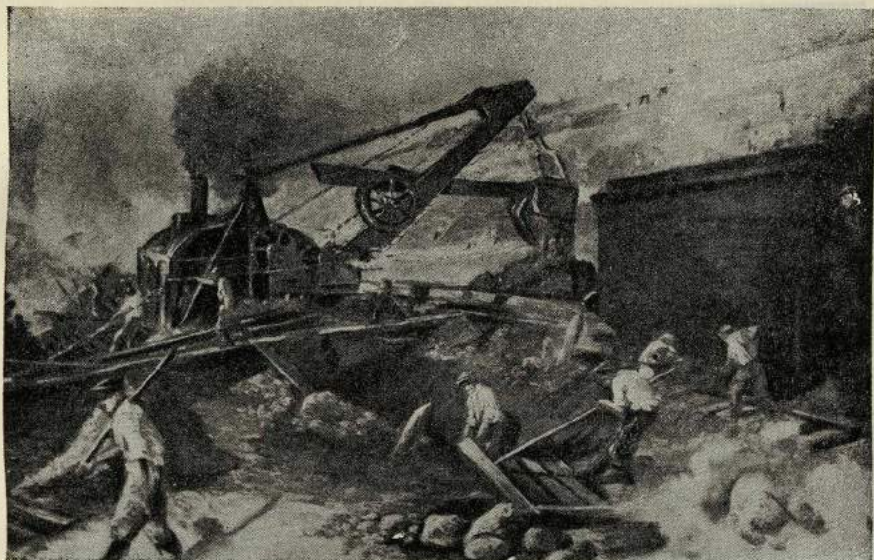
С. ДУДНИК — быстрая транзитная, безморостовая, комсомольская Рабфака
на левом и правом берегу (этюд маслом).

В. ГРОБОВЕНКО (ст.ст. 170 и 35), Ц. Х. М. «Дюкер» (рисунок тушью).

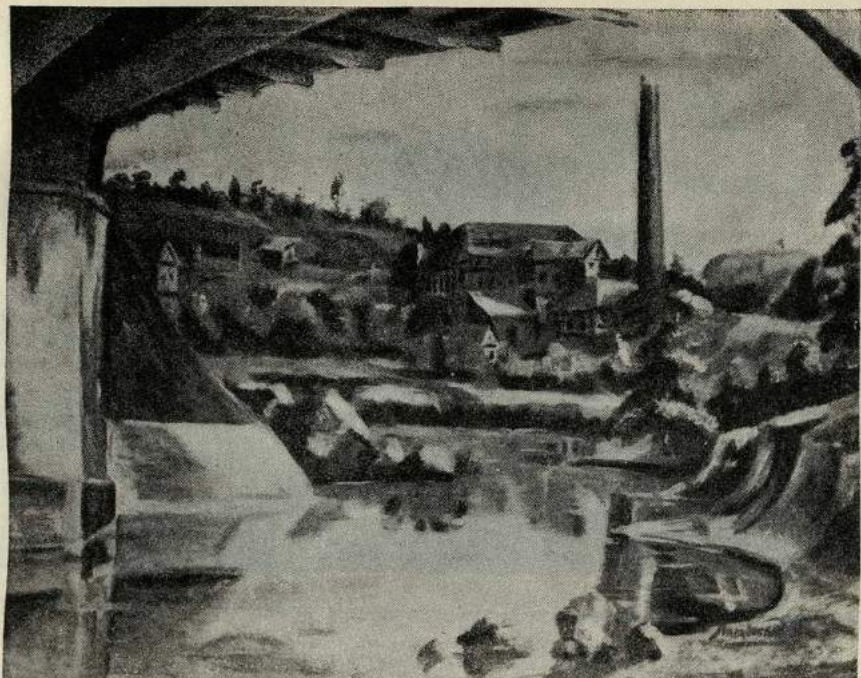
С. ДУДНИК — бывший тридцатипятник, белморстроевец, комсомолец. «Работа на плотине в Восточном районе» (этюд маслом).

А. МАРЫШЕВ (ст. 58¹⁰), Ц. Х. М. «Экскаватор Ковровец» (масло).

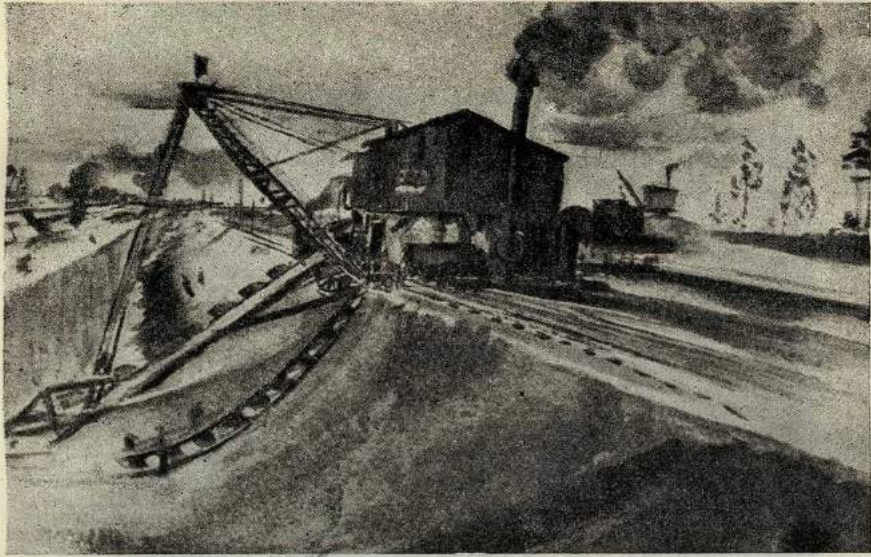
М. КОЛЕНЦЕВ (ст. 58¹⁰), Ц. Х. М. «Зима на канале» (акварель).

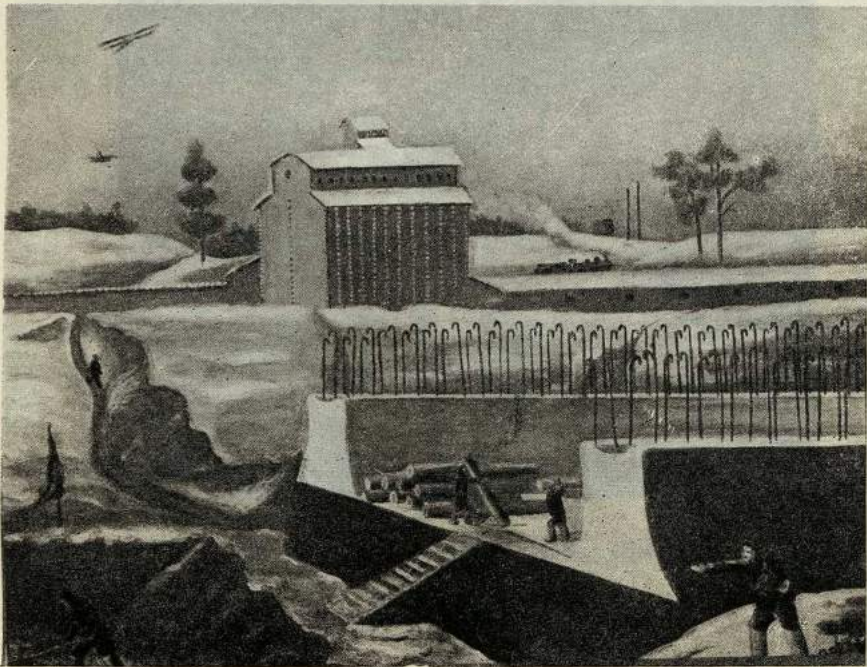
ПАВЛОВСКИЙ (ст. 35), Икшанский район. «Старая Икша» (этюд маслом).

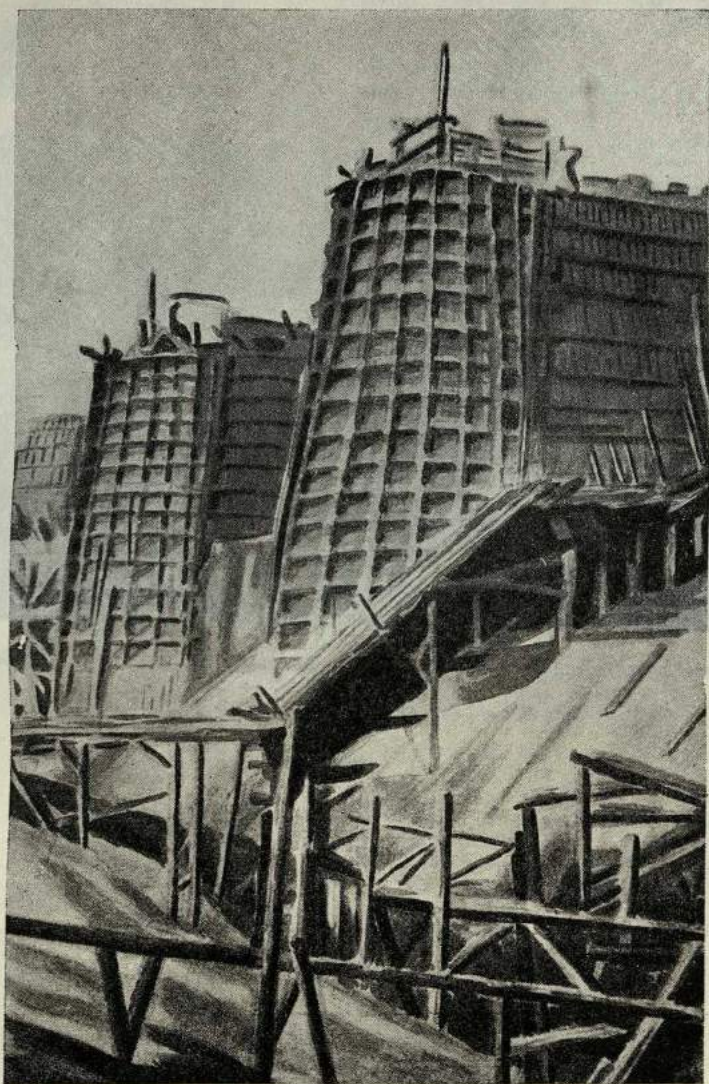
В. ЖАРКОВ (ст. 35), Ц. Х. М. «На карьере» (масло).

В. ЕЛКИН (ст. 58¹⁰), район Соревнования. «Экскаватор Любек» (акварель).

М. АРБУЗОВ (ст. 135), Южный район. «Зима на 7-м шлюзе» (этуд маслом).

Н. ЛЕНИВОВ (ст. 58¹⁰), Волжский район. «Быки Волжской плотины» (акварель).

ПАВЛОВСКИЙ (ст. 35), Икшанский район. «Старая Икша» (этюд маслом).

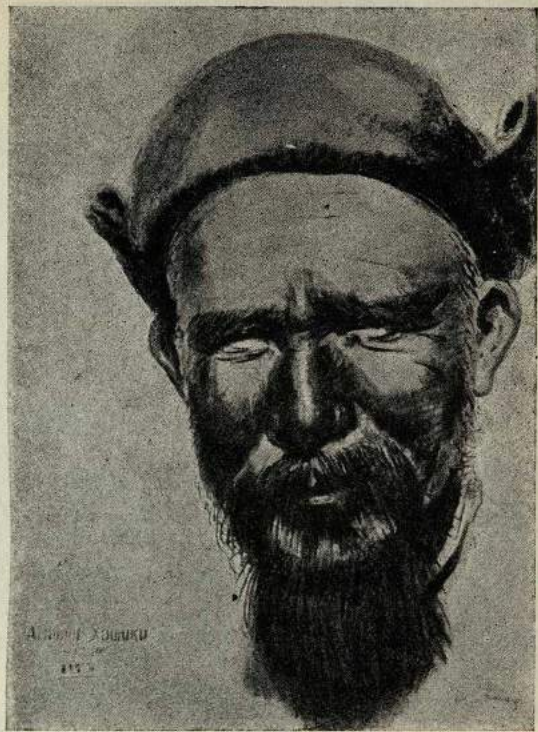
В. ПАВЛОВСКИЙ (ст. 35), район Союзархива. «Старая Икша» (этюд маслом)

В. ЕЛКИН (ст. 58го), район Соревнования. «Лесобугорская выемка»
(акварель).

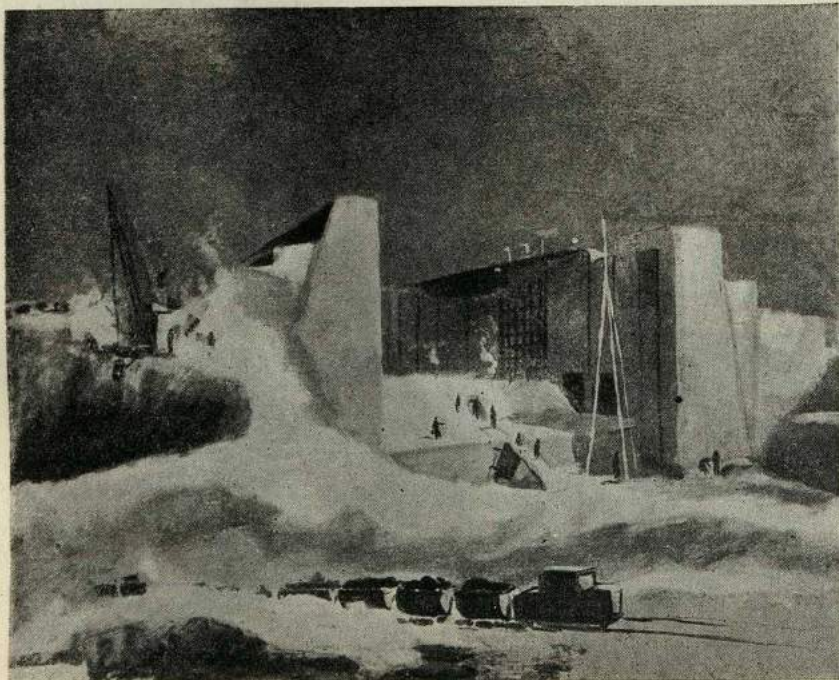
Д. СТЕПАНОВ (ст. 35), Южный район. «Героика» (масло).

А. ШЕНДЕРОВ (ст. 58¹⁰), Хлебниковский район. «Портрет ударника» (сангина).

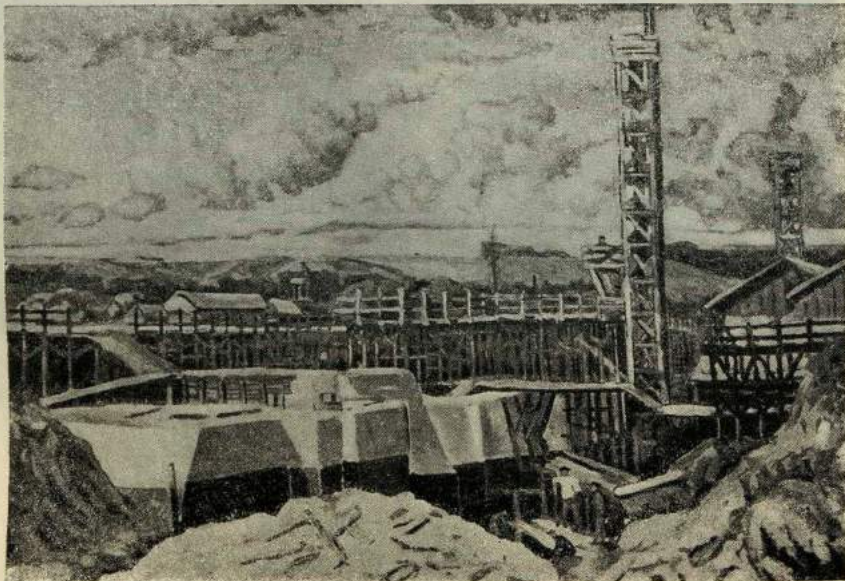
К. СОБОЛЕВСКИЙ (ст. 58^{10, 11}), Ц. Х. М. «Зима на 3-м шлюзе» (этуд маслом).

И. КИРИЛЛОВ (ст. 74), Оревский район. «Портрет ударника Ларичева» (масло).

С. ЩЕЛОКОВ (ст. 58¹⁰), Ц. Х. М. «Верхняя голова шлюза № 3» (этюд маслом).

П. ЕГОРОВ (ст. 35), Центральный район. «Натюрморт» (акварель).

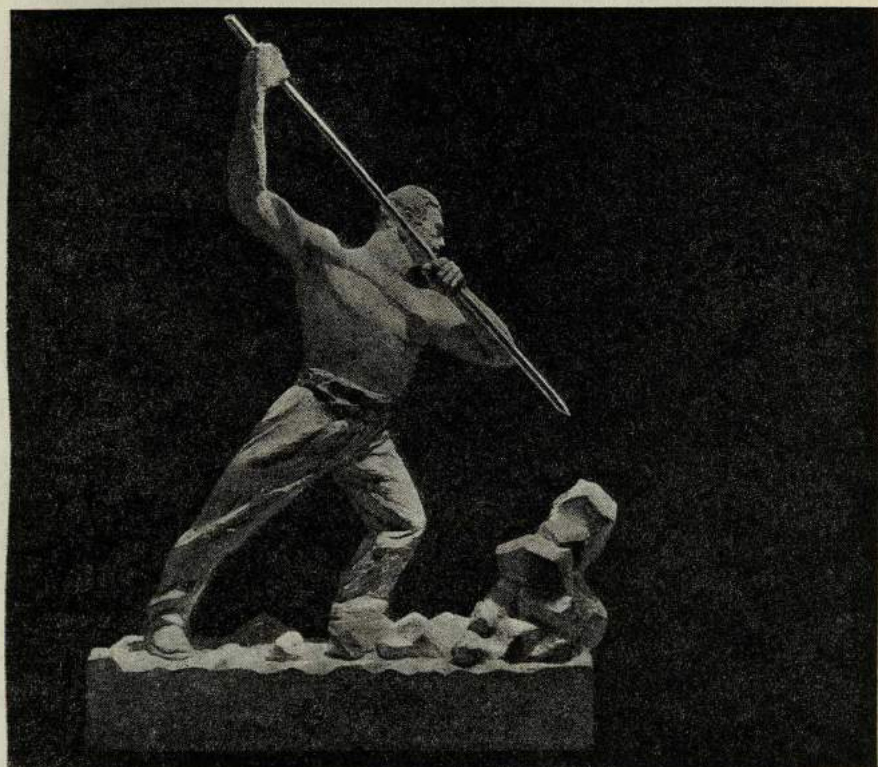
ЛЕВ БАБАДЖАН (закон от 7/VIII), Водопроводный район. «Трубопровод» (масло).

В. ЖАРКОВ (ст. 35), Ц. Х. М. «Зима в городке ИТР» (этюд маслом).

В. ГРОБОВЕНКО (ст. 35), Ц. Х. М. «Экскаватор» (рисунок тушью).

А. ЛЕДЕНЦОВ (ст. 58^{до}), район Соревнования. «Пробивает бурку» (гипс).

МАМЕД-АЛИ (ст. 35), Ц. Х. М. «Поп» (скульптура из хлеба).

Группа центральной агитбригады
Дмитровского района

Агитбригада Истринского района

Женская агитбригада Северного района за исполнением танца

Агитбригада 3-го участка Центрального района

ВНИМАНИЕ! КТО НЕ ПОЯВИТСЯ НА РАБОТУ В ДЕНЬ ТОЙ

22

Умело подобранный материал агитбригад, развенчивая прошлое и бодро рисуя будущее, создает среди лагерников хорошее настроение.

Агитбригады в своих выступлениях подчеркивают значение хороших материально-бытовых условий лагерников, обязывающих заключенных работать героически, как говорится в одном из руководящих приказов НКВД.

«Всюду бой запылал
И Мосволгоканал
Побеждает снега и морозы!
Как зампред приказал —
Красен печек накал —
Бани жаром сильней паровозов.
Белморстрой перекрыть,
Чтобы лучше жить,
Мы должны ведь в конце концов!
Лучше есть и пить,
Лучше землю рыть
И Дмитлаг сделать сверхобразцовым.
Слушай, Волга-река,
Если рядом с з/к¹
Днем и ночью на стройке чекисты, —
Это значит — рука
У рабочих крепка,
Значит, в ОГПУ — коммунисты».

Можно привести ряд случаев, когда в результате выступления агитбригады повышалась производительность труда и резко сокращались отказы от выхода на работу.

В марте 1934 г. центральная агитбригада приехала в штрафной изолятор² для того, чтобы провести работу среди злостных отказчиков. Прежде всего агитбригада провела работу своеобразной легкой кавалерии. Проверила деятельность и состояние всех учреждений, обслуживающих заключенных, т. е. кухни, ларька и пр. Ознакомившись со всей постановкой дела, подметив все недочеты так же, как и хорошую сторону работы на участке, агитбригада провела беседы со штрафниками. Члены агитационной бригады быстро нашли общий язык с ними, так как сами они являются заключенными и хорошо понимают психологию последних. Тут же был составлен репертуар выступления, в котором отразилось все подмеченное на участке. После выступления агит-

¹ Заключенный. — И. А.

² Штрафной изолятор представляет собой помещение, в котором содержатся заключенные за совершение преступлений в лагере или злостные отказчики от работ, сопровождавшие этот отказ нарушением лагерной дисциплины.

бригады многие из штрафников и отказчиков изъявили желание вступить в коллектив, председатель которого Лазарев тоже принимал участие в выводе отказчиков из штрафного изолятора.

Этот факт не является исключением. В январе 1934 г. центральная агитбригада посетила штрафников 3 пункта Дмитровского лагеря. Специально для штрафников было дано выступление агитбригады. По окончании выступления агитбригады многие из отказчиков дали обязательство начать хорошо работать. «И действительно: на другой же день 156 бывших отказчиков и лодырей вышли на трассу и добросовестно работали»¹. Следовательно, агитбригады представляют собою одну из наиболее удачных форм культурно-воспитательного воздействия, возникших в лагерях. Они оказывают сильное влияние даже на самую трудно поддающуюся воздействию часть лагерников.

Конечно, не следует отсюда делать вывод, что достаточно прихода и выступления агитбригады, чтобы полностью ликвидировать отказы от работы и другие отрицательные явления в лагере. Само собой разумеется, что положительный результат работы бригады даже в приведенных случаях не охватил всей массы штрафников. Кроме того часть из тех, кто под влиянием агитбригады выразил желание начать работать хорошо, отсеется, и с ними нужна будет еще длительная работа так же, как и с теми, кто, начав работать, не обеспечен от рецидива нездоровых настроений. Тем не менее агитбригады своей работой значительно помогают культурно-воспитательному аппарату лагеря. В деле повышения производительности труда и подъема трудового настроения всех заключенных агитбригады также играют не малую роль. Выступавший на одном из совещаний представитель 8 отделения Дмитровского лагеря Петровский говорил: «После выступления агитбригады кубометры увеличились. Лагерники просят агитбригаду чаще посещать их»². Агитбригады нередко выступают и во время перерыва для отдыха на самом производстве для того, чтобы культурно организовать этот отдых, с одной стороны, и для того, чтобы поднять настроение заключенных, с другой. 25 апреля 1934 г. отряд грабарей Новосельцевского участка Хлебниковского района посетила женская агитбригада, работающая в полном своем составе тоже на земляных работах. Во время отдыха бригада выступила и затем вместе с заключенными организовала пение и пляску. Лагерный корреспондент описывает впечатление от этого посещения в следующих выражениях: «Художественной зарядкой ударники очень довольны и с еще большим подъемом принялись за работу. Приходите к нам почаще, а мы будем лучше работать, — вот какими словами провожали каналоармейцы агитбригадчиков»³.

¹ Газета «Перековка» от 5 января 1934 г.

² Газета «Перековка» от 15 октября 1933 г.

³ Газета «Перековка» от 1 мая 1934 г.

Одним из обязательных условий для того, чтобы оказывать влияние на массу лагерников, является ударная и примерная работа на производстве членов агитбригады. Те из них, которые не выполняют этого требования или же сами нарушают в какой-либо форме лагерную дисциплину, немедленно исключаются из агитбригад. Это делается для того, чтобы лагерники не могли обвинить агитбригаду в том, что члены агитбригады, бичуя все недостатки и вскрывая конкретных виновников, воздействуя на всех нарушителей и дезорганизаторов производства и быта, сами не освободились от всего этого. Только в том случае, если каждый член бригады безупречен, агитбригада сможет оказать положительное влияние на остальную массу заключенных. Поэтому бригады внимательно следят за своим составом, и в этой области большая работа ложится на культурно-воспитательный аппарат, который должен уделять этому участку своей работы большое внимание и заботу. О всех случаях нарушения членом агитбригады обязанностей ударника ставится через печать в известность лагерная общественность, для того чтобы показать, что за подобные действия члены агитбригады подвергаются исключению из ее состава. Так, например, в газете «Перековка» от 6 марта 1934 г. была помещена заметка, в которой указывалось, что некоторые члены агитбригады на 10 участке Орудьевского района оказались недостойными носить звание членов бригады. В связи с этим недостойные члены агитбригады были исключены из нее, и им было сделано строгое предупреждение.

К членам агитбригады предъявляются повышенные требования. И на производстве и в быту они должны быть образцом. Агитбригады на производстве показывают образцы ударной работы и сознательного отношения к порученной им работе. Своим примером агитбригадчики заражают остальных лагерников и помогают им ликвидировать свои отставания. Так, агитбригада 1 лагпункта 13 отделения, организованная в отдельную ударную бригаду на производстве, принимала активное участие «...в штурме прорыва, работая на лесоповале. Несмотря на смешанный состав (мужчины и женщины), бригада дружной работой достигла высоких норм, в среднем 125 процентов»¹. Таким образом агитбригады, кроме активного участия в культурно-воспитательной работе, включаются в борьбу за повышение производительности труда. Они берут отстающие бригады на буксир, выправляют их, помогая им в работе, т. е. агитируют не только словом и песней, но и работой.

Слово и дело здесь не расходятся. Об этом они сами говорят заключенным в своих песнях:

«Ребята, скажите где, в какой бригаде
Плетутся сзади?

¹ Газета «Перековка» 13 отделения от 9 января 1934 г.

Мы пойдем и поможем
Не только словом, но и делом,
Не только душой, но и телом,
Не только песнями народными русскими,
Но и мускулами.
Не только хороводом,
Но и собственным потом,
Не только искусством, культурой,
Но и кубатурой.
Обещаем в драке за знамя
Быть с вами».

Эти обещания агитбригады уже неоднократно реализовали и, приезжая на участки лагеря и строительства, центральная агитбригада, например, нередко начинает свою работу с того, что идет на трассу канала и показывает подлинно ударную работу. Своим энтузиазмом она заражает массу лагерников, которым в тот же день изображает в своем выступлении все, что подметит из положительных и отрицательных явлений жизни участка и особенно его производственной работы.

Не только центральная, но и районные бригады совершают объезды своих районов для того, чтобы на отдельных участках помочь наладить выпуск стенных газет, помочь организовать культурно-воспитательную работу. На основе обследования всего состояния данного участка агитбригада выпускает специальные номера газет, посвященные борьбе с теми недостатками, которые были ею выявлены. При этом приехавшая агитбригада выявляет имеющиеся на этом участке силы для организации художественной самодеятельности, создавая тем самым местные агитбригады.

Следовательно, агитбригады в лагере представляют собой большое культурно-воспитательное начинание. Необходимо еще много поработать над внимательным подбором состава агитбригад и должным руководством их репертуаром и всей работой. Зачастую хорошие бригады, но не имеющие достаточных творческих сил для оформления материала в виде песен или инсценировок, влачат довольно жалкое существование. Этим бригадам должна оказывать всемерную помощь центральная агитбригада, которая имеет лучшие силы и большую подготовку.

Форма показа и агитации играет большую роль в проведении воздействия на лагерников. Агитбригада, подающая свой интересный материал в сухой и незанимательной форме, естественно не будет иметь успеха и не достигнет разрешения задач не только в смысле воздействия на лагерную массу, но и в смысле организации здорового и бодрого отдыха, являющегося большой зарядкой для ударной работы.

Верой в силы коллектива, способного дать надлежащий отпор тем, кто пытается повернуть лагерников на старый преступ-

Ударник (гармонист-нацмен)

Группа агитбригады нацменов

Обложка журнала «Штурм трассы», выпущенного ко 2-й годовщине газеты «Перековка»

Редколлегия нацменовской газеты (Истринский район)

13

ный путь, верой в светлое будущее бодро звучат все выступления агитбригад:

«Кто бы ни был — не позволим
К старой подлости тянуть,
Мы от Волги тут на волю
До Москвы пророем путь», —

поется в одной из песен центральной агитбригады.

Под влиянием и руководством центральной бригады происходят большие сдвиги в работе районных агитбригад.

Их репертуар становится политически более заостренным наряду с явным улучшением формы. Приведенные выше отрывки из репертуара агитбригад Волжского и Дмитровского районов показывают уже, какие достигнуты успехи. К сожалению, нельзя передать в книге те успехи, которые достигнуты в смысле техники коллективного исполнения, а также музыкального оформления репертуара агитбригад. Эти успехи наиболее живой, эмоциональной формы агитации играют очень существенную роль для борьбы за выполнение плана строительства и перековки человека. Они помогают повлиять зачастую как раз на те слои лагерников, которые не поддаются на действие бесед, которые скучают во время читки газет и не доросли еще до форм агитации, обращающихся к размышлению непосредственно. Но и для других групп лагерников агитбригады, агитирующие в веселой, развлекательной форме, умеющие окружить приказы о выполнении плана своеобразной романтикой (а последняя для психологии тридцатипятичника имеет очень большое значение), являются нужным и хорошим методом воздействия.

8. ПЕЧАТЬ

Печати в Дмитровском лагере, как и во всех других лагерях НКВД, придается очень большое значение. Она организует инициативу заключенных, вскрывает все неполадки, которых еще немало в лагере, привлекает всю массу заключенных к активному участию в разрешении всех вопросов и задач, стоящих перед лагерем как по линии культурно-воспитательной, так и по линии производственной. Печать является одним из мощных орудий в деле перевоспитания заключенного, в деле перековки его в сознательного и активного строителя коммунизма. Вся печать, от стенной газеты до общелагерной газеты «Перековка», проникнута живой и конкретной самокритикой. Печать поощряет лучших и учит на этих примерах всю массу заключенных. В то же

время печать бичует дезорганизаторов лагеря и воздействует на отстающих. Лагерная печать представляет собой действенный культурно-воспитательный орган и отражает в себе всю жизнь лагеря от самых крупных до самых небольших и внешне незначительных явлений лагерной действительности.

Для того чтобы газета была оперативной, действительно доходила до каждого заключенного, важно не только то, что сказано и о чем сказано, но и то, как и кем это сказано. Во многих наших местах лишения свободы газета монополизирована в руках наиболее культурной и грамотной части заключенных. В связи с этим язык газеты непонятен для значительной части заключенных, а авторы статей не авторитетны и неизвестны большинству заключенных. Это большинство, по сути дела, отстраняется от участия в газете, и тем самым она принимает все более и более замкнутый характер. Естественно, что газета, не ведя за собой основную массу заключенных, не может стать их культурным руководителем и воспитателем. Превращаясь в орган, обслуживающий лишь незначительную часть заключенных, газета не может выполнить основную задачу, возложенную на печать в месте лишения свободы: поднятие культурного уровня всех заключенных, руководство всеми заключенными в соответствии с советской исправительно-трудовой политикой.

Дмитровский лагерь обладает большим количеством газет, рассчитанных на различные круги заключенных и приноровленных к последним. Для обслуживания женской части лагерников издается специальная общелагерная газета под названием «Каналоармейка», где женщины-лагерницы могут найти ответ на интересующие их вопросы. Эта газета имеет очень большой актив женщин-корреспонденток из среды заключенных и организует вокруг себя основную женскую массу лагеря. Чтобы не оставить без печатного слова малограмотную часть лагерников, издается газета «Долой неграмотность». Эта газета, в понятных своему контингенту читателей выражениях, разъясняет сущность исправительно-трудовой политики советской власти, значение того сооружения, на котором ведутся работы, а также реализует все указанные выше задачи, стоящие перед лагерной печатью. Кроме того издаются особые газеты для национальных меньшинств на четырех языках.

Чтобы полностью обслужить лагерников и отразить особые интересы каждого отдельного участка, издаются районные и участковые газеты и стенные газеты, имеющиеся почти в каждом бараке, в каждом красном уголке.

И в области печати проявляется один из основных принципов советской исправительно-трудовой политики. Отсутствие китайской стены между лагерем и всей страной находит свое выражение и в самих лагерных газетах, и в широком распространении среди заключенных свежей центральной прессы. Когда-то в цар-

на тачку

Заставка из газеты «Перековка».

«Лицо отказчика»

(Карикатура из журнала «На штурм трассы», 1934 г., № 2).

ской России существовало в тюрьмах правило, согласно которому заключенные могли получать для чтения лишь те газеты, со дня издания которых прошло не менее года¹. В этом проявлялся принцип царской тюремной политики, заключающийся в превращении тюрем в мертвые дома.

Не следует думать, что сейчас в тюрьмах капиталистических стран иное положение с печатью, чем это имело место в тюрьмах царской России. Даже в самых «демократических» буржуазных странах, если вводятся тюремные газеты, то материал, помещаемый в этих газетах, не ориентирует заключенных в том, что происходит в стране. Сообщения в этих газетах ограничиваются малозначительными новостями. Принцип создания из тюрьмы мертвого дома остается в неприкосновенности. Подтверждением этого может служить заметка в белогвардейской газете «Последние новости» об организованной «в виде опыта»² газете в пентонвильской тюрьме. «Называется она «Еженедельный листок новостей». Главное ее отличие от других газет то, что в тюремной газете нет уголовной хроники и никаких описаний преступлений»³. Белогвардейская газета видит лишь в этом основное отличие тюремной газеты от всех остальных. В чем действительное отличие тюремной газеты от других газет, можно увидеть из перечня того, что печатается в газете пентонвильской тюрьмы. «На первой странице помещаются сообщения о восхождении на Эверест, испытании нового пропеллера и т. д. На второй идет, например, рассказ об епископе, который высчитал, во что обходится Англии уход за красотой женщин. Третья страница почти исключительно посвящена спортивным состязаниям»⁴. Наконец, на четвертой странице даются последние и «наиболее важные новости» или, как говорится в заметке, «...злободневные заметки, вроде того, что в Кройдоне появились аэротакси, которые берут по три пенса за милю»⁵. Таким образом и там, где буржуазия рискует пойти на издание тюремной газеты, в ней сообщаются лишь вещи, не дающие заключенным представления о том, что волнует и чем живет вся страна. Подальше от реальной действительности — лейтмотив тюремных газет, издаваемых «в виде опыта». Но, как правило, в тюрьмах капиталистических стран вообще никаких газет не издается.

В наших местах заключения, в лагерях, проводится диаметрально противоположный принцип, существуют диаметрально противоположные инструкции и указания. Администрация и, в первую очередь, культурно-воспитательный аппарат отвечают за своевременное получение заключенными центральной прессы. За

¹ «Тюремная инструкция» 1913 г., ст. 259.

² Газета «Последние новости» от 14 августа 1934 г.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

первый и второй кварталы 1934 г. в Дмитровском исправительно-трудовом лагере выписывались центральные газеты из расчета: один экземпляр на 25 чел. заключенных. В третьем квартале каждые 20 лагерников получали центральную газету. Таким образом печатным словом, направленным из центра, в состоянии пользоваться каждый лагерник.

Еще шире обслуживание лагерников своей, лагерной печатью. Количество издаваемых в Дмитровском исправительно-трудовом лагере газет очень велико. Кроме общелагерных, каждый район имеет свою газету-бюллетень. Каждый красный уголок имеет свою стенную газету.

Вот данные о печатных изданиях Дмитровского лагеря за май 1934 г.:

Название газеты	Периодичность
„Перековка“	Раз в три дня
„Долой неграмотность“	Раз в месяц
„Каналоармейка“	Раз в декаду
Нацменовская газета на татарском, тюркском, узбекском и казахском языках	5 раз в месяц

Газеты-бюллетени

Северного р-на	Раз в декаду
Центрального р-на	Раз в пять дней
Хлебниковского р-на	8 раз в месяц
Восточного р-на	Раз в пять дней
Южного р-на	Раз в пять дней
Орудьевского р-на	Раз в декаду

Для того чтобы придать больший авторитет газете и превратить лагерную прессу в действенное оружие, руководство Дмитровского лагеря издало специальный приказ, который со всей твердостью ставил требование немедленного ответа со стороны лагерной администрации и культурно-воспитательного аппарата на все заметки лагерных корреспондентов, вскрывающих те или иные недочеты или безобразия в лагерной жизни. Этот приказ за № 434 беспощадно бичует невнимательное отношение к печати. «Огромное большинство заметок, вскрывающих всякого рода отрицательные явления, остается без ответа, что создает впечатление, нередко отвечающее действительности, полного невнимания администрации к голосу лагерной общественности и нежелания устранить ненормальности, вскрываемые лагкорами»¹. Считая такое положение недопустимым, приказ требует неуклонного исполнения следующего:

¹ Приказ по Управлению Дмитровского лагеря № 434 от 27 ноября 1933 г.

Брендлер — лагкорка Хлебников-
ского района

Узбекова — лагкорка Восточного
Хлебниковского района

«1) Начальникам отделов управления лагеря и начальникам отделений лагпунктов лично следить за помещенными в «Перековке» материалами и по каждой заметке, вскрывающей те или иные недочеты, в трехдневный срок сообщать мне о принятых по существу заметки мерах... 3) Начальникам (культурно-воспитательных частей) отделений организовать на каждом лагпункте лагкоровские «посты действия» из лучших ударников каналармейцев, которым поручить проверку действительности заметок, публикуемых как в общелагерной «Перековке», так и в отделенческих бюллетенях и стенгазетах. Настоящий приказ довести до сведения всех лагерников»¹.

Этим приказом лагерная печать сразу приобрела большое значение и оградилась от возможных случаев невнимания к помещаемому в газете материалу лагерных корреспондентов. Этот приказ обеспечивает центральный пункт газетной работы — работу с лагкорами.

Газеты «Перековка» — общелагерная и районные ведут систематическую работу с лагерными корреспондентами, указывая им на то, как надо писать, и обучая лагкоров конкретной деловой самокритике. Так, например, лагерный корреспондент под псевдонимом «Канал» прислал заметку с описанием слета ударников печати, проходившего в одном из отделений лагеря. В этой заметке лагкор описывает все происходившее в чрезмерно восторженных выражениях, не дающих ничего по существу. В ответ на эту корреспонденцию, в которой имелись такие выражения — «в поучительных прениях выступал инспектор культурно-воспитательной части т. Савицкий, торжественно призывая и разъясняя, как нужно руководить» — газета «Перековка» поместила статью, в которой подчеркивала недостатки таких корреспонденций. В этой статье указывается: «Так в газету писать не надо. Корреспонденция лагкора «Канал» не мобилизует лагерников на ударную работу и не передает опыта. Наоборот, хочет «Канал» или нет, но он взял фальшивую ноту, и даже больше. В данном случае надо было написать заметку, привести в ней факты и примеры из работы стенгазет, описать интересные выступления лагкоров и внешние ими предложения. Это было бы куда полезней и ценней»².

Таких статей, в которых лагкорам разъясняются их задачи и необходимость делового и конкретного описания и деловых предложений, можно привести немало, так как газета «Перековка» ведет эту работу из номера в номер. Взять хотя бы статьи, посвященные возникновению женской газеты «Каналоармейка». В них также говорится: «Писать надо не только о достижениях, но и о недостатках. При этом надо помнить следующее правило: если пишешь о достижениях, то пиши подробнее, чтобы заметка

¹ Приказ по Управлению Дмитровского лагеря № 434 от 27 ноября 1933 г.

² Газета «Перековка» от 16 сентября 1933 г.

могла научить других, как надо работать; а если пишешь о недостатках, то непременно приведи примеры и укажи фамилии и должность виновников»¹.

С таких же примерно указаний начала свою деятельность «Каналоармейка». В одном из первых номеров этой газеты лагерным корреспондентом рекомендовалось: «Женщины-активистки не должны проходить мимо случаев нарушения женщинами лагерной дисциплины. Они должны им оказывать решительное противодействие путем разъяснения и освещения всех таких фактов в печати. «Каналоармейка» будет способствовать обмену производственным и бытовым опытом между отдельными коллективами»².

Для того чтобы лагерные видели, что на их заметки обращается большое внимание и они получают должное направление, в газетах постоянно сообщается о принятых по той или иной заметке мерах. Этим повышается авторитет органов печати, стимулируется активность лагерников, и заключенный начинает все больше и больше втягиваться в борьбу со всеми неполадками и дефектами, препятствующими созданию хорошей производственной и бытовой обстановки в лагере. Этим достигается также осознание отдельными заключенными того, что устранение этих недочетов является не только задачей лагерной администрации, но и каждого лагерника.

Лагерник начинает ощущать, что устранение недочетов зависит от него, в то время как наличие их говорит о бездеятельности самой лагерной массы. Включение лагерника в активную работу в интересах всего коллектива заключенных и в интересах производства представляет собою завершение первоначального этапа процесса перековки. Оно показывает, что лагерник является уже сознательным участником лагерной жизни, а не просто пассивным и лишь подчиняющимся членом лагерного коллектива.

Лагерный корреспондент начинает понимать свое значение, читая в «Перековке» такого рода сообщения: «По заметке лагкора Приезжего повар Моисеенко (1 уч. Центрального района) за грубое обращение с ударниками и халатное отношение к своим обязанностям снят с работы»³. Или сообщение под названием «Перековка помогла» (этот раздел печатается почти в каждом номере газеты) о том, что расследованием подтвердились те или иные факты, изложенные лагерными корреспондентами, с указанием принятых мер вроде: «Лагкор К-ов сообщил в редакцию о том, что зав. аптекобазой 3 отделения Вазин систематически пьянствует. Расследование подтвердило правильность заметки лагкора. Зав. аптекобазой Вазин с работы снят»⁴.

¹ Газета «Перековка» от 13 апреля 1934 г.

² Газета «Каналоармейка» от 22 апреля 1934 г.

³ Газета «Перековка» от 1 апреля 1934 г.

⁴ Газета «Перековка» от 23 ноября 1933 г., см. также ту же газету от 22 октября 1933 г., 14 сентября 1933 г. и др.

Труд в сред делю части, дело слава, делю доблести и героичства.

УДАРНИЦА № 4.

Орган КВЧ 3-го строй участка ИКШАНСКОГО Р-НА
5-го АВГУСТА 1935 ГОДА
ИЗДАНИЕ 1-е

Производство *возражает с политическим*

ЖИЗНЬ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ
ЛЕВ
БУДУЩЕ

ВЫШЛИ.

Табачникова.

Ворожובה.

Курбанова.

Козакова.

ПОДЪЕМ
ПРОИЗВОДСТВА

ПОВЕРИМ
РАБОТУ.

ЖЕНЩИНЫ НАША

ЗАДАЧА ВЫПОЛНИТЬ СВОИ НОРМЫ
В АВГУСТЕ ЛУЧШЕ ЧЕМ В ЮЛЕ.

КРИВИЦКАЯ
ПЛОХО РАБОТАЕТ!

КЛУБ "ЛУЧ"
80 90 100
РАБОТА

КЛУБ "ЧАПЛЕВ"
РАБОТА

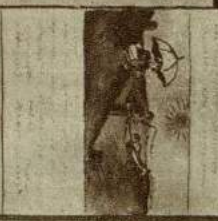
НАЧАЛО в 8 ч. 30 м.

7 февраля
 ОДНН КВЧ и ШТБРА У
 4 м. в.
 МЭЭ

ИЗ БОЛЬШОГО ЗАКАЗА
 ПОСЛАНЫ В ПЕЧАТНИЦУ
 «УРОДУК»

МЫ КОММУНАЛИСТЫ
 НЕ ПЛАТИМ ЗА ПЕЧАТНИЦУ
 И ЗА ПЕЧАТНИЦУ
 НЕ ПЛАТИМ ЗА ПЕЧАТНИЦУ

ВЕСЕЛЫЙ ШАРП
 ОС
 УРАССКАЯ РЕПУБЛИКА

УРОДУК
 ПОДПИСИ

УРОДУК ПОДПИСИ
 ПОСЛАНЫ В ПЕЧАТНИЦУ
 И ЗА ПЕЧАТНИЦУ
 НЕ ПЛАТИМ ЗА ПЕЧАТНИЦУ

Понятно, что такие сообщения увеличивают и укрепляют состав лагерных корреспондентов и поднимают их интерес к этой работе. Печать оказывает систематическое воздействие на лодырей и нарушителей лагерной дисциплины, на тех, кто не желает принимать участие в общественной работе, на тех из лагерников, которые еще не встали на путь своей переделки. В самых различных литературных формах — в стихах, в дружеских письмах на имя отстающего, в очерках, рассказах и пр. — лагерники сами воздействуют на таких лагерников, указывая им при этом на лучшие примеры. Нередко очень остроумно высмеиваются различные отрицательные явления. Воздействие через печать самой лагерной общественности не может, конечно, не влиять на отстающую часть заключенных.

Большую роль также играет передача положительных результатов, достигнутых тем или иным отдельным лагерником или коллективом, и обмен хорошим опытом работы, на котором учатся остальные заключенные и руководители трудовых объединений. Так, например, председатель трудовой артели «Волгострой» 7 отделения лагеря, Ярченко, в статье «Письмо Шахову» — председателю трудовой артели делится опытом своей работы и указывает Шахову на ряд недостатков в его работе и средства к их преодолению. В этой статье Ярченко пишет: «Секрет победы каждой трудовой организации кроется в умелом руководстве бригадами, подборе бригадиров, знании производства, своевременном выявлении недостатков, правильной расстановке рабочей силы и развертывании самостоятельности и инициативы каналоармейцев»¹.

Вслед за этим Ярченко делится опытом, как он осуществляет все это у себя в артели и обращает внимание Шахова, у которого работа в артели не стоит на должной высоте, на необходимость перенесения его опыта на свою артель. Кончает свое письмо Ярченко следующими словами, обращенными к Шахову: «Тебе, как и многим, учиться не поздно. Не ссылайся, что нет времени. Это просто отговорка... Если ты учтешь силу и значимость культурной массовой и разъяснительной работы, то тебе, Шахов, работать станет куда легче»².

Немалое значение для борьбы за хорошую работу имеет оповещение через лагерную печать о применении льгот и всех форм поощрения в отношении отдельных лагерников и целых коллективов и районов. Такого рода сообщения в печати в очень большой степени стимулируют ударный труд и примерное поведение в быту заключенных. Точно так же в печати отмечается, кто из лагерников принимает участие в общественной работе в лагере. Разъясняется значение этой работы для переделки заключенного

¹ Газета «Перековка» от 15 октября 1933 г.

² Там же.

в сознательного члена трудовой семьи. Нет буквально ни одного номера газеты, в котором не указывалось бы на подлинные образцы ударничества на производстве, в быту и в культурно-воспитательной работе. Так, например, в «Перековке» Северного района от 10 февраля 1934 г. были сообщения о примерной работе бригад Наромского и Алексева. Помещаются снимки лучших ударников, как, например, снимок ударной нацменовской бригады, помещенный в «Перековке» Южного района Дмитровского лагеря 28 февраля 1934 г. Опубликование снимков лучших ударников представляет собой очень высоко оцениваемую лагерниками форму поощрения. Многие заключенные любят вырезать фотографии, на которых они изображены, и посылать своим родным, как доказательство своей хорошей работы и хорошего поведения в лагере, дающее основание рассчитывать на скорое освобождение.

Особенно велика роль печати в развертывании самокритики в лагере.

Возможность какой-либо критики со стороны заключенных в условиях буржуазного государства, в условиях буржуазной «исправительной» системы совершенно исключена. Самая постановка такого вопроса покажется бессмыслицей любому, самому гуманному, буржуазному пенитенциаристу. Заключенные в буржуазной тюрьме никогда не пойдут на то, чтобы критиковать друг друга. Их прежде всего объединяет ненависть и недоверие к тюремному начальству. Тем более невозможна, но уже по другой причине, какая бы то ни была критика администрации со стороны заключенных. Малейшая жалоба высшей администрации на злоупотребления низшей расценивается в буржуазной тюрьме, как нарушение дисциплины и проявление неповиновения. Сейчас германские тюремщики торжествуют, что уже не только заключенные, но даже парламент и буржуазная печать не могут критиковать безобразия и зверства, происходящие за тюремной стеной. «Авторитет тюремного учреждения, — пишет Гардер, начальник тюрьмы св. Георгия в Борейте, — настоятельно требует, чтобы внутренний его распорядок могли подвергать критике только те, кто на это уполномочен и является знатоком дела, например, органы надзора. Печать и парламент в настоящее время устранены, слава богу, от этого дела». Что же касается заключенных, то, по мнению Гардера, «...заключенный в тюрьме вообще... должен держаться в положении «смирно»¹. О какой критике со стороны заключенных можно говорить при таких условиях, когда проект германского уголовного кодекса, рассчитанный на свободных «арийцев», предлагает привлекать к уголовной ответственности «тех злонамеренных жалобщиков..., которые не пере-

¹ Har der, «Warum Briefzensur», «Mschr. f. Kriminalpsychologie und Strafrechtsreform», Dezember 1933.

ЗА НОРВУ

ОПРАВ ИВА КВН ОТПРАДА 35 м. ДЕН.
 ЗА ОУДОУЩЕНА НА ШТАТА ИЛИ

ПРЪЗЪС.

БЪТ.

ЗА УКО ДАД СОУВЪЛКО.

стают забрасывать учреждения необоснованными заявлениями и жалобами и этим путем злоупотребляют рабочим временем учреждений, мешая им, во вред общественности, выполнять их обязанности»¹.

Коренное отличие нашей исправительно-трудовой политики от капиталистической системы «исправления» преступников определяет собой возможность развития в СССР разносторонней самокритики самих заключенных. Вскрытие недочетов и указание на необходимость их устранения, требование наказания виновных вне зависимости от занимаемого последними положения не только не преследуется, как это имеет место во всех местах заключения капиталистических стран, а особо поощряется и развивается в наших местах заключения и, в частности в лагерях НКВД.

Завхоз, десятник, производитель работ, воспитатель — все они подвергаются самой жесткой самокритике за проявленную нераспорядительность, грубое отношение к заключенным или другие отрицательные явления.

В газетах «Перековка» прямо указывается на обязанность всей лагерной общественности и в особенности лагерных корреспондентов, путем самокритики выявлять конкретных виновников различных ненормальностей. В обращении ко «всем, кто пишет», редакция «Перековки» призывает «беспоощадно вскрывать конкретных виновников всякого рода непорядков и ненормальностей», указывая, что это является основной задачей каждого лагерного корреспондента. Лагерный корреспондент не должен бояться написать фамилию виновного. Ведь каждая заметка пишется не для того, чтобы «просто написать», а для того, чтобы устранить ту или иную ненормальность. Редакция «Перековки» поэтому обращается ко всем лагерникам с просьбой: «во всех случаях, когда вы пишете о неполадках быта или производства, обязательно указывайте, кто виноват в этих неполадках (не только должность, но и фамилию)»². Конкретность самокритики и ее деловой характер в большой степени определяют быстрое устранение многих неполадок в таком большом исправительно-трудовом учреждении, как Дмитровский лагерь.

Заключенные сами твердо знают свое право на здоровую критику. Они с возмущением указывают на отдельные случаи безобразного отношения к самокритике и добиваются сурового наказания виновных в зажиме самокритики. Примером может служить заметка под названием «Критиковать не имеет права». В этой заметке лагерный корреспондент передает с возмущением инцидент с вольнонаемным — «начальником финансовой части одного из отделений Дмитровского лагеря» — Герасимовым, который заявил, что не желает разговаривать с заключенными и что

¹ Журнал «Preussische Justiz» № 41 от 28/IX 1933 г., с. 425.

² Газета «Перековка» от 21 ноября 1933 г.

заклученный не имеет права критиковать вольнонаемных работников лагеря¹.

Таким образом право заключенного на здоровую деловую и правильную самокритику глубоко укоренилось в сознании лагерной массы. Для перевоспитания заключенного самокритика играет весьма значительную роль. Заключенный видит, что к его словам прислушиваются все, вплоть до центрального руководства лагерем, в том случае, когда он начинает говорить деловым языком. Однако это не слепое доверие, а доверие, базирующееся на самой тщательной проверке правильности сообщений для того, чтобы не дать развиться личной мести и карьеризму. Все это производит перелом в сознании заключенного, воспитывает в нем чувство ответственности и сознания своих прав.

Не следует, однако, считать, что лагерная печать не имеет недостатков. Недостаточность кадров, а также зачастую низкая квалификация их приводят к тому, что лагерная печать не всегда бывает в состоянии справиться с возложенными на нее большими задачами. Ярким доказательством последнего может служить газета «Перековка» Восточного района, которая в течение довольно длительного периода времени отличалась явной безграмотностью, политической и технической, и уже тем самым не могла быть орудием культурно-воспитательного воздействия на заключенных. Заметки лагкоров в газете Восточного района, очевидно, не редактировались в то время или же редактировались лицом, абсолютно безграмотным. В одной из заметок лагкор обвиняет администратора в ряде недостатков и, в заключение, как о каком-то проступке, пишет о том, что этот администратор ходит каждый день в парикмахерскую бриться. Это обвинение звучит почти анекдотически, но, к сожалению, оно было помещено в указанной районной газете. Кроме того имеют место плагиаты. Так, например, в газетах двух районов были помещены два очерка различных авторов. При сличении было установлено, что в очерке, который появился позже, были списаны буквально с первого не только отдельные выражения, но целые абзацы. Очевидно, редакторы районных газет в силу ли перегрузки или по другим причинам не читают газет других районов, ограничиваясь общелагерной газетой «Перековка». Это говорит о необходимости более тщательного контроля и руководства районной печатью. Силами культурно-воспитательного отдела лагеря, на который возложено общее руководство печатью, такой надзор осуществить, очевидно, весьма затруднительно. Во всех недостатках лагерной печати сказалась поздняя организация при Управлении Дмитровского лагеря отдела печати, призванного обеспечить должное внимательное руководство всей лагерной прессой.

¹ Газета «Перековка» от 24 октября 1933 г.

НЕ НАШЕ ДЕЛО

Воспитатель: Научил бы ты его пилу держать,

Инженер: Не мое дело. Пусть КВО учит...

Газетная карикатура.

Даже общелагерная центральная газета не всегда доводит дело до конца и не освещает полностью результатов воздействия через печать. Это является одним из существенных пробелов в работе центральной газеты. Точно так же, приводя случаи вылазок классового врага, лагерная печать не вскрывает социального лица классового врага, не дает анализа подобных явлений. Газета должна в лагере стать таким органом, на материале которого можно сделать определенные выводы. Давая интересный материал, «Перековка» отнюдь не всегда дает должный анализ отрицательных или положительных явлений, — тем самым значительно уменьшается значение этого материала.

Необходимо особо остановиться на том, что собой представляют стенные газеты, имеющиеся почти в каждом бараке. Стенные газеты составляют самими заключенными, живущими в бараке, и вывешиваются в красном уголке. Общее руководство стеной газетой осуществляет воспитатель, который следит не только за содержанием стеной газеты, но и за ее оформлением.

Стенная газета общим вопросам уделяет сравнительно небольшое место, перенося центр своего внимания на вопросы производства и быта той части заключенных, своеобразной представительницей которых она является. Качество стеной газет во многом зависит от качества работы воспитателя и от умения его создать настоящий актив, который и призван вести стеной газету. Наряду с многими стеной газетами, правильно освещающими все злободневные вопросы жизни лагеря, имеется ряд стеной газет, по содержанию и по форме не отвечающих своему назначению.

Весьма положительным фактом является издание стеной газет на языках тех национальных меньшинств, которые преобладают среди жителей данного барака, издающего газету. Такого рода газеты, как, например, газета, выходящая в Центральном районе под руководством воспитателя нацмена Валиулина, представлявшего собой образец хорошего воспитателя, систематически мобилизуют всю массу лагерников, обслуживающуюся этой стеной газетой. В ней постоянно отмечаются все положительные и отрицательные явления в этом коллективе заключенных, и наряду с этим показываются средства для устранения нездоровых явлений. Газета постоянно пропагандирует опыт работы и примеры лучших ударников. Эта газета сумела создать прочный кадр лагерных корреспондентов и стать сильным орудием культурно-воспитательного воздействия на лагерников.

Очень неплохо также была поставлена стеной газета в бывшем 1 участке Северного района. Эта газета, издававшаяся на украинском языке (обслуживала украинский трудовой коллектив), не только давала ценный материал, но и хорошо оформлялась. Издавалась она трудовым коллективом «За нову людину» и но-

сила то же название. Во время чистки коллектива издавались специальные бюллетени, отражавшие ход чистки и мобилизовавшие весь коллектив против действий классового врага, направленных на развал коллектива.

Эти примеры показывают, что печать в условиях лагеря при хорошей постановке работы представляет собой одно из сильных орудий перевоспитания лагерников. Она сплачивает и организует коллектив заключенных на борьбу за устранение всего, что тормозит процесс перековки, всего, что мешает производству или быту лагерников. Она воспитывает в них сознательное отношение к работе и ответственность за порученное дело. Газета служит укреплению основного звена перековки — трудового коллектива заключенных, внедрению в них чувства общности своих интересов и доверия к администрации. При помощи лагерных газет сам коллектив заключенных воздействует на отстающих и выражает одобрение лучшим, а также стимулирует желание лагерников порвать, или, как говорят тридцатипятники, «повязать» с преступным прошлым, вступив на путь активного сознательного участия в строительстве бесклассового социалистического общества. Газета помогает лагерникам понять все значение того строительства, в котором они участвуют, воспитывает чувство гордости за результат своего труда и любовь к труду — единственному средству для исправления, как подчеркивал Маркс.

Только в стране диктатуры пролетариата, в стране строящегося социализма, перевоспитание преступников может проводиться через и при помощи самого коллектива заключенных. Это основано на доверии к организованному в трудовые объединения лагернику. В странах капитала, где господствующий класс боится всякой организации и спаянности трудового коллектива, «исправление» преступника строится по тем же принципам боязни прямого и открытого слова заключенного. За малейшее проявление критики виновного ожидают все меры репрессивного воздействия. Точно так же всякие попытки внутренней организации заключенных принимают в глазах тюремщиков характер «опасного сообщества преступников». Не только печать с критическими замечаниями по поводу начальства, но и не касающиеся внутреннего тюремного режима литературные произведения заключенных подвергаются самому жестокому истреблению с последующими мерами дисциплинарного воздействия. Различие систем социалистической и капиталистической определяет собой не только различие содержания задач, стоящих перед местами лишения свободы, но и дополнительных моментов режима заключенных, немаловажным из которых является печать. Печать, создаваемая самими заключенными и являющаяся одним из могучих орудий их воспитания к жизни в трудовом обществе, может существовать только в государстве трудящихся, где только и возможно, говоря словами Максима Горького, «воспитание правдой».

9. СУЩНОСТЬ КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Вся культурно-воспитательная работа строится на последовательном проведении принципов советской исправительно-трудовой политики. Труд является ее основой не только как труд на производстве, но и как труд лагерников в самом воспитательном процессе, т. е. как самодеятельность лагерников в деле перевоспитания.

Воспитание как простое внушение некоторых «истин» не может быть положено в основу переделки сознания людей: беседы руководящего административного персонала, разъяснения с его стороны — все это может дать и дает положительный результат только на основе самодеятельности лагерников во всем: от работ, меняющих географическое лицо страны, до работ, меняющих социальное лицо заключенных. Здесь полностью осуществляется глубочайший тезис марксизма-ленинизма: человек, переделывая природу, переделывает самого себя. Это не значит, что решающим является борьба с природой (ибо суть — в общественных отношениях), но это значит, что сознание человека переделывается лишь в процессе деятельности человека, причем направление переделки сознания определяется общественным направлением деятельности. Это относится к строительству в целом, это относится и к отдельным его частям и частичкам, поскольку для каждого лагерника его конкретная роль осуществляется на его конкретной работе. Переделка сознания лагерников проходит под руководством администрации, под руководством чекистов, но совершается в значительной степени руками самих лагерников. Перевоспитание — это не только дело для лагерников, но и дело их самих, и это — самое главное.

Этот вывод необходимо сделать из всех составных частей форм и методов культурно-воспитательной работы в лагере.

Воспитатель — проводник культурно-воспитательного воздействия в массу лагерников, ближайший к массе лагерников, непосредственный активный проводник советской исправительно-трудовой политики. Роль его, как показано было выше, огромна. Но воспитатель — не внешняя для лагерников фигура, а выделенная из их среды частица их же самих. Самый факт выделения этой активной частицы — уже шаг в культурно-воспитательной работе, направленной к перековке лагерников, уже толчок в их сознании. Работа воспитателя — это уже движение после некоторого, так сказать, перелома в старом сознании, движение уже в новом плане сознания лагерников.

Но и воспитатель действует не как учитель, поучающий учеников: вся его работа совершается через самих лагерников, через их работу, увязывается с производством. Именно поэтому

воспитатель, не подменяя собою непосредственного руководителя производственных процессов, вместе с этим непосредственным руководителем является также организатором этих производственных процессов.

Воспитатель проводит работу через коллектив. Самодеятельность лагерников в области культурно-воспитательной работы невозможна как самодеятельность одиночек. Переделка сознания каждого лагерника возможна только при условии некоторого психологического обогащения, привнесения в его сознание нового начала. Это обогащение своим источником может иметь только коллектив; недаром переделка сознания возможна только как переход от индивидуалистического мировоззрения к коллективистическому.

И тридцатипятичник, и кулак, и шедший иногда у кулака на поводу трудящийся крестьянин, и интеллигент-специалист — все они до перековки, в различной степени, находятся во власти индивидуалистического мировоззрения, как выражения в их сознании мелкобуржуазной и буржуазной стихии или прямой классово враждебной идеологии. Это определяется их классовым положением. Да и совершение преступления рабочим показывает, что под влиянием этой мелкобуржуазной стихии, остатков традиций и привычек прошлого, в его сознании ослаблено или недоразвито коллективистическое начало. Переделка сознания — это воспитание коллективистического мировоззрения, коллективистических навыков, это выкорчевывание пережитков капитализма в сознании людей, ликвидация классовой психологии у классово враждебных элементов и подчиненности сознания элементов разложения капиталистического общества этой классово враждебной психологии. Это — ликвидация перевеса частнособственнической стороны в двойственном сознании крестьянина-середняка (крестьянин-труженик и крестьянин-собственник), это — ликвидация влияния мелкобуржуазной стихии в сознании рабочего, нарушившего внутриклассовую дисциплину.

Всеми приведенными положениями определяется принцип культурно-воспитательной работы в лагере, как работы, построенной на коллективности. Самодеятельность лагерников в их культурно-воспитательной работе для своей плодотворности неизбежно должна быть самодеятельностью коллектива и потому, что иначе невозможен перелом в сознании в сторону перековки, и потому, что эта перековка не есть просто исправление характера, внедрение неких «лучших» мыслей и изгнание «худших». Это есть процесс перехода от индивидуалистического сознания к коллективистическому, от мелкобуржуазной стихии к социализму, процесс, завершающийся уже по выходе из лагеря при закреплении перековки.

Принцип коллективности проводится во всех формах культурно-воспитательной работы: и в культурно-просветительных

Ледхатадзян—киномеханик Дмитровского района

Занятия на курсах по подготовке медицинских сестер

Лагерники Дмитровского района во время отдыха

Красный уголок трудартели «8 марта» (Хлебниковский район)

28

комиссиях, совместно с воспитателем организующих культурно-воспитательную работу, и в работе агитбригад, и в работе лагерной печати и т. д. Эффективность принципа коллективного воздействия особенно ярко выступает в тех случаях, когда в процессе культурно-воспитательной работы одиночке противостоит организованный коллектив, как это бывает, например, при воздействии на отказчиков.

Отказчик сталкивается с коллективом людей, у которых с ним в силу общего прошлого есть общий язык, есть взаимное понимание. Это взаимное понимание сначала только формальное: и непрекорманный еще отказчик и перековавшиеся члены агитбригады связаны прошлым, и он и они «тридцатипятиники», «блатные», и он и они лишенные свободы, словом, по всем формальным признакам, они «свои люди». Но по существу они уже различны, так как члены агитбригады порвали с прошлым и воспитывают в себе нового человека, они пережили перелом к честной трудовой жизни. Эта разница глубока; она может ощущаться отказчиком; у него есть подозрение, что с ним говорят люди, «изменившие», «продавшиеся» чекистам, «ссучившиеся», как это определяет воровской язык; он может относиться к ним с известным недоверием. Но это недоверие неизмеримо меньшее, чем недоверие к людям, вообще чуждым преступному миру, чем недоверие к представителям власти, преследующей преступников. Разница между отказчиком и агитбригадой не бросается сразу в глаза отказчику, ибо она завуалирована формальной общностью между ними. Задача заключается в том, чтобы превратить эту формальную общность в общность по существу, чтобы использовать эту формальную общность для создания действительной общности. Новые настроения и стремления коллектив вносит в сознание отказчика в психологически приемлемой, доступной форме, в оболочке привычных связей и образов, что особенно важно для людей эмоционального мышления. В песне и куплете, часто по форме построенных как частушка «блатного мира», пользующихся зачастую лексиконом «блатной музыки» (воровского жаргона), агитбригада несет отказчику новые, трудовые мысли.

Умелый и настойчивый нажим коллектива словом и примером не может не преодолеть сознания и воли одиночки-отказчика, и его сопротивление во многих случаях сламывается, он выходит на работу, делая тем самым первый шаг к перековке.

Весь этот процесс перековки был бы абсолютно невозможным, если бы сознание отказчика было просто индивидуалистическим в том смысле, как это понимают буржуазные психологи и криминалисты: для «самодовлеющей индивидуальности» противостоящий коллектив есть только механическое соединение других индивидуальностей, влияние которых может быть воспринято только как влияние враздробь, и сила его может опреде-

ляться в таком случае только степенью превосходства одной индивидуальности над другой. Но такая концепция в целом есть плод выдумки буржуазных теоретиков.

Индивидуалистичность сознания заключается в противопоставлении себя коллективу, но в действительности за этим «индивидуалистическим» сознанием кроется сознание враждебного пролетариату класса, подчинившее себе сознание деклассированного отказчика. Таким образом столкновение отказчика и агитбригады есть поединок между сознанием людей разбитого капиталистического прошлого и людей, идущих к победившему советскому настоящему, борющихся его оружием.

Так же, как в масштабе классовых боев в стране, так и в масштабе лагеря и данного барака побеждает это новое сознание.

Приведенный анализ процесса воздействия коллектива на одиночку, еще не поддавшегося перековке, в сущности можно считать пригодным и для объяснения всего воздействия культурно-воспитательной системы в лагере, с соответствующими изменениями, необходимыми в зависимости от конкретного случая. Примерно, — столкновения трудового коллектива с лодырем или нарушителем дисциплины из его же среды, бригады — с отстающим членом ее, срывающим производственный план бригады, и пр. Исследуя методы культурно-воспитательной работы, направленной к перевоспитанию лагерников, нельзя установить какой-нибудь общий, универсальный прием, штамп, годный для всех случаев. Эффект достигается благодаря применению совокупности разнообразных средств, варьируемых в зависимости от реально стоящей задачи в каждом конкретном случае. Но все эти средства и приемы вытекают из общих принципов культурно-воспитательной работы и органически между собою связаны.

То огромное значение коллектива в культурно-воспитательной работе, о котором говорилось выше, выдвигает требование доверия к этому коллективу, предоставления ему возможности ориентироваться в сложной обстановке и проявлять свою инициативу в методах воздействия на лагерников. Из этого доверия к коллективу и предоставления ему широкой инициативы вытекает необходимость внедрения самокритики в работу коллективов и в жизнь всего лагеря, самокритики, находящей свое выражение и на столбцах лагерной прессы, и в выступлениях на всех собраниях и слетах заключенных, самокритики, из поля зрения которой не ускользают не только рядовые лагерники и командный состав из самих заключенных, но и чекисты. В этой самокритике, не взирающей на лица, выражается, как и во многих других отношениях, связь с методами общественной работы всей страны, конечно, с учетом особенностей жизни лагеря как места лишения свободы. Эта самокритика, повышающая чувство ответственно-

сти, с одной стороны, и сознание общественной ценности каждого заключенного, с другой, приобретает тем самым значение одного из стимулов к перековке.

Самокритика закрепляется тем, что на каждый отмеченный устно или письменно отрицательный факт требуется и осуществляется немедленное реагирование со стороны лагерной общины и администрации. Если бы администратор не реагировал немедленно на заявление лагерницы Береговой о злоупотреблениях нарядчицы Поляковой¹, то, несомненно, перековка Береговой значительно бы усложнилась.

Но, с другой стороны, такое же немедленное реагирование вызывают и положительные факты, которые тотчас же поощряются в самых различных формах. Это создает у заключенных сознание справедливого отношения к ним, поднимает в них чувство собственного достоинства и удовлетворяет самолюбие, чрезвычайно сильно развитое у тридцатипятичников. Таким образом и эта черта заключенных используется в целях их перековки.

Самокритика является одним из проявлений и инициативы лагерников. Предоставление заключенным широкой возможности проявлять свою инициативу развивает у них также чувство собственного достоинства и сознание своей полезности.

Особенно трудными в культурно-воспитательной работе являются первые этапы перевоспитания до перелома в сознании заключенного. Этот перелом, часто незаметный для окружающих, вызывается сплошь и рядом каким-нибудь мелким, внешне незначительным обстоятельством. Поэтому в культурно-воспитательной работе чрезвычайно важное значение имеет внимание к мелочам. Это внимание к мелочам особенно важно в тех случаях, когда лагерник чувствует о себе заботу. В этом отношении важна забота о чистоте и порядке в бараках, даже о внешнем виде лагерников: стоит вспомнить, какую роль сыграла забота Береговой о внешнем виде и чистоте членов той отстающей бригады, которую она взяла на буксир. В этом, как и в бесчисленных других случаях, лагерники видят и умеют ценить человеческое отношение и чуткий к ним подход.

Такой подход возможен только при изучении индивидуальности каждого заключенного, колебаний в его настроениях. Это необходимо для предотвращения нездоровых явлений и для правильного направления процесса переделки сознания заключенного. Такое изучение индивидуальности каждого заключенного является основной обязанностью не только воспитателей, но и всего руководящего аппарата лагеря.

Успешность процесса перековки в значительной мере зависит от умения переключить или нейтрализовать привычные для

¹ См. стр. 52 настоящей книги.

преступной среды механизмы поведения. Склонность уголовников к своеобразному романтизму, азартность их природы культурно-воспитательный аппарат должен суметь переключить на трудовой энтузиазм и романтику труда. Умелое направление азартности природы тридцатипятника на соревнование и ударничество дает яркие положительные результаты. Точно так же имеющие большое тормозящее перековку значение навыки и привычки к проведению свободного времени в азартной игре, пьянстве и хулиганстве должны быть заменены какими-то формами, способными увлечь и развлечь бывшего профессионального преступника. Поэтому и отдых заключенных организуется в этом направлении. Шахматы, шашки, спортивные игры — все это дает возможность заключенному и во время отдыха, как и в процессе труда, завоевывать первенство и соревноваться. В своей прежней преступной жизни профессиональный преступник окружал свою преступную деятельность ореолом «героизма». Этот момент также должен приниматься во внимание в культурно-воспитательной работе. Былые «геройские» настроения переключаются на подлинный героизм в работе, и былая гнилая «романтика» — на здоровую романтику и пафос труда. Перелом в психике не может быть механически привнесен извне и строиться на чуждом психике материале. Для перелома в психике необходимо использование того материала, который уже имеется в психике заключенного и должен быть соответственным образом перестроен.

Столь же важно правильное направление культурно-воспитательной работы и на тех этапах перековки, когда перелом или первые его признаки уже налицо. Уловив эти малейшие признаки перелома, необходимо их всемерно углублять и укреплять. Серьезную роль в этом играет выдвижение вступивших на путь перековки на ответственную работу. Показательно в этом отношении замечание бывшего тридцатипятника Биссе, который в беседе сказал: «Тридцатипятник любит работать так, чтобы его работа была видна. Он любит быть заметным».

Сознание бессмысленности и бесцельности труда отбивает всякую охоту к нему и превращает труд в средство подавления способности, инициативы, стремления к самостоятельности, словом, всего того, что является необходимым условием трудового воспитания. Наоборот, ясное представление о цели труда, сознание его общественного значения и пользы своего труда для общего строительства страны подготавливает заключенных к новой, высшей ступени перековки. Поэтому культурно-воспитательная работа ставит своей задачей переход к дисциплине и труду как внутренне-осознанной лагерниками необходимости целесообразной и полезной деятельности.

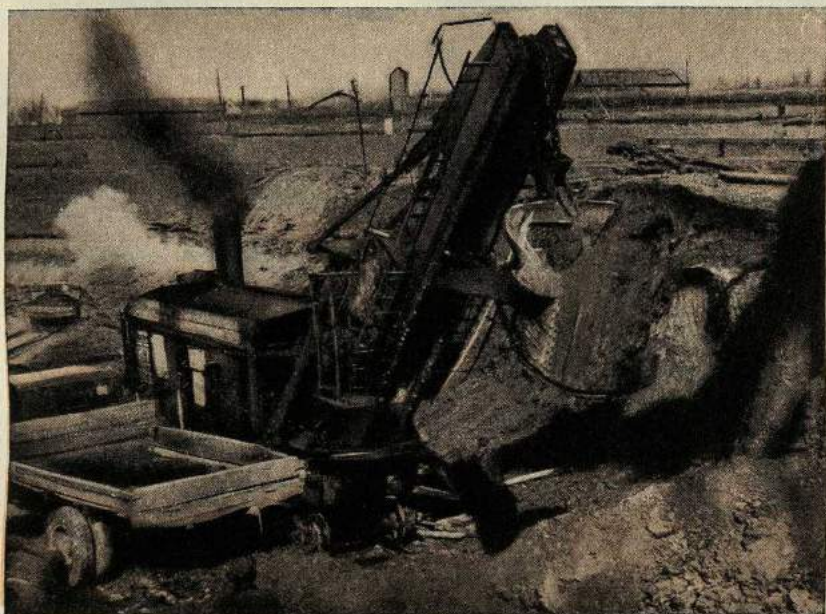
Применение всех методов культурно-воспитательной работы никоим образом не может быть предоставлено самотеку. Как за

стрелкой манометра, следит непрерывно внимательный глаз культурно-воспитательных работников за неуклонным проведением лагерного режима. То, что заключенные об этом знают, само по себе уже действует на них дисциплинирующе.

Культурно-воспитательной работой заключенный охвачен в течение всего времени: и на работе, и во время отдыха, как бы он ни проводился, заключенный не выходит из-под культурно-воспитательного воздействия.

Ни один из перечисленных методов культурно-воспитательной работы, взятый в отдельности, не мог бы дать положительного результата. Этот результат достигается умелым комбинированием такой группы этих методов, которая применима в каждом случае.

Конечно, такое умелое применение комбинированных методов культурно-воспитательного воздействия в Дмитровском исправительно-трудовом лагере в должной мере проводится не на всех участках работы и не всеми работниками. Совершенно правильные принципы и система культурно-воспитательной работы на практике Дмитровского лагеря еще не находят своего полного осуществления. В значительной степени это упирается в недостаток и в ряде случаев — слабую квалификацию культурно-воспитательных кадров.

КОЛЛЕКТИВНОСТЬ, КАК ПРИНЦИП
И МЕТОД ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ
ПОЛИТИКИ

Анализ методов культурно-воспитательной работы в лагерях подтверждает, что эта работа дает хороший результат только в том случае, если она основана на инициативе самих заключенных и коллективности во всей работе. Только тот воспитатель сможет решить свои задачи, который сумеет стать во главе коллектива, сумеет действовать через коллектив и при помощи его.

Поэтому, хотя принцип коллективности — основной принцип культурно-воспитательной работы, пронизывающий всю ее, необходимо рассмотреть вопрос о роли трудовых организаций заключенных в лагерях и как самостоятельный вопрос.

Трудовые коллективы превратились сейчас не только в организационную форму, но и в принцип и метод исправительно-трудовой политики.

Выше было показано, что администрация лагерей без коллектива не может решить стоящие перед ней задачи уже просто с количественной стороны: число административного персонала незначительно по сравнению с количеством заключенных¹. Но вопрос не исчерпывается количественной стороной. И здесь перед нами встает проблема качества влияния, качества исправительно-трудовой политики.

Чтобы небольшая группа чекистов могла поворачивать в нужном направлении громадную массу заключенных в лагерях, необходимо найти могучие рычаги, надежные опорные точки,

¹ В царской России на открытых работах заключенных количество конвоя было чрезвычайно велико. Так, в статье «Арестантские работы при сооружении Амурской железной дороги в течение 1910—1911 гг.» указывается: «не считая конвоя, в среднем на одного надзирателя приходилось от 15 до 20 арестантов» («Тюремный вестник» № 4 за 1912 г., с. 786).

создать своеобразную систему приводных ремней, охватывающих весь живой механизм лагеря.

Если бы исправительно-трудовая практика опиралась только на чувство личной заинтересованности заключенного, если бы все воздействие на заключенных проводилось только методом индивидуальной обработки, то, несмотря на чрезвычайное значение и важность этого метода, в ряде случаев успех был бы достигнут. Не следует упускать из виду того, что в борьбе за новое, трудовое сознание приходится сталкиваться со старыми «сверхличными» силами — силами коллектива, силами коллективной классовой и групповой психологии деклассированных преступников, кулаков, вредителей. Для борьбы с этим коллективным сознанием, с этими осколками враждебных классовых организаций должны быть созданы и мобилизованы все наличные силы, силы организованного коллектива.

Здесь снова сталкиваемся мы с обратным действием надстроечных моментов — организации и сознания. Но если сознание и традиция бывшего преступника, если элементы преступной организации, которые эти группы пытаются сохранить и внутри лагеря, выступают как сила, тормозящая процесс перевоспитания, то организация коллектива и трудового коллективного сознания выступает как контрсила, форсирующая процесс перевоспитания. Эти формы организации и эти принципы не были, конечно, «выдуманы мудрыми чекистами». Они были принесены в лагери в результате другого принципа работы лагерей — отсутствия искусственно возведенной китайской стены между жизнью всей страны и жизнью лагеря. Процесс широкого развития коллективных форм труда во всей стране не только в городе, но и в деревне, охватил и лагери.

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ТРУДОВЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Вопреки широко распространенному мнению, трудовые коллективы и коллективная переделка сознания заключенных точно так же, как самый термин «перековка», возникли не на Беломорстрое, а еще в Соловецких лагерях. Ввиду неизвестности многим изучающим нашу исправительно-трудовую политику этих фактов необходимо хотя бы вкратце остановиться на возникновении трудовых коллективов и на принципах коллективной перековки в Соловках.

Возникновение трудовых объединений в лагерях относится к 1930 г. В ответ на обращение ЦК ВКП(б), призывающего к ор-

ганизации социалистических форм труда — соревнования и ударничества, была развернута в этом направлении большая работа и в лагерях; она привела к тому, что по инициативе самих лагерников из наиболее социально-близкой пролетариату среды в 1930 г. впервые на Соловках развивается мощное движение за внедрение в лагерь соревнования и ударничества, за переход к коллективным формам труда. Проводившаяся культурно-воспитательная работа в лагерях и умелое руководство ею обеспечили общественную инициативу заключенных, направившуюся на создание производственно-бытовых коллективов.

Призыв ЦК ВКП(б) не остался без отклика и в среде бывших рецидивистов — профессиональных преступников, которые, по определению буржуазии, являются «неисправимыми». Именно эти лагерники, объединившись в коллектив, на первом же своем собрании 1 сентября 1930 г. заявили: «старый путь привел нас к тюрьме, новый — выведет нас на свободу». Энтузиазм твердо вступивших на путь своей собственной переделки бывших законченных преступников-тридцатипятников вылился в сложенной ими самими тогда же песне:

Наш лозунг — прошлое забудь,
Брось старые привычки:
Забудь притоны и вино,
И сверла, и отмычки.
Стань в трудовой рабочий строй —
На бой за пятилетку
Пойдем дороною одной...

Коллективисты подхватили лозунг культурно-воспитательного аппарата лагерей: «заключенный — активный участник социалистического строительства» и стали проводниками и пропагандистами этого лозунга среди лагерников.

Показателем настроений и, надо сказать, некоторых увлечений и «головокружений» в этот период может служить устав этого первого в условиях лагерей производственного объединения заключенных. Приведем наиболее яркие пункты этого устава, принятого 1 сентября 1930 г. на общем собрании коллектива, присвоившего себе даже название «коммуны»:

«1. Членом коммуны может быть каждый заключенный, происходящий из рабочих и бедняцко-средняцкой среды (за исключением осужденных по статьям УК, предусматривающим контрреволюционные деяния), признающий устав коммуны и подчиняющийся таковому.

2. В основе коммуны лежит борьба за коммунистическую нравственность, за укрепление принципов коммунизма в среде своих членов, политическое воспитание классовой борьбы пролетариата.

11. Каждый член коммуны должен быть дисциплинированным, беспрекословно выполнять все распоряжения уполномоченных общим собранием членов коммуны, служа примером для всей массы заключенных, добросовестно выполняя возложенную на него производственную и хозяйственную работу, в повседневной жизни быть честным, в обращении с товарищем вежливым, отнюдь не допуская поступков, порочащих почетное звание коммунара.

12. Каждый член коммуны должен иметь хозяйственный взгляд, бережно относясь к госимуществу, как достоянию всего народа, следить за собой, а также за товарищем, в правильном использовании такового имущества, полученного им в личное пользование.

17. Коммунар в окружающей среде горячо пропагандирует содержание и формы нового быта и общественного социалистического труда.

21. Имея в виду принцип сознательного и добровольного вступления в коммуну, выход из таковой желающим не тормозить».

Уже в самом названии этих трудовых объединений отразилось некоторое увлечение, на которое указывалось выше. В дальнейшем название коммуны было заменено более отвечающим реальному положению вещей названием — «трудовой коллектив». Приведенный выше устав правильно намечал основные принципы коллективной работы: сознательность и добросовестность наряду с беспрекословным подчинением дисциплине, образцовым поведением в быту и ударной работой на производстве. Однако уставом возлагались на лагерников невыполнимые задачи, заключающиеся в борьбе за коммунистическую нравственность и за укрепление принципов коммунизма в среде своих членов; это увлечение не было проявлением административных загибов. Оно шло снизу, от самой массы лагерников, не умевшей соразмерить свои силы. Это увлечение сказалось не только в уставе, но и в целом ряде выступлений первых коллективистов, пытавшихся построить работу коллективов на одном энтузиазме.

Один из организаторов первого производственно-бытового коллектива Кискин так отразил эти настроения в речи на конференции ударников:

«Сознательно ли пошли мы в этот коллектив? Да, сознательно, так как принцип у нас был вот какой: от нас все — нам ничего. Мы являлись как бы должниками рабочему классу, долгое время мы были тунеядцами, теперь мы должны отдать этот долг — вот как рассуждали мы... У нас был крепкий костяк из тех, кто понял необходимость жить по-новому, необходимость включения себя в новую жизнь. Теперь мы осторожно и постепенно подбираем членов, надо быть очень крепкими и осторожно пропускать новых членов. У нас теперь проходит испытатель-

ный срок... Конечно, в центре внимания должно быть производство, но мало быть хорошим производственником, надо быть еще культурником».

Дальше Кискин говорит о том, что одной из форм морального воздействия на провинившихся членов коллектива является запрещение выходить на работу¹.

Такая форма общественного воздействия — запрещение выхода на работу — должна быть специально отмечена. Она показывает, что эта часть заключенных, считавшая ранее труд позорным для себя занятием, теперь налагает как позорное наказание на провинившихся запрещение трудиться. Это, несомненно, отражает в ярко выраженной форме, насколько велик был в этот момент сдвиг в настроениях тех профессиональных преступников, которые, входя в коллектив, действительно стремились к полному разрыву с преступным прошлым. Уже одно то, что невыход на работу, по мнению всего коллектива, ложится позором на провинившегося, характеризует ярче, чем что-либо другое, как высоко ценилось право на сознательный труд пионерами коллективизма в лагерях в этот переломный момент рождения новых организационных форм. Запрещение выхода на работу, как мера наказания в отношении провинившегося члена коллектива со стороны всего коллектива, явилось следствием чрезмерного увлечения и идеализации форм воспитательного воздействия, возможных для работы в лагере. В дальнейшей практике трудовых коллективов эта мера была устранена, так как ею могли бы воспользоваться в своих интересах лодыри, пробравшиеся в коллектив.

Руководство лагерей, однако, с самого начала правильно поняло, что энтузиазм необходимо сочетать с твердыми организационными формами, твердой материальной и правовой поддержкой. В условиях лагеря была немедленно сделана попытка применить ленинский принцип: ударная работа — ударное снабжение.

Начальник Управления Соловецкими лагерями специальным циркуляром оформил создавшиеся трудовые объединения заключенных. В целях организации наиболее благоприятных условий для роста трудовых объединений заключенных 9 января 1931 г. он издал циркулярное письмо ко всей лагерной администрации. В этом письме указывалось, что созданные по инициативе наиболее социально-близких пролетариату слоев заключенных добровольные трудовые организации должны всячески поддерживаться лагерной администрацией.

«Это здоровое выявление, — говорится в письме, — с а м о д е я т е л ь н о с т и лучшей части заключенных должно стать предметом особого внимания со стороны всего руководящего

¹ Протокол конференции представителей трудовых коллективов и ударных бригад ОСУ СЛag ОГПУ 25 февраля 1931 г.

административно-технического состава лагеря и в особенности начальников отделений»¹. При этом отмечалось, что результатом создания производственных коллективов является увеличение производительности труда и значительное уменьшение случаев нарушения лагерной дисциплины. «Факт существования таких производственных коллективов, — говорится дальше в этом письме, — несомненно, подымает энергию трудовых слоев заключенных, служа для них лучшим примером переключения себя на трудовые рельсы. Вот почему эти добровольно организуемые заключенными трудовые объединения заслуживают особой поддержки и поощрения»².

В целях помощи и поддержки вновь организованных трудовых коллективов последним предоставлялось самостоятельное помещение для жилья. Одновременно категорически запрещались переброски с одной работы на другую отдельных членов коллективов для того, чтобы не разобщать коллектив. В виде поощрения коллективы ставились в лучшие материально-бытовые условия как в смысле питания, так и в смысле обмундирования, постельных принадлежностей и пр. При этом было обращено особое внимание на усиление культурно-воспитательной работы именно в коллективах и организацию в них учебы для создания квалифицированных кадров из заключенных.

В коллективах была развернута большая работа по организации быта. Сознательно организованный культурный отдых постепенно вытеснил картежную игру, драку и хулиганство. На смену этому пришли различные кружки по повышению общеобразовательного и культурного уровня, зародилась профессионально-техническое обучение. Значительно расширились и развивались физкультурные организации: лыжи и коньки стали неизменными спутниками лагерников во время отдыха. Выступления музыкальных, драматических и хоровых кружков дополняют картину отдыха лагерников.

Первый производственный коллектив был организован благодаря умелому и правильному проведению принципов советской исправительно-трудовой политики со стороны лагерной администрации и энтузиазму воспитателя Кискина, который сам являлся выходцем из уголовной среды. В дальнейшем развитии лагерей твердо и прочно укрепились производственно-бы-

¹ Как относились к малейшему проявлению организации заключенных тюремщики царской России, можно видеть из тюремной инструкции 1915 г.: «арестантам ни в каком случае и ни для каких целей, — говорится в ст. 170, — не разрешается иметь своих старост и уполномоченных». Боязнь объединения заключенных сказалась и в запрещении согласно § 260 проекта «Общей тюремной инструкции» «коллективных прошений и жалоб» («Тюремный вестник» № 1 за 1912 г., с. 117). Стремление разобщить арестантов является лейтмотивом и современной капиталистической тюрьмы.

² Газета «Перековка», изд. Управления Соловецкими лагерями от 24 января 1931 г.

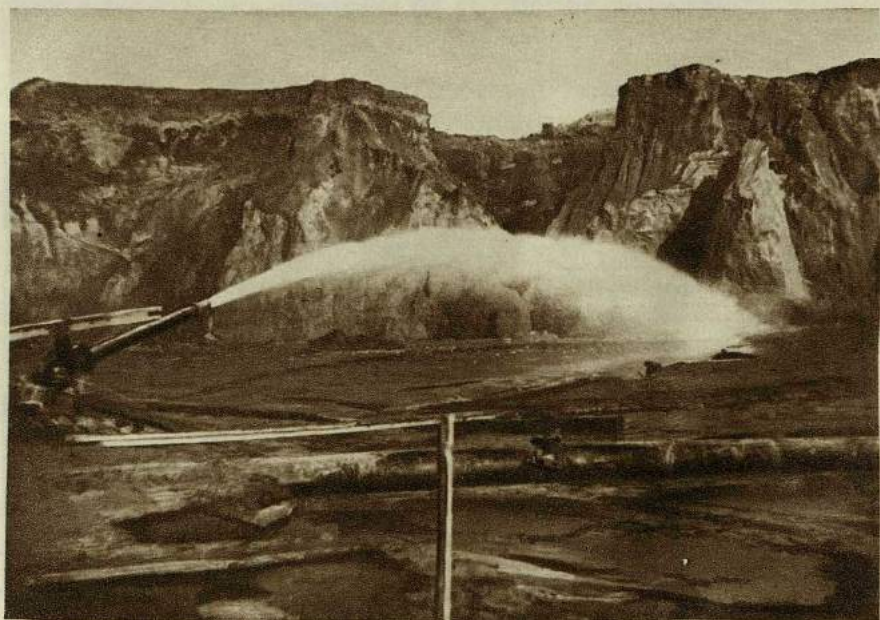
Женщины-гребарки перед разводом на работу.

Лагерники Дмитровского района на митинге в день Первого мая

Укатка грунта на Восточной дамбе строительства канала Москва—Волга

Гидромонитор в работе по промывке грунта

товые организации заключенных, через которые и проводится вся основная работа по переделке сознания лагерников.

Уже тогда в Соловецких лагерях стали сказываться результаты внимательного и чуткого подхода к заключенным. В связи с созданием первой трудовой организации, отдельные пункты устава которой выше приводились, начали поступать заявления от ряда лагерников. Многие из этих заявлений принадлежали тем заключенным, которые в течение продолжительного времени нарушали лагерный распорядок, за что попадали в штрафные изоляторы. Так, например, в том же 1930 г. на имя начальника одного из подразделений Соловецкого лагеря поступило заявление от заключенного Евстафьева В. В., содержащееся в штрафном изоляторе за совершение в лагере проступков и преступлений. В этом заявлении он пишет:

«Я сослан в лагерь сроком на три года, судился пять раз за кражи. В лагере я вел себя как совершенно разложившийся хулиган: занимался игрой в карты, около 20 раз был наказан, два раза находился в штрафизоляторе. Я сознательно нарушал лагерную дисциплину, не хотел работать, так как считал труд унижительным. Будучи вором-рецидивистом, я думал, что воровская этика требует всяческого нарушения лагерного распорядка»¹.

Вслед за этим Евстафьев пишет о том, что создало перелом в его настроении и изменило его отношение к труду и к лагерю — отношение к нему как к человеку, который нуждается в помощи.

«Товарищеское отношение и культурный подход прояснили мои мозги, — пишет дальше Евстафьев, — и я увидел весь тот вред, который приносил обществу и себе. Постепенно я привык к работе, от которой раньше отворачивался. Сейчас работаю на лесозаготовках, объявляю себя ударником и все дни отдыха в январе буду работать в пользу социалистического строительства. Нет больше Васьки Евстафьева — хулигана и бузотера. Он перековался в примерного заключенного»².

Свое заявление Евстафьев кончает призывом ко всем лагерникам понять, что лагеря являются трудовой школой, к которой должен сознательно относиться каждый лагерник, желающий порвать со своим уголовным прошлым. Это заявление Евстафьева среди многих других было напечатано в издававшейся в Соловецких лагерях газете «Перековка».

Вслед за первым производственным объединением по призыву этой части лагерников, состоявшей по преимуществу из бывших профессиональных преступников, начали создаваться в Соловецких лагерях новые трудовые объединения.

¹ Газета «Перековка» Соловецкого лагеря от 27 февраля 1931 г.

² Там же.

Один из членов второй производственной коммуны заключенный Дуброво в речи на конференции представителей трудовых коллективов говорил:

«Сперва и для меня было очень трудно работать, но теперь я понял, что работать нужно, что нужно найти свой класс... Никто из нас раньше не работал, но теперь все в работу втянулись. Мы глубоко будем верить в победу труда»¹.

В трудовые коллективы принималась лишь лучшая часть заключенных из среды трудящихся. В коллективы не принимались лица, осужденные за совершение контрреволюционных преступлений.

Организованные в трудовые коллективы лагерники начинают проводить большую работу по вербовке не включившихся в коллективы лагерников или же вновь прибывших в лагерь заключенных из числа профессиональных преступников. Именно в этих коллективах в Соловецких лагерях и начали развиваться во всей широте и объеме трудовое соревнование и ударничество. Это, конечно, не обходилось без стычек с нежелающей порвать со своими преступными навыками частью заключенных.

Рост количества ударников, организовавшихся в коллективы, виден из следующих цифр для первых пяти месяцев 1931 г.:

На 1-е число месяца	Число коллективов	Число членов
Января	2	362
Февраля	3	427
Марта	20	1 496
Апреля	45	3 171
Мая	85	5 211

С 1 по 10 мая 1931 г. было организовано 18 новых трудовых коллективов, в которые вошли 1244 чел., из них 80% составляли осужденные по ст. ст. 35 и 49 УК.

Таким образом на 10 мая среди лагерников, вошедших в коллективы, осужденные по ст. ст. 35 и 49, т. е. рецидивисты, профессиональные преступники, составляли 68,8%.

Организация таких коллективов не снимала, конечно, вопроса о классовой борьбе. Несмотря на отказ в приеме в трудовые объединения заключенных, отбывающих наказание за контрреволюционные преступления, в ряде случаев в трудовые объединения проникал классово чуждый элемент в целях разложения коллектива. По выявлении классово враждебные заключенные изгонялись из коллектива самой массой коллективистов.

Тем не менее уже вскоре после организации коллективов начала ощущаться необходимость в проверке их состава. В связи с этим в апреле 1931 г. была проведена генеральная чистка кол-

¹ Протокол конференции представителей трудколлективов и ударных бригад Соловецких лагерей от 25 февраля 1931 г.

лективов в ряде отделений Соловецкого лагеря. Интересно лицо производственно-бытовых коллективов по их социальному составу. Так, например, в 8 отделении в коллективы после чистки входило:

Бывших рабочих ¹	39,6%
" крестьян	54,4%
" служащих	3,3%
Прочих	2,4%

В коллективах 1 Кемского отделения после чистки оказалось б. рабочих 143 чел., б. крестьян — 415 чел., прочих — 4.

По характеру преступлений коллективы имели следующий состав:

Профессиональные преступники-рецидивисты (ст. ст. 35 и 49 УК)	43,8%
Бытовые преступления	24,6%
Убийства	18,3%
Служебн. прест. (ст. ст. 109—121 УК)	2,3%
Бандитизм	9,1%
Прочие	1,9%

По коллективам 1 Кемского отделения:

Профессиональные преступники-рецидивисты (ст. ст. 35 и 49 УК)	27,5%
Бытовые и должностные преступления	69,7%
Прочие	2,7%

Следовательно, наибольшее количество членов коллективов падает на осужденных по ст. ст. 35 и 49 УК, т. е. преступников-рецидивистов, и на осужденных за бытовые преступления. Значительная часть рецидивистов до заключения в лагерь не имела никаких трудовых навыков и до организации коллективов, будучи уже в лагере, отказывалась от работы. Несмотря на это, с момента создания коллективов они стали давать хорошие производственные показатели, перевыполняя установленные для них нормы. Это, конечно, происходило не сразу. По мере укрепления коллективной организации работ, по мере роста сознательного отношения к труду производственные показатели все более и более улучшались. Так, например, на 1 дистанции 8 отделения в первую пятидневку организации коллектива выработка равнялась 69,1% нормы, во вторую — 84%, в третью — 95%, в четвертую — 98%, в пятую — 106%, в шестую — 124%.

Точно так же можно проследить рост производительности труда членов коллективов по сравнению с неорганизованной частью заключенных, при сравнении выработки за март 1931 г. организованной и неорганизованной части лагеря. При среднем проценте выполнения всеми заключенными плана в этот месяц на

¹ Фактически по этой рубрике проходит городской деклассированный элемент, а не подлинные рабочие. Вообще во все группы входили деклассированные элементы, не учитывавшиеся особо.

58,6%, организованная часть лагеря выполнила свой план от 78% до 104,3%. Это связано было с тем, что в коллективах начали сказываться положительные результаты кооперации труда, взаимопомощи и соревнования, а также более бережное и сознательное отношение к инструменту. В коллективах стало возможным более четкое разделение труда, что повышало его производительность. Большое значение имели также проводившиеся в коллективах рациональный отдых и широко развернутая культурно-воспитательная работа, дававшие здоровую трудовую зарядку.

В связи со всем этим, а также внимательным отношением к бытовым условиям коллективистов со стороны самого коллектива и усилением санитарных и гигиенических мероприятий среди членов коллективов заболеваемость значительно снизилась по сравнению с заболеваемостью неорганизованной части лагерников. Так, например, по данным одного из отделений Соловецкого лагеря заболеваемость представляла следующую картину:

	Члены коллективов	Неорганизов. заключенные
1-я дистанция	от 0,5 до 1,5	от 3,7 до 5,8
2-я " "	" 0,5 " 0,9	" 1,0 " 1,8
3-я " "	" 0,6 " 1,5	" 1,3 " 2,3
4-я " "	" 0,7 " 1,2	" 2,1 " 3,2
5-я " "	" 0,5 " 1,1	" 1,0 " 3,0
	В среднем от 0,56 до 1,24	от 1,82 до 3,22

Естественно, что все это не могло не отразиться на настроении лагерников. Этот перелом в настроении повлек за собой бурный рост соревнования и ударничества.

Энергичность, азартность, горячность, которые часто встречаются в уголовной среде и которые, будучи направлены по ложному руслу, выливались в нарушение дисциплины (увлечение азартными играми, пьянство и пр.), в коллективах были направлены в противоположную сторону и переключены на здоровое трудовое соревнование, на здоровый производственный порыв...

2. СОЧЕТАНИЕ ПРИНЦИПА КОЛЛЕКТИВНОСТИ С ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННЫМ ПОДХОДОМ К ЗАКЛЮЧЕННЫМ

Уже раньше отмечалось, что ставка на коллективни в какой мере не исключает, а, наоборот, предполагает индивидуализированный подход к заключенным. В сознании коллективов громадную роль играла и играет наряду с массовой агитацией углубленная пропаганда. Иногда необходимо затратить, может быть, десяток дней

на обработку какого-нибудь одного лагерника. Эта, казалось бы, невозможная по количественному размаху работы воспитателей и администрации задача находит свое полное оправдание в тот момент, когда такой заключенный становится руководителем, ведущим за собой делую группу лагерников. В уголовной среде царит крепкая преступная дисциплина. Это, как известно, дало повод Петражицкому усмотреть «интуитивное право» внутри преступных банд. Такой дисциплине нужно противопоставить товарищескую дисциплину, и для этого в частности приходится сломить или переключить авторитет вожаков преступных групп.

Среди уголовного мира, как правило, существуют главари, так называемые «иваны» или «паханы», которым беспрекословно подчиняется преступник, вошедший в преступную организацию, возглавляемую одним из таких вожаков.

Придя в лагерь, такого рода вожаки и в лагере продолжают влиять на определенную часть заключенных. Зачастую настроение такого руководителя определяет собой настроение идущей за ним части лагерников. Такого вожака нужно привлечь к делу перековки заключенных, используя его авторитет, направлявшийся ранее на совершение преступлений. Очень важно для успеха дела создать из него руководителя целой группы лагерников, которые, следуя за ним, легче пойдут по пути перековки. Умелый подход к такому вожаку, разъяснение ему неизбежности его падения как руководителя, ибо в условиях лагеря он, несомненно, рано или поздно потеряет свой прежний авторитет, будет отброшен и сметен общим движением, в ряде случаев заставляет такого вожака изменить свое поведение. Он начинает понимать, что сохранить свое руководящее положение он сможет только в том случае, если первым начнет организовывать группу, на которую он оказывает влияние, в производственный коллектив. Естественно, что для этого требуется максимальная чуткость в подходе со стороны лагерной администрации и в особенности культурно-воспитательного аппарата, тем более, что такого рода руководитель является обычно наиболее волевым человеком из среды тридцатипятников, как бы хранителем преступных традиций уголовной среды. Действовать здесь одними угрозами штрафным изолятором — дело почти безнадежное. В таких случаях надо суметь заинтересовать, задеть самолюбие, увлечь перспективой новой жизни.

Чрезвычайно сильно действует на таких вожаков предложение занять командное положение в условиях лагеря, как, например, стать бригадиром или председателем трудового объединения. Целый ряд фактов из жизни лагерей и в частности Дмитровского лагеря НКВД дают подтверждение того, что такой вожак, став руководителем трудового объединения, в интересах дела использует свой авторитет и организаторский талант. В личной беседе досрочно освобожденный по окончании Беломорского

строительства и награжденный орденом бывший уголовник Биссе подчеркнул, что «тридцатипятники быстро подпадают под влияние сильного человека, вследствие чего очень важно уметь правильно использовать и направлять того, кто пользуется авторитетом среди тридцатипятников и руководит ими».

Достаточно указать, например, бывшего злостного отказчика и организатора отказов заключенного Назаренко, который в течение довольно длительного времени слыл одним из самых злостных отказчиков на 1 секторе 1 участка Восточного района Дмитровского лагеря. Он не только отказывался от работы, но всячески нарушал лагерную дисциплину. После проведенной с ним большой работы со стороны культурно-воспитательного аппарата Назаренко не только сам начал работать, но использовал свое влияние на других отказчиков и повел их за собой. Назаренко стал руководителем целого звена и примером для всего коллектива.

Аналогичный случай имел место с тридцатипятницей Степановой, которая также долгое время была упорной отказчицей и организатором худших элементов из числа заключенных тридцатипятников.

Под влиянием начальника лагерного пункта Биссе Степанова решила начать работать. Учитывая свое влияние на тридцатипятников, Степанова сама попросила, чтобы ей поручили руководство какой-либо отстающей бригадой, которую она обязалась превратить в ударную. Ей было поручено руководство мужской бригадой Вольфа. Эта бригада весь октябрь 1933 г. выработывала не больше 20—30% производственных норм. С момента назначения бригаиром Степановой выработка бригады начала расти изо дня в день. В первый день ее руководства бригада дала 95%, во второй — 98%, а в третий — уже 115% производственной нормы.

Такие же результаты были достигнуты в другой бригаде, куда была назначена в качестве бригадира бывшая отказчица и симулянтка Фридрих. Ранее она была вожаким наиболее опасных элементов в штрафном изоляторе. В январе 1934 г. Фридрих под влиянием специально прикрепленного к ней воспитателя начала работать и с большим успехом использовала свое влияние, будучи сначала бригаиром грабарщиц, а затем бригаиром мужской бригады землекопов, основным контингентом которой ранее являлись отказчики. Фридрих не только добилась хороших производственных показателей в своей бригаде, но и полной ликвидации отказов. «Отказчиков в бригаде нет, — пишет лагерный корреспондент в районную газету, — Катя Фридрих пользуется вполне заслуженным уважением и авторитетом в своей бригаде»¹.

¹ Газета «Перековка» Хлебниковского района Дмитровского лагеря от 5 марта 1934 г.

Все приведенные примеры показывают, какое громадное значение имеет индивидуализированная работа по убеждению, какие результаты приносит перелом в настроении бывших вожakov отказчиков и нарушителей лагерной дисциплины, превращающихся в ударников. Но было бы глубокой ошибкой забывать при этом, что убеждение должно подкрепляться и сочетаться с принуждением. Борьба с «паханами» идет далеко не так гладко, как может показаться.

Нельзя учитывать только примеры наиболее удачных случаев перековки, которые чаще всего становятся известными всей лагерной общественности. Нередки случаи и другого рода — случаи упорного отказа прекратить разлагающую работу. Тогда необходимо умело и своевременно изъять такого вожака, влияние которого тормозит перелом настроения целой группы колеблющихся и идущих за ним лагерников. Иногда переброской таких организаторов разложения в другую крепкую группу удается не только нейтрализовать их вредное влияние, но и переделать их самих. Так, в трудовом коллективе «На штурм пятилетки», в 1 участке Истринского района Дмитровского лагеря, имелась бригада Сычева. Эта бригада систематически не выполняла производственных норм, давая не больше 25—30% выработки. Бригадой специально занялся старший воспитатель Пошибелко, который установил, что на всю бригаду отрицательно действуют два лагерника — Твердохлебов и Мышляев. Они, пользуясь своим влиянием на заключенных, систематически уговаривали всех членов бригады меньше работать. Установив, таким образом, причину отставания бригады, воспитатель перебросил, по согласованию с администрацией, этих двух лагерников в другую бригаду. После этого вся бригада Сычева резко подняла свою производительность, и выработка увеличилась до 130%. Твердохлебов и Мышляев были перекинuty в другую крепкую бригаду, где они не только не смогли продолжать свою преступную деятельность, но сами подпали под общественное влияние и, начав работать, прекратили агитацию за саботаж и срыв работы.

В этом случае удалось достигнуть перелома путем простой переброски в другую бригаду, т. е. очень мягкими мерами. Но когда разлагающая работа принимает более опасные формы, необходимо применять принуждение наиболее резко. Оно должно не только изолировать нарушителя дисциплины, но и предупредить о том, что ждет всех тех, кто вздумает пойти по его пути. Когда несколько лагерников пытались выдвинуть новую форму вредительства и саботажа, вызывая искусственно болезни и агитируя, что таким путем можно скорей всего получить освобождение, они были осуждены показательным судом к максимально-му (на один год) сроку заключения в штрафной изолятор.

Нужно иметь в виду, что при лагерях действуют отделения краевых (областных) судов, проводящие большую работу по

обезврежению не поддающихся исправлению лагерников путем применения к ним таких наказаний, как увеличение сроков лишения свободы, а в особо опасных случаях и расстрела.

Так, путем сочетания принуждения и убеждения, углубленной индивидуальной обработки с влиянием коллектива вырабатываются наиболее эффективные формы перевоспитания преступников.

Прежней преступной спайке в лагере противопоставляется товарищеская спайка трудового коллектива, а бессознательное подчинение вожаку преступной шайки заменяется сознательным подчинением интересам коллектива.

По мере развития трудовых объединений коллектив в целом начинает играть в лагере превалирующую роль. Повышение сознательности и культурного уровня лагерников и в частности бывших профессиональных преступников устраняет возможность бессознательного рабского подчинения. Тем самым руководитель коллектива приобретает большее, и в то же время иное значение. Его влияние на коллектив тесно переплетается с обратным, поднимающим его самого, влиянием на него всего коллектива.

3. ТРУДОВЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ДМИТРОВСКОМ ЛАГЕРЕ

Трудовые объединения в Дмитровском лагере начали развертываться с 20 октября 1932 г. Следующие данные характеризуют процесс развития производственно-бытовых объединений:

На	г.	было охвачено		всех лагерников
1/XI 1932	г.	9,1%	всех лагерников
1/XII 1932	"	"	29,2%	"
1/I 1933	"	"	40,4%	"
1/II 1933	"	"	32,0%	"
1/III 1933	"	"	25,0%	"
1/IV 1933	"	"	35,0%	"
1/V 1933	"	"	28,4%	"
1/VI 1933	"	"	36,0%	"
1/VII 1933	"	"	33,0%	"
1/VIII 1933	"	"	42,3%	"
1/IX 1933	"	"	46,8%	"
1/X 1933	"	"	41,8%	"
1/XI 1933	"	"	50,0%	"
1/XII 1933	"	"	50,5%	"
1/I 1934	"	"	52,2%	"
1/II 1934	"	"	50,5%	"
1/III 1934	"	"	51,7%	"
1/IV 1934	"	"	54,2%	"
1/V 1934	"	"	55,5%	"

Колебания в процентах охвата лагерников трудовыми организациями являлись следствием новых пополнений лагеря, с одной стороны, переброски рабочей силы, с другой. Падение, наблюдающееся в январе—феврале 1934 г., объясняется происшедшей в это время чисткой трудовых объединений и освобождением их от лишнего балласта или же от проникшего в них классового врага, продолжающего в лагере свою враждебную деятельность.

В абсолютных цифрах количество вовлеченных в коллективы заключенных неизменно растет. Тем не менее этот процент вовлечения лагерников в трудовые объединения нельзя считать достаточным. Очевидно, культурно-воспитательный аппарат лагерей и административный аппарат не проявляли должной оперативности. Само собой понятно, что вновь прибывающие в лагерь заключенные не могут быть тотчас же приняты в коллективы, так как сам коллектив откажется от принятия в свои ряды еще не проверенных заключенных.

Все же надо более быстро охватывать новых лагерников исправительно-трудовым воздействием для того, чтобы сократить срок пребывания их вне коллективов. Целесообразно было бы наиболее крепким и проверенным коллективам брать по несколько человек вновь прибывающих в лагерь с тем, чтобы всем коллективом начать процесс перековки. Таким образом в отношении заключенных из среды трудящихся по крайней мере не будет необходимости проходить первоначальный этап перековки, который зачастую представляет собой наиболее трудный этап, без систематического воздействия крепкого коллектива лагерников. Воздействие коллектива сможет в ряде случаев достичь более быстрого перелома в настроении попавшего в лагерь заключенного.

Опыт работы трудовых объединений показал необходимость издания нового устава, отвечающего условиям работы в Дмитровском лагере.

18 ноября 1933 г. специальным приказом по Управлению Дмитровского лагеря были объявлены устав производственно-трудового объединения и инструкция о работе секций объединения. Согласно этому уставу «в условиях лагеря, при проведении исправительно-трудовой политики, основной формой перевоспитания, оправдавшей вполне себя на практике, является организация трудовых объединений»... Эти трудовые объединения организуют производство, быт и общественную работу среди членов коллектива. Они, как говорится в уставе, «создаются и развиваются на основе самостоятельности и широкого применения инициативы». Лагерная администрация при помощи коллектива, через него, проводит перевоспитание каждого лагерника, воспитывает сознательное отношение к выполняемой работе, любовь к производству и общественные навыки.

К сожалению, по Дмитровскому лагерю не имеется таких полных сравнительных данных о производительности труда лагерников организованных в трудовые объединения и неорганизованной части заключенных, какие имелись по Соловецкому лагерю. Несмотря на это, можно проследить тот же процесс резкого поднятия производительности труда с момента вхождения лагерника в трудовой коллектив на отдельных примерах.

На 4 лагерном пункте 9 отделения Дмитровского лагеря в конце ноября 1933 г. был организован трудовой коллектив «Красный ударник». До его создания заключенные вырабатывали от 25 до 50% производственной нормы. Вскоре же после начала деятельности коллектива те же лагерники подняли производительность своего труда настолько, что начали вырабатывать в среднем 120% нормы.

15 декабря 1933 г. этот же коллектив взял к себе нескольких отказчиков из РУР¹. Через небольшой промежуток времени эти бывшие отказчики, ранее не работавшие совсем, стали давать выработку в 110%².

На 8 участке Центрального района в бригаду, возглавляемую заключенным Дубинским, было принято несколько бывших отказчиков, которые вскоре же, под влиянием коллективного метода работ, начали вырабатывать 110—130% нормы. Это относится к заключенным Порваткину, Шпареву и другим. Как указывает лагерный корреспондент в заметке, помещенной в районной газете, после вхождения в коллектив все эти отказчики резко изменили свое отношение к труду. «Костер, у которого проводили время бывшие отказчики, погас, его заменяет им ударная работа на трассе»³.

Такие же факты, подтверждающие значение коллективных форм работы для поднятия производительности труда, имеются на всех участках лагеря: на 1 участке Центрального района у Биссе; в трудовом коллективе, руководимом Завадским, на 1 участке Северного района; на 1 участке Истринского района в бригаде Сычева; в коллективе «Победа плотины» в 12 отделении. Такие факты бесчисленны, и приводить их все нет, конечно, никакой необходимости.

Производственно-бытовые коллективы представляют собой одну из основных форм трудовых объединений внутри лагеря. В члены коллектива в Дмитровском лагере принимаются лишь лагерники из среды трудящихся, осужденные за бытовые и должностные преступления. Заключенные, осужденные по статьям 58 и 59 УК, не могут быть членами трудового коллектива, за исключением беломорстроевцев, доказавших во время строительства

¹ Рота усиленного режима для злостных отказчиков от работы и нарушителей лагерного распорядка — мера дисциплинарного взыскания.

² Газета «Перековка» от 5 января 1934 г.

³ Газета «Перековка» Центрального района от 2 февраля 1934 г.

Беломорско-Балтийского канала как на производстве, так и в общественной работе, что они достойны стать членами трудового коллектива. Кроме того, как исключение, допускаются в коллектив осужденные по статье 58¹⁰ на срок до 5 лет, по ст. 17 и 59³ на срок лишения свободы, не превышающий 5 лет, при наличии перевыполнения ими производственных норм и активного участия в культурной работе. В каждом таком случае устанавливается испытательный срок.

Трудовые коллективы организуются во всех лагерных участках, с определенным численным составом. Создание женских коллективов и коллективов из национальных меньшинств разрешается при численном составе их в 50 чел. После организации коллектива прием в члены его производится в строго индивидуальном порядке. Желающий вступить в коллектив лагерник подает заявление в совет трудового коллектива. Совет коллектива, обсудив кандидатуру, вносит на утверждение общего собрания трудового коллектива положительный или отрицательный ответ. Трудовые коллективы, как правило, организуются по производственному принципу, и в большинстве случаев заявления о приеме в коллектив подаются всеми членами какой-либо бригады.

Насколько велико значение коллектива и какое ему придается значение со стороны лагерного руководства, можно судить хотя бы по тому, что в формуляре лагерника регулярно отражается поведение лагерника в коллективе. При характеристике заключенного, имеющей значение в частности для применения льгот, учитывается — был ли он во время своего пребывания в лагере в производственно-бытовом коллективе.

Перед коллективами ставится задача вовлечения лучшей части лагерников из среды трудящихся в трудовое объединение, представляющее собой общественную организацию, основанную на самоуправлении и самообслуживании самих заключенных. Коллективы руководят всей массой лагерников во всей лагерной жизни. Не только производство и быт, но и учеба лагерников является заботой коллектива.

Коллектив призван воспитать среди лагерников чувство ответственности за порученную работу, изжить разбазаривание и порчу средств производства и другого лагерного имущества, а также бороться за искоренение прежних преступных навыков и всяких нарушений лагерного распорядка. Коллектив представляет собой передовую организацию всей массы лагерников, берет на буксир отстающие бригады, руководит неорганизованной в трудовые объединения частью лагерников, втягивая постепенно последних в трудовые объединения. Коллектив организует также политическую учебу лагерников, руководит ударничеством и трудовым соревнованием, а также ликвидацией не только неграмотности, но и малограмотности всех членов своего объединения.

По рекомендации начальника лагерного пункта и помощника начальника лагерного пункта, руководящего воспитательной работой, общим собранием коллектива из числа его членов избирается председатель коллектива, который отвечает за выполнение всех задач, стоящих перед коллективом. Он же осуществляет административное руководство, заменяя собой ротного старосту. Кроме того в каждом коллективе избирается совет сроком на 6 месяцев. Количество членов совета избирается в зависимости от численного состава коллектива (примерно от 25—30 чел. коллектива избирается один член совета). Совет разделяется на секции: производственную, культурно-воспитательную и хозяйственно-бытовую, каждой из которых руководит один из членов совета, на которого возлагается ответственность за работу этой секции. Совет в целом и каждая секция дают отчет в своей работе перед общим собранием коллектива.

Собрания коллективов могут быть созваны только по предварительному разрешению помощника начальника лагерного пункта по воспитательной работе и проводятся в присутствии ротного воспитателя.

Для систематического наблюдения и контроля за работой совета и проведением последним в жизнь решений общего собрания избирается ревизионная комиссия в составе 3 человек. Трудовая организация в целом отвечает за действия всех членов коллектива, причем каждый член коллектива обязан подчиняться и выполнять все постановления общего собрания коллектива и проводить в жизнь намеченные им мероприятия.

Выступавший на слете тридцатипятников 1 июня 1934 г. начальник отряда тридцатипятников заключенный Найденышев Михаил, имеющий 7 судимостей и 12 приводов, рассказал, что его отряд, насчитывающий 320 чел., работает без конвоя, так как все члены связаны добровольной круговой порукой, и без обязательства соблюдать интересы всего отряда никто в него не принимается. Насколько тридцатипятники умеют держать данное ими коллективу лагерников обещание не нарушать дисциплины, свидетельствует тот факт, что с момента организации отряда, т. е. за три месяца, не было ни одного случая побегов, несмотря на отсутствие конвоя.

В личной беседе начальник участка в Центральном районе, Биссе, также привел аналогичные факты. В организованной им на Беломорстрое и теперь в Дмитровском лагере коммуне тридцатипятников не было случаев побегов и резкого нарушения лагерного режима именно вследствие того, что все члены коммуны обязывались перед всем коллективом быть примерными на производстве и в быту. Они сами следили за твердым выполнением каждым этого обещания.

Трудовые коллективы обеспечиваются самостоятельными бараками, лучшими чем бараки для неорганизованной части лагер-

ников. Точно так же трудовым коллективам предоставляется лучшее обмундирование, и во всех отношениях они пользуются лучшими материально-бытовыми условиями. Члены коллектива платят ежемесячные взносы в размеры 25% полученного ими премиального вознаграждения. Эти взносы идут на улучшение материально-бытовых условий всего коллектива. Трудовые коллективы из лагерников, принадлежащих к национальным меньшинствам, имеют право на отдельный котел, дающий им возможность пользоваться привычным питанием.

Для того чтобы не разлагать трудового коллектива и способствовать трудовой спайке его членов, лагерной администрации запрещаются переброски отдельных членов коллектива. Лишь в исключительных случаях, каждый раз с ведома культурно-воспитательного отдела лагеря, может быть произведена такая переброска.

Председатель коллектива, для того чтобы иметь возможность руководить его деятельностью, освобождается от всякой другой работы, и его премиальное вознаграждение зависит от средних производственных показателей всего коллектива.

Для тех лагерников, которые, как указывалось, не имеют права на вступление в трудовые коллективы, организуются трудовые артели с теми же целями и задачами, которые ставят перед собой трудовые коллективы. В трудовые артели принимаются все лагерники, выработка которых превышает установленную норму по крайней мере на 10%. В артель не принимаются лишь бывшие служители культа и сектанты. Но в тех случаях, когда принадлежащий к этой категории заключенный доказал своей работой и поведением, а также участием в общественной работе, что он отказался от своих прежних воззрений, ему предоставляется возможность войти в члены артели с предварительным испытательным сроком в один месяц.

В трудовых артелях создаются те же секции и по тому же принципу, как и в трудовых коллективах.

На производственную секцию возлагаются следующие задачи: учет работы бригад и отдельных лагерников, проверка выполнения договоров и обязательств между отдельными членами коллектива и целыми бригадами, входящими в коллектив, выявление отстающих, т. е. не выполняющих своих производственных норм лагерников, и ликвидация причин, ведущих к отставанию. Эта же секция проводит производственные совещания, на которых прорабатываются производственные планы, доводящиеся до каждого лагерника. Производственная секция организует хозяйственный расчет, руководит и содействует развертыванию рационализации и изобретательства. Кроме того производственная секция руководит помощью не входящим в коллектив лагерникам и организует взятых на буксир отстающих лагерников или отстаю-

щие бригады. Одной из важнейших задач, возлагаемых на секцию, является борьба за улучшение качества работы.

Культурно-воспитательная секция проводит ликвидацию неграмотности и малограмотности, организует курсы, школы, кружки и профессионально-техническое образование членов коллектива, следит за посещаемостью занятий и вовлекает весь коллектив в политические занятия, читки и политические кружки. При этом секция организует проявление самодеятельности во всех ее формах и налаживает работу красного уголка. Секция принимает участие в разработке ежемесячного плана культурно-воспитательной работы в коллективе и на основе его проводит беседы на различные темы со всей массой лагерников, охватываемых данным коллективом.

Хозяйственно-бытовая секция следит за материально-бытовыми условиями коллектива, за состоянием барака и всего инвентаря. На нее же ложится организация улучшенного питания и правильной работы кухни. Хозяйственно-бытовая секция наблюдает за санитарным состоянием участка и барака, борется за соблюдение правил гигиены всеми лагерниками. Она устанавливает дежурства во всех обслуживающих лагерь подсобных предприятиях — в кухне, бане, столовой и пр. В частности при организации самообслуживаемых коллективных огородов хозяйственно-бытовая секция отвечает за правильное использование семян и инвентаря, отпущенных администрацией для развития огородничества, а также следит за тем, чтобы урожай от огородов был использован целиком на улучшение питания в коллективах. В случае плохой работы секции совет трудового объединения имеет право распустить ее и заменить более работоспособными членами.

Сами лагерники следят за точным выполнением устава трудовых объединений. Подтверждением этого может служить хотя бы заметка лагерного корреспондента «Жало», который требует у администрации 5 участка Центрального района ответа за нарушение устава, выразившееся в том, что в артель «Путевка в жизнь» были переведены лагерники из других общежитий по распоряжению администрации и без согласования с артелью. Лагерный корреспондент с полным правом пишет, что следовало спросить артель — «может ли артель принять этих людей в свою семью, имеют ли право переведенные быть членами артели». Лагерный корреспондент «Жало» призывает администрацию участка к выполнению устава трудовой артели и указывает на необходимость «считаться с мнением общественности трудового объединения»¹.

Там, где хорошо работают хозяйственно-бытовые секции, трудовые коллективы имеют полную возможность значительно

¹ Газета «Перековка» Центрального района от 18 февраля 1934 г.

улучшить питание лагерников. Так, например, трудовой коллектив «Красный ударник» 6 Запрудненского участка Северного района Дмитровского лагеря, под руководством председателя Лазарева, сумел использовать отчисления от выработки, на которые имеют право коллективы, на улучшение кухни и обзавестись живностью на средства коллектива в целях улучшения питания его членов.

4. ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВЫЕ КОМИССИИ

Трудовые коллективы и трудовые артели охватывают, как указывалось выше, не всех лагерников. Кроме того эти формы объединений построены, в основном, по производственному принципу, который не всегда полностью совпадает с территориальным размещением лагерников, в частности, с размещением их по баракам. Между тем создать правильное бытовое обслуживание лагерников, не опираясь на их собственную инициативу, на их самоконтроль, почти невозможно. Все это заставило наряду с хозяйственными секциями трудовых объединений, связанными с этими производственно-бытовыми объединениями, создать специальные комиссии, охватывающие все бараки, вне зависимости от того, входят они или нет в трудовой коллектив или в трудовую артель. Приказом начальника Дмитровского лагеря т. Фирина в декабре 1933 г. были созданы в каждом бараке хозяйственно-бытовые комиссии в составе трех человек, избираемых из числа лучших ударников-активистов на общем собрании барака. Точно так же в каждом лагерном пункте были организованы хозяйственно-бытовые комиссии пункта, в составе семи человек, избранных на слете ударников этого пункта. На хозяйственно-бытовые комиссии возложено правильное использование и распределение тех материальных ресурсов — обмундирование, продовольствие и пр., — которые администрация выделяет для этого пункта или барака. Таким образом и в этом важнейшем материально-бытовом вопросе в лагерях широко проводится определенное самоуправление и самообслуживание.

На барачную хозяйственно-бытовую комиссию возлагается обязанность следить за хозяйственно-бытовым положением лагерников и добиваться устранения всех неполадок, влекущих за собой ухудшение материально-бытового положения лагерника; эта комиссия преодолевает все препятствия, срывающие создание лучших материально-бытовых условий каждому лагернику и всему бараку. Предъявляя законные требования администрации лагеря, хозяйственно-бытовая комиссия в то же время проводит

большую работу по ликвидации всех отрицательных явлений со стороны самих лагерников, которые отражаются на материально-бытовых условиях жизни лагерников. Так, например, наряду с заботой о хорошем состоянии барака, о своевременном и хорошем обеспечении каждого лагерника одеждой, пищей и т. п. хозяйственно-бытовая комиссия должна проводить большую работу с теми лагерниками, которые своим поведением ухудшают положение в бараке. Хозяйственно-бытовая комиссия борется с кражами, с разбазариванием и продажей обмундирования, с руганью и ссорами в бараке, со всем тем, что препятствует созданию хороших условий общежития и здорового отдыха каждому заключенному.

Наряду с этим хозяйственно-бытовые комиссии проводят борьбу с отказчиками от работы, которые в результате ничегонеделания вносят разложение в барак и тем самым ухудшают условия общежития для всех остальных лагерников в бараке. Хозяйственно-бытовые комиссии направляют всю работу комиссий бараков, находящихся на территории лагерных пунктов и занимаются систематическим руководством их деятельностью в целях улучшения работы кухни, хлебозерки, ларька и других организаций, обслуживающих хозяйственно-бытовые потребности лагерников. Работа хозяйственно-бытовых комиссий строится таким образом, чтобы привлечь в нее наибольшее количество активистов из среды лагерников и тем самым мобилизовать всю массу заключенных на борьбу с отрицательными явлениями, исходящими от отдельных нарушителей лагерной дисциплины.

Хозяйственно-бытовая комиссия при активной помощи всей лагерной общественности разъясняет лагерной массе, что улучшение ее материально-бытовых условий зависит от ликвидации таких явлений, как кражи, разбазаривание обмундирования, ругань, хулиганство и пр., ибо и в случаях краж и в случаях хулиганства потерпевшим оказывается сам же лагерник. Разбазаривание обмундирования влечет за собой уменьшение его количества и тем самым невозможность своевременного получения обмундирования теми из лагерников, которые в этом действительно нуждаются. Ругань и ссоры в бараке ведут к созданию невозможных условий для отдыха после рабочего дня. Следовательно, хозяйственно-бытовая комиссия призвана к тому, чтобы проводить систематическую борьбу за здоровый быт лагерников.

Руководство работой хозяйственно-бытовых комиссий проводится воспитательным составом лагерных пунктов, районными культурно-воспитательными частями и культурно-воспитательным отделом лагеря. На основе приказа № 422 о введении хозяйственно-бытовых комиссий, 20 декабря 1933 г. культурно-воспитательным отделом Дмитровского лагеря было издано по-

Прибытие делегатов на слет ударников-тридцатипятичников Дмитровского района

Слет ударников-тридцатипятичников Дмитровского района

Группа выпускников-курсантов 5-го участка района «Соревнование»

Хозрасчетный магазин (Центральный район)

ложение о хозяйственно-бытовых комиссиях на лагерных пунктах и в общежитиях Дмитровского лагеря.

Роль тех хозяйственно-бытовых комиссий, которые сумели правильно организовать свою работу и воспользоваться надлежащим образом предоставленными им правами, можно проследить хотя бы на примере хозяйственно-бытовой комиссии 10 лагерного пункта 3 отделения Дмитровского лагеря, где были организованы две хозяйственно-бытовые комиссии. «После их организации лучше стала работать кухня, так как прикрепленные члены присматривают за работой и состоянием ее, они же на месте помогают завхозу ликвидировать ненормальности. В бараке стало также чище»¹.

Итак, хозяйственно-бытовые комиссии являются одной из форм проявления самостоятельности и инициативы лагерников, широко применяющейся в лагере. Одновременно это есть одна из форм организации самой лагерной общественности на борьбу с разлагающими нормальные бытовые условия лагеря отрицательными явлениями со стороны отдельных лагерников. Хозяйственно-бытовые комиссии тем самым представляют собой одно из звеньев в перековке заключенных через коллектив самих заключенных и попутно призваны воспитывать у заключенных чувство ответственности за предоставляемое им государством обмундирование, питание и жилье. При этом сама лагерная масса участвует в устранении тех неполадок и тех отрицательных явлений, которые препятствуют налаживанию хорошего питания заключенных на основе строго дифференцированных норм, установленных в точном соответствии с производственными показателями работы заключенных.

Контроль над питанием осуществляется также выделенными лагерниками дежурными по кухням, на которых ложится обязанность следить за тем, чтобы полагающиеся и отпускающиеся на каждого лагерника продукты получались полностью именно теми лагерниками, которым они предназначены.

В виде поощрения и для улучшения питания лучшей части заключенных по распоряжению начальника Дмитровского лагеря т. Фирина, лучшим производственным коллективам было предоставлено право на свободных земельных участках внутри лагеря создать свои огороды, обслуживаемые членами коллективов в свободное от работы время. Для развития огородов лагерем выделены были соответствующим производственным организациям заключенных орудия, семена и рассада за счет строительства. Урожай с огородов трудовые объединения расходуют на улучшение своего питания, и он не входит в установленные администрацией нормы довольствия.

¹ Газета «Перековка» 3 отделения Дмитровского лагеря от 8 января 1934 г.

5. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КОЛЛЕКТИВОВ

Итак, коллективам предоставлены довольно большие права. На коллективы возложены громадные задачи. Чтобы добиться их разрешения, коллектив должен поддерживать в своих рядах крепкую дисциплину. Это требование дисциплины, основанной на добровольном вхождении в коллектив, выдвигалось уже первым уставом коммун в Соловецких лагерях. Поддержание дисциплины внутри коллектива основано, в первую очередь, на убеждении, на добровольности. Но коллектив вправе применять и меры общественного воздействия для поддержания этой дисциплины.

Коллектив имеет право налагать взыскания на своих членов. Эти взыскания налагаются по постановлению общего собрания и могут заключаться в следующих мерах: 1) товарищеское порицание, 2) выговор с предупреждением, 3) исключение из коллектива на срок до трех месяцев, 4) окончательное исключение из членов коллектива. Последнее возможно только за «а) систематическое невыполнение установленных производственных норм, б) систематическое устранение от всех видов учебы, г) систематическое нарушение устава коллектива»¹.

Об исключении из членов коллектива доводится до сведения администрации через культурно-воспитательную часть. Одновременно возбуждается ходатайство о неприменении к исключенным льгот, в частности о лишении исключенных из коллектива лагерников права на зачет рабочих дней.

Примером борьбы коллектива с отрицательными явлениями со стороны отдельных его членов может служить дело Брусова А. Н., который, состоя членом трудового коллектива «За ударные темпы», систематически нарушал производственную и бытовую дисциплину. В частности 31 декабря 1933 г. Брусов не вышел на работу и избил другого заключенного Глушкова, который оставался в бараке вследствие освобождения от работы по болезни. Общим собранием трудового коллектива, обсудившим действия Брусова, было вынесено постановление об исключении его из членов трудового коллектива. При этом собрание обратилось с просьбой к администрации привлечь Брусова к ответственности².

Однако в борьбе коллектива за самодисциплину играет большую роль не взыскание, а общественное воздействие, применяемое в самых различных формах, и давление общественного мнения организованного коллектива.

¹ Устав производственно-трудового объединения.

² Газета «Перековка» 12 отделения Дмитровского лагеря от 13 января 1934 г.

О том, что именно сам коллектив заключенных борется с нарушителями производственной дисциплины из своей среды, срывающими план работы, и какими методами ведется эта борьба, ярко говорит одна из постановок волжской агитбригады:

«Ребята, нам срывает план
Сережка Шарабан.
Где лень живет, прорыв живет,
Он там активный коновод.
Он мне по воле—первый друг...
Но вот, грызет меня печаль —
Такой хорошей пары рук,
Как у него, сердечно жаль.
У нас никто не позабыт,
Но кто стал знаменем помех
И встал в сторону от борьбы —
Позором падает на всех.

Ребята, нам срывает план
Сережка Шарабан.

Но мы буксиром и борьбой

• Должны вести его с собой.

Возьмем в оборот

Этих стрекулистов,

Чтоб они, наоборот,

Стали рекордисты.

Эй, жми, налегай

Планом и буксиром,

Чтобы стал шелопаи

Лучшим бригадиром.

У нас весь народ

Удалой, да ловкий,

Возьмем в оборот

Его перековкой».

Коллективное воздействие оказывает чрезвычайно большое влияние в тех случаях, когда весь коллектив на общем собрании обсуждает плохое поведение одного из своих членов. Так, например, в женском трудовом коллективе «Красная звезда» на 1 участке Восточного района во время общего собрания членов трудового коллектива обсуждалось поведение лагерницы Летиковой, которая систематически бездельничала и нарушала лагерный распорядок. Председательница трудового коллектива поставила на обсуждение общего собрания вопрос о том, чтобы всем коллективом сообща подумать над тем, как перевоспитать Летикову. Члены коллектива приняли горячее участие в обсуждении мероприятий для исправления Летиковой, которая на собрании присутствовала. Во время обсуждения Летикова попросила слова и заявила: «Верно, я воровала, безобразничала и не хотела

работать. Теперь этого не будет. Я даю вам слово хорошо работать и быть примером для других. Я хорошо грамотна и буду помогать учиться неграмотным»¹.

Коллектив принял это заявление Летиковой к сведению и выработал ряд мероприятий, направленных на то, чтобы помочь ей войти в ряды наиболее сознательной части лагерников.

Лагерники, срывающие выполнение производственного плана бригады или целого коллектива, начинают чувствовать, что они действуют против интересов объединения своих товарищей. Это чувство отказчика ярко выражено в одной из песен лагерников:

Голова ль ты моя удалая...
Долго ль буду тебя я носить...
Вся бригада на нас стала злая...
Завели себе славу филонов²,
По бараку не стало пути;
Это значит определенно —
На работу пора итти.

Ощущение общественного порицания за срыв производственной или бытовой дисциплины, чувство вины перед коллективом товарищей — все это действует куда сильнее, чем любые административные взыскания.

То, что «по бараку не стало пути», что сами заключенные презируют «филонов», именно это становится могучим побудителем прекращения лодырничания. В этой песне вскрывается настроение таких лагерников, приходящих к выводу, что «на работу пора итти» потому, что этого требует весь коллектив.

Зачастую организовавшиеся в коллектив бывшие прежде злостными отказчиками от работы и нарушителями лагерного распорядка заключенные втягиваются в работу и становятся лучшими перевоспитателями других заключенных. Так, например, созданный 3 сентября на 4 лагерном пункте 3 отделения Дмитровского лагеря трудовой коллектив «К новой жизни», в который вошла так называемая «отрицаловка», т. е. самый отрицательный элемент, превратился в коллектив, не только вырабатывающий производственную норму, но и значительно ее перевыполняющий. Председатель коллектива, который ранее сам был в числе систематических отказчиков, сумел переключить свою прежнюю преступную активность на работу по созданию хорошего коллектива, примерного не только на производстве, но и в быту. Этот вновь организованный коллектив не только развернул соревнование и ударничество внутри бригад и между ними, но наладил буксир отстающим³.

¹ Газета «Долой неграмотность» Дмитровского лагеря от 7 апреля 1934 г.

² По лагерной терминологии «филон» означает лентяй.

³ Газета «Перековка» от 14 сентября 1933 г.

На собрании, посвященном XVII годовщине Октября, председатель трудового коллектива «Каналоармеец» Вырляев, говоря о работе своего коллектива, имел право сказать: «Трудколлектив перевоспитал в своих рядах не один десяток злостных отказчиков. Мы принимали в свои ряды по нескольку человек отказчиков и упорной работой добились того, что отказчики становились лучшими ударниками. Трудколлектив принял не одну партию «потерянных» людей и вывел их на путь честного труда. Мы достигли наилучших показателей по всему лагпункту и в быту»¹.

Примером улучшения производственных показателей в результате организации коллективов могут служить нацменовские бригады в Дмитровском отделении, которые до вхождения в коллектив давали лишь 50—60% нормы выработки. После проведенной разъяснительной работы со стороны культурно-воспитательного аппарата лагеря был организован трудколлектив нацменов, и те же самые бригады не только добились выполнения плана, но стали его систематически превышать².

Организованный из числа наиболее молодых лагерников так называемый «Коллектив малолеток Москаналстроя» в Центральном районе Дмитровского лагеря в рапорте на имя начальника 5 отделения т. Рейниша и помощника начальника по культурно-воспитательной части т. Тулина пишет:

«Разбросанные ранее по разным лагпунктам мы почти все были отказчиками. Нарушения лагерной дисциплины были обычным явлением. Ныне, в результате вашего труда, мы имеем хорошо спаянный и производительный коллектив. Наше бытовое положение неизмеримо улучшилось, и большинство из нас охвачены той или иной учебой.

Нашим лозунгом впредь будет — «активно бороться за досрочное окончание строительства канала»³.

Наряду с хорошими производственными показателями в коллективе «Москаналстрой» проводится систематическая культурная работа, регулярно выпускается стенная газета, полностью ликвидирована неграмотность, хорошо работает кружок по повышению политических знаний членов коллектива. Значительная часть лагерников, объединенных этим коллективом, втянута в профтехническую учебу и приобретает квалификацию в школе профессионального образования.

Трудовые артели также добиваются больших успехов в своей работе. Так, например, на 3 лагерном пункте Дмитровского отделения была организована в августе 1932 г. трудовая артель «Штурмовик». Вошедшие в нее бригады, ранее в течение длительного срока не выполняли план. По мере налаживания работы

¹ Газета «Перековка» от 29 октября 1933 г.

² Газета «Перековка» от 24 октября 1933 г.

³ Газета «Перековка» Центрального района от 5 января 1934 г.

трудовой артели повышались производственные показатели каждого из ее членов, и к октябрю 1933 г. план стал перевыполняться. По словам председателя артели Шербиной «такое явление можно объяснить тем, что трудовая артель «Штурмовик» с первого ее дня серьезно поставила вопрос о культурно-массовой работе среди членов артели»¹.

Все члены артели охвачены учебой и свободное от работы время проводят или за учебой или за отдыхом в одном из двух красных уголков, принадлежащих артели. В этих красных уголках лагерники имеют полную возможность культурно провести отдых за чтением газет или книг, игрой в шахматы или шашки и пр.

Другим примером перелома в настроении лагерников, являющегося следствием организации артели, может служить трудовая артель «Дело чести», организованная на 3 лагерном пункте 8 отделения Дмитровского лагеря. По словам председателя этой артели Попова, в артель было принято много отказчиков, которых пришлось постепенно приучать к труду. В результате систематической и упорной работы в артели все лагерники стали давать прекрасные производственные показатели.

«Мы достигли этих успехов, — говорит Попов, — благодаря четкой трудовой дисциплине и путем большой работы над каждым членом артели, невыполнявшим нормы. Мы изучали причины плохой работы каждого такого лагерника и немедленно эти причины устраняли. Мы им оказывали поддержку, применяли меры товарищеского воздействия, распределяли работы соответственно физическим способностям каждого. Сейчас у нас в артели создалась такая обстановка, при которой никто не может работать плохо... Бытовые условия трудартели хорошие, культурно-воспитательная работа у нас на должной высоте»².

6. ЗНАЧЕНИЕ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ЧИСТОК КОЛЛЕКТИВОВ

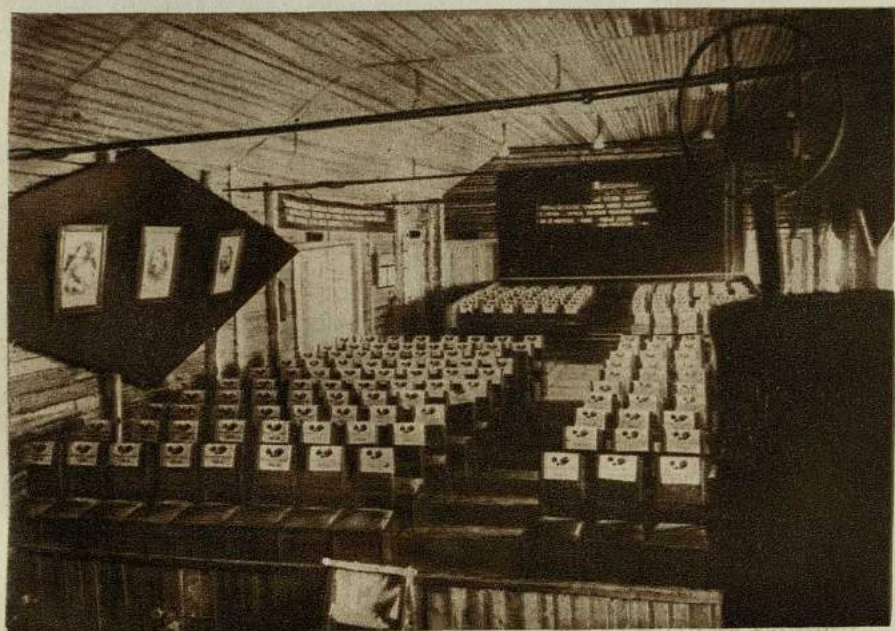
Не следует считать, однако, что все лагерники под влиянием коллектива изживают отрицательные явления. Имеются примеры роспуска администрацией лагеря целых коллективов, которые оказались не в состоянии справиться с возложенными на них задачами или же явились организациями, не перевоспитывающими заключенных, а продолжающими преступные традиции. Для борьбы с теми членами трудовых организаций, которые не поддаются положительному воздействию коллектива и разлагают

¹ Газета «Перековка» от 24 октября 1933 г.

² Газета «Перековка» от 29 октября 1933 г.

Икаев (делегат) около своего бюста на выставке во время слета нацменов

Общий вид зала клуба Дмитровского лагеря перед началом слета ударников

Президиум Вселагерного слета 8 марта 1934 г.

Прибытие делегатов на слёт ударников-тридцатипятиков Дмитровского района

его, проводятся чистки коллективов и других трудовых объединений от тех лагерников, которые препятствуют нормальной работе трудовых организаций заключенных.

Приказом по Управлению Дмитровского лагеря НКВД в январе 1934 г. была объявлена чистка всех трудовых коллективов и трудовых артелей Дмитровского лагеря. Цель чистки заключалась в выявлении — при помощи самой массы коллективистов — лодырей, симулянтов и нарушителей правил лагерного распорядка.

Во время чистки коллективов, к которой привлекается весь культурно-воспитательный аппарат лагерей, проводится широкая разъяснительная работа, и тем самым чистка приобретает чрезвычайно важное значение для всего лагеря. Точно так же во время чистки выявляются достойные лагерники, которые выдвигаются на большую самостоятельную работу. В кампанию по чистке трудовых объединений вовлекается вся лагерная общественность, при помощи которой вскрываются отрицательные явления, не замечавшиеся в повседневной жизни, но скверно отражавшиеся на всей массе лагерников. С другой стороны, при чистке учитывается хороший опыт лучших коллективов, с целью перенесения его на те коллективы, которые еще не сумели в должной мере организовать свою работу.

Чистка помогает вскрывать деятельность классового врага, который в условиях лагеря проводит свою разрушительную классово враждебную работу путем агитации и наветываний среди наименее сознательной и стойкой части лагерников. Так, например, в трудовой артели «Перековка» 9 отделения Дмитровского лагеря происходившей 2 января 1934 г. чисткой были выявлены лагерники Симон, Козлянков и Долгоногов. Они, как это вскрылось на чистке, занимались систематической злостной агитацией за невыход на работу и нарушение лагерной дисциплины. Кроме того Долгоногов симулировал заболевания, чтобы избежать необходимости работать. На чистке Долгоногов пытался отрицать предъявленное ему самими лагерниками обвинение в этих действиях, но получил дружный отпор со стороны остальных членов трудового объединения. Выступая на собрании по чистке, лагерники сумели разоблачить подлинное классовое лицо Симона, Козлякова и Долгоногова. Комиссия по чистке, при единодушном одобрении всего объединения, постановила исключить этих трех лагерников из состава трудовой артели и возбудить ходатайство перед администрацией лагеря о лишении их зачета рабочих дней. Надо отметить, что на этой чистке присутствовали представители других трудовых объединений, которые принимали живое участие в собрании, выступая не только по вопросам, касающимся отдельных лагерников, проходящих чистку, но и активно участвуя в обсуждении итогов чистки. На многих лагерников чистка производит сильное впечатление, и под

влиянием ее они отказываются от своего прежнего плохого поведения.

Однако исключение из членов трудового объединения проводится лишь в том случае, когда все остальные мероприятия исчерпаны и нет оснований рассчитывать на наступление в дальнейшем в условиях данного коллектива положительных результатов. В остальных же случаях в отношении недостаточно перековавшихся лагерников, которые смогут изжить отрицательные явления при более внимательном отношении к ним со стороны коллектива и администрации, выносятся в результате чистки предупреждение. Так, например, при чистке в коллективе «Авангард» 5 участка Центрального района Дмитровского лагеря 24 лагерника получили предупреждение, вызванное нарушениями с их стороны производственной и бытовой дисциплины.

С заключенными, получившими предупреждение, коллектив обязуется проводить систематическую работу и повседневно наблюдать за их исправлением. Следует еще отметить, что вычищенным из трудовых организаций лагерникам не преграждается путь к обратному вступлению в трудовое объединение в случае исправления. Так, например, в коллективе «Путевка в жизнь» (Центральный район) во время чистки было исключено из объединения 25 человек, из которых тотчас же были организованы бригады под руководством лучших членов коллектива. Последним было поручено проводить систематическую работу по исправлению оказавшихся исключенными из рядов коллектива лагерников, которым на чистке было сказано, что, доказав на деле свое исправление, они смогут вновь вернуться в коллектив.

Во время чистки не только выявляются те, кто совершил проступки, но проводится общественное воздействие и на тех, кто отказывается от вовлечения в общественную работу или не желает учиться. Так, например, на чистке трудового коллектива «8-й Березень» Лихачевского участка Хлебниковского района лагерникам Хорщевской, Писаренко и Супранковой был объявлен выговор за то, что они, будучи неграмотными, не захотели вступить в школу по ликвидации неграмотности. Во время чистки вскрылись и лжеударники, которым тут же указывалось на всю недопустимость такого поведения.

Чистка как оружие борьбы с классовым врагом внутри лагеря дает очень большие результаты. В трудовом коллективе «Каналоармеец» 3 лагерного пункта 9 отделения Дмитровского лагеря во время чистки было установлено, что лагерник Сардонов систематически нарушал производственную и бытовую дисциплину. В процессе чистки выяснилось, что Сардонов — кулак, скрывший свое социальное положение, и его действия являлись прямой вылазкой классового врага в условиях лагеря. В связи с этим Сардонов был исключен из трудового коллектива, и в отношении его были сделаны соответствующие выводы.

В результате чистки и общественного воздействия многие из отстающих превратились в хороших лагерников. Примером может служить трудовой коллектив «Перекоп», в котором настолько хорошо была проведена разъяснительная кампания во время чистки, что положительные результаты сказались очень быстро. В частности лагерник Мацкевич, работавший до чистки плохо и систематически отказывавшийся от работы, в результате воздействия всего коллектива на собрании по чистке стал действительным ударником.

Чистка смогла дать положительные результаты только в тех трудовых коллективах и трудовых артелях, где к ней отнеслись как к имеющей большое значение политической кампании. Только там, где была проведена большая предварительная массовая работа и были разъяснены задачи чистки, чистка послужила толчком для дальнейшего развития коллектива и более полного охвата всех его членов культурно-воспитательной и общественной работой.

В целях лучшей организации чистки культурно-воспитательным аппаратом лагерей созидались слеты производственного и культурного актива, на которых широко разъяснялись задачи предстоящей чистки. На слетах указывалось на необходимость доведения до каждого лагерника задач и целей, которые преследуются чисткой трудовых объединений от вредного и разлагающего элемента, проникшего в них. Кроме того подчеркивалось значение чистки для поднятия массовой культурно-воспитательной работы и охвата ею всех заключенных. Чистка способствовала дальнейшему развертыванию трудового соревнования и ударничества и выявлению всех отрицательных явлений и всех неполадок, мешающих правильному проведению в жизнь принципов советской исправительно-трудовой политики. Отчет каждого лагерника перед лицом лагерной общественности в своем поведении на производстве и в быту и даваемые собранием характеристики каждому заключенному, несомненно, должны были сыграть и сыграли большую роль в деле перековки заключенного, в деле переделки его сознания и превращения в полноправного и полноценного трудящегося Советского союза.

7. ПРОИЗВОДСТВЕННО-БЫТОВЫЕ ОТРЯДЫ КАК НОВАЯ ФОРМА ТРУДОВЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

С 15 февраля 1934 г. ранее существовавшие трудовые объединения, коллективы и артели сменились более крупными производственно-бытовыми объединениями — отрядами. Эти отряды

численно значительно превышают прежние объединения заключенных. Если в среднем в трудовом коллективе или артели насчитывалось 100—150 чел., то в отряде число членов его доходит до 500—600 чел. Эти отряды имеют больший чем коллективы масштаб работы. Они являются самостоятельными производственными и хозяйственными организациями. Строятся они по однородности профессии членов отряда или же по общности обслуживаемого объекта строительства (мотористы, землекопы, плотники и другие работающие на одном участке строительства).

Организационный период в жизни таких отрядов несколько затянулся, что не могло не отразиться на их производственной и общественной работе. Кроме того был допущен некоторый перегиб. В коллективах, как было показано, большое значение имеют различные общественные организации и в частности совет коллектива. После создания отрядов эти организации в некоторых из отрядов были ликвидированы. Результатом этого явилось резкое снижение общественной работы и участия самой лагерной общественности в разрешении стоящих перед трудовой организацией задач. Это, конечно, отразилось на материально-бытовом положении лагерников и их настроении. Учтя этот отрицательный результат, культурно-воспитательный отдел Дмитровского лагеря начал исправлять эту, допущенную рядом районных работников ошибку, организуя общественные органы внутри отрядов. Наряду с начальником отряда (из состава заключенных) и его помощником начали создаваться органы самоуправления по типу тех, которые имелись в ранее существовавших производственно-бытовых объединениях.

Какие бы новые формы (в данном случае — отряды и осуществление некоторого единоначалия) не выдвигала практика лагерей, принцип коллективности в работе, принцип общественного воздействия и сочетания принудительного воспитания к дисциплине с тем самовоспитанием дисциплины, которое ведут коллективы, должен остаться неприкосновенным. История трудовых коллективов, результаты их работы показывают, что метод коллективного воздействия оправдал себя и как метод подъема дисциплины и как метод подъема производительности труда. Принцип коллективности неразрывно связан с организацией ударничества и соревнования. Вместе с ними он должен быть положен в основу переделки сознания заключенных.

СОРЕВНОВАНИЕ И УДАРНИЧЕСТВО
И МЕТОДЫ ИХ СТИМУЛИРОВАНИЯ

Соревнование и ударничество в лагерях являются центральным и решающим методом работы. Они выражают те формы труда, которые, начиная с личной заинтересованности, с личных стимулов, переходят к стимулам, представляющим конечную задачу всей перековки.

Соревнование и ударничество тесно связаны с вопросами культурно-воспитательной работы. Ранее подчеркивалось, что культурно-воспитательная работа своим главным содержанием имеет как раз работу по политическому обеспечению сознательного отношения к труду. С самого начала образования коллективов, содержанием их работы была также организация соревнования и ударничества. Со своей стороны соревнование и ударничество не ограничиваются борьбой за высшие показатели производительности труда.

Ударничество и соревнование не исчерпываются борьбой за превышение норм выработки. В показатели соревнования и ударничества включаются вопросы дисциплины, вопросы борьбы за быт, вопросы борьбы за учебу и культурно-воспитательную работу в целом. Таким образом соревнование и ударничество как бы концентрируют в себе остальные методы и формы работы. Конечная цель ударничества и соревнования не исчерпывается победой на строительстве канала. Сама эта победа основана на осуществлении конечных задач переделки сознания заключенных и немислима без разрешения этих задач.

В этой главе не будет, конечно, охвачен весь комплекс вопросов, связанных с проблемой ударничества и соревнования в лагерях. По существу ведь эта проблема и означает проблему перехода к свободному труду, проблему перевоспитания, превращающего преступника в работника социалистического общества. Эта

проблема затрагивалась в предшествующих главах. В этой же главе освещаются лишь основные организационные вопросы, подводящие под соревнование и ударничество в лагерях прочную основу, и вопросы стимулирования соревнования и ударничества системой льгот и поощрений.

1. РАЗВИТИЕ СОРЕВНОВАНИЯ И УДАРНИЧЕСТВА В ЛАГЕРЯХ

Соревнование и ударничество в лагерях развертывалось попутно с созданием производственно-бытовых организаций заключенных. В 1930 г. в Соловецких лагерях вместе с коллективами как основное содержание их работы возникают ударничество и соревнование. Уже резолюция конференции представителей трудовых коллективов и ударных бригад Соловецких лагерей от 25 февраля 1931 г., зафиксировала: «Широкой волной социалистического соревнования ответить на новые происки буржуазии, на новую клевету капиталистов о принудительном труде в СССР. Даже мы, заключенные, изолированные как социально-вредный элемент, поняли и осознали, что «труд в нашей стране из позорного превратился в дело чести, славы, доблести и геройства», — мы добровольно вступаем в ряды ударных бригад и производственно-бытовых коллективов, чтобы через труд и дисциплину вернуться в семью трудящихся». В этой же резолюции, по инициативе самих ударников, было принято обязательство: «Вовлечь в социалистическое соревнование и ударничество широкие массы заключенных по возвращении на места». Следует отметить, что делегаты на эту конференцию привезли уже с собой материалы о результатах соревнования и ударничества среди заключенных, начавшегося вскоре после постановления ЦК Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) о социалистическом соревновании 9 мая 1929 г., и наиболее широко развернувшегося после обращения ЦК ВКП(б) 3 сентября 1930 г.

21 февраля 1931 г. на пленарном совещании Центрального штаба соревнования и ударничества Управления Соловецким лагерем было констатировано, что в среднем по лагерю охвачено соревнованием и ударничеством около 25% всех заключенных. Повсеместно по лагерю к этому времени были созданы и оправдали себя ударные бригады¹. Через месяц после этого совещания состоялась конференция ударников, представлявших семнадцать производственно-бытовых коллективов и 136 ударных бригад.

¹ Газета «Перековка», Услг от 2 марта 1931 г.

Лашкова — ударница гладильного
цеха Южного района

Демкин — лучший шофер автобазы Дмитровского лагеря

Почетная грамота 3-го участка Волжского района

Щелокова М. — ударница сварщика, выполняющая производственную норму на 170%

Естественно, что первое время после развертывания соревнования и ударничества, в связи с новизной этой работы, в деятельности штабов имелся ряд дефектов. Мобилизовав общественность лагеря, самих заключенных на преодоление всех недостатков, руководство лагерем, и в особенности культурно-воспитательный аппарат лагеря, смогли в значительной степени уменьшить первоначальные болезни роста. Насколько выросли требования со стороны ударников к руководству лагерем и своим органам, направляющим работу по соревнованию и ударничеству, можно судить по документам слетов. Так, II слет ударников 4 отделения лагеря предложил в дальнейшем провести работу по изучению ударников и выявлению подлинных ударников и лжеударников, расширить сеть производственных кружков, добиться стопроцентного участия ударников в общественной работе и др.¹ Лагерные корреспонденты начали путем организации выездов на места — рейдов — систематически проверять выполнение взятых на себя ударниками обязательств и работу штабов. На основе полученных во время рейда данных лагерные корреспонденты добивались устранения тех недостатков, которые ими подмечались. В июле 1931 г. третий рейд лагерей 1 Кемского отделения Соловецкого лагеря установил недочеты работы штабов. На основе материалов, собранных во время рейда, и после детального обсуждения их лагерные корреспонденты предложили штабам по соревнованию и ударничеству 1 Кемского отделения «1) ...проверить состав своих членов с тем, чтобы неработоспособных заменить лучшими ударниками производства. 2) Провести в штабах... распределение обязанностей с тем, чтобы каждый член штаба имел нагрузку (учет работы, сбор рабочих предложений, проведение собраний и т. д.), за выполнение которой должен отчитываться перед штабом и на производственных совещаниях»². За этим следует еще восемь пунктов предложений по улучшению деятельности штабов для поднятия качества работы по вовлечению всей массы заключенных в лагере в соревнование и ударничество и по налаживанию работы среди тех, кто вовлечен в эти новые формы труда.

Таким образом уже в Соловецком лагере соревнование и ударничество среди заключенных приобрело чрезвычайно большие размеры.

В дальнейшей практике лагерей соревнование и ударничество приобрели большой размах. Особую роль в этом отношении сыграло Беломорско-Балтийское строительство.

В целях большего охвата лагерников соревнованием и ударничеством и развития всех форм соревнования, управлением лагерей была разработана целая система мероприятий и проведен ряд кампаний. Так, в августе 1932 г. на строительстве Беломор-

¹ Газета «Перековка», Услаг от 27 июня 1931 г.

² Газета «Перековка», Услаг от 24 июля 1933 г.

ско-Балтийского канала было развернуто соревнование за красное знамя центрального штаба лагеря.

Предварительно была проведена большая подготовительная работа в трудовых коллективах и бригадах Беломорско-Балтийского лагеря, в которой приняла большое участие лагерная печать. В эту кампанию было включено также радио, которое систематически, путем специальных радио-буллетеней, оповещало всю массу лагерников о ходе соревнования. Соревнование проводилось между 23 августа и 11 сентября 1932 г. Штабы «О»¹ проводили соревнование между лагерными пунктами на звание «ударный лагпункт», штабы «Л»² в свою очередь организовывали соревнование на звание «ударное сооружение» (шлюз, плотина и пр.). Одновременно проводилось соревнование между отдельными трудовыми объединениями и бригадами на звание «образцовый трудовой коллектив» и «образцовая ударная бригада». В это же время в целях поднятия материально-бытового положения лагерников было организовано соревнование на лучшую кухню и лучшего повара.

Для того, чтобы привлечь большее внимание к соревнованию и придать ему большее значение, 22 августа 1932 г., в день отдыха, в Беломорско-Балтийском лагере было проведено общелагерное гулянье, с участием всех имеющихся художественных сил. Агитбригады и живые газеты посвятили в этот день свои выступления вопросам проводящегося соревнования за красное знамя центрального штаба по соревнованию и ударничеству.

Насколько велики были требования конкурса по соревнованию, можно судить хотя бы по условиям конкурса на звание «ударный образцовый коллектив». Наряду с требованием выполнения целого ряда производственных показателей — в среднем не ниже 150% выработки нормы при образцовом качестве работы, в условиях конкурса имеется ряд дополнительных пунктов. Так, например, пункт 10 — «Сбережение здоровья каждым членом трудового коллектива», отсюда — «меньшее число заболеваний и невыходов на работу по болезни»; пункт 16 — «Наличие в трудколлективе рационализаторских предложений»; пункт 17 — «Полное изжитие пьянства, картежной игры, хулиганства, драк, воровства»; пункт 18 — «Стопроцентный охват обучением неграмотных и малограмотных»; пункт 19 — «Максимальное обучение профтехническим знаниям (профтехобразование)».

Непременным условием для получения первенства в конкурсе на образцовый трудовой коллектив являются лучшие показатели по линии культурно-массовой и воспитательно-бытовой работы. В условиях конкурса на звание «ударное сооружение», наряду с

¹ Штаб соревнования и ударничества отделения лагеря.

² Штаб соревнования и ударничества лагерного пункта.

производственными требованиями, интересны такие требования, как заключающиеся в пункте 9 условий конкурса — «На каком из сооружений будет лучше поставлена техника безопасности и меньше будет несчастных случаев»; п. 10 — «На каком из сооружений будет меньше травматических заболеваний»; п. 16 — «На сооружении должна быть доска с ежедневными показателями: а) сколько осталось дней до сдачи сооружения, б) что осталось сделать на сооружении, в) сколько и какие бригады сделали вчера, г) что каждая бригада должна сделать сегодня».

Все это показывает, что уже на строительстве Беломорско-Балтийского канала была учтена практика соревнования и ударничества по другим лагерям, и соревнование и ударничество внедрились не только в производство, но и в культурно-воспитательную работу и весь быт лагеря.

2. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ И ФОРМЫ ПРОВЕДЕНИЯ СОРЕВНОВАНИЯ И УДАРНИЧЕСТВА В ДМИТРОВСКОМ ЛАГЕРЕ НКВД

При начале работ по строительству канала Москва — Волга и, в частности, при разворачивании работы Дмитровского лагеря, т. е. с сентября месяца 1932 г., можно было уже опереться на широкий опыт, выработавшийся в лагерях по организации соревнования и ударничества. Приведенные материалы по Соловецким лагерям и Беломорско-Балтийскому каналу помогают охарактеризовать основные принципы организации и стимулирования соревнования и ударничества в лагерях. Эти принципы требуют четкой и твердой системы организации соревнования и ударничества, соединяющей неразрывно твердость чекистского руководства с широчайшей инициативой и участием в руководстве соревнованием самих лагерников. Эти принципы требуют включения в систему показателей соревнования и ударничества всех основных моментов, характерных для перековки. А этими основными моментами являются показатели работы на производстве, в области дисциплины и культурно-воспитательной работы. Эти принципы требуют далее, чтобы соревнование и ударничество было укреплено и непосредственно связано со всей системой поощрений и льгот, применяемой в лагерях так, чтобы эти льготы и поощрения, стимулируя соревнование и ударничество, сами являлись необходимым и двигающим вперед всю массу лагерников в в о д о м из этого соревнования и ударничества.

В Дмитровском лагере была выработана широкая и твердая, но в то же время гибкая система организационных форм соревнования и ударничества. Конечно, на первых порах, не обошлось без ряда трудностей и ошибок.

Для руководства соревнованием и ударничеством в Дмитровском лагере были созданы штабы от центрального вселагерного до штаба лагерного пункта. Центральный штаб руководит соревнованием и ударничеством по всему лагерю; штабы «Р» организуют соревнование и ударничество в пределах района; штабы «Л» проводят это соревнование внутри лагерных подразделений, каковыми являются лагерные пункты...

В состав штаба лагерного пункта, кроме лагерной администрации, входят старший воспитатель и представители по одному — от трудколлективов и от ударных бригад. В помощь штабу «Л» в каждом лагерном пункте при основных работах организуются штабы предприятий «Л», состоящие из старшего прораба предприятия, являющегося председателем штаба «П», представителя от инженерно-технических работников, воспитателя и двух представителей от трудового коллектива и ударных бригад. Штабы «П» созданы для проведения лучшего учета как ударных бригад, так и отдельных ударных предприятий. Они должны следить за своевременностью премирования и поощрения, в каких бы оно формах ни выражалось.

Кроме того, штабы отдельных предприятий ведут систематическую борьбу с возможными проявлениями бюрократизма и следят за правильностью проведения премирования лучших ударников. Штабы организуют осведомление всех заключенных о результатах по соревнованию и ударничеству, привлекая внимание как к случаям действительно ударного отношения к работе, так и к разоблачению лжеударников, лодырей, отказчиков от работы. Для изучения отрицательных явлений в области соревнования и ударничества штабы проводят прикрепление лучших ударников к худшим лагерникам в целях их индивидуальной обработки и широко пропагандируют случаи исправления.

Низовое звено в цепи организаций, возглавляющих соревнование и ударничество в лагере, представляет собой тройка, которая руководит соревнованием и ударничеством внутри отдельных бригад. Одной из задач тройки является организация хозяйственного расчета в бригаде. Тройка ведет работу по проведению максимальной экономии, не отражающейся на качестве работы и не вызывающей увеличения рабочего дня или отказа от дней отдыха. Тройка вовлекает актив лагерников в производственные совещания, организует соревнование с другими бригадами, наблюдает за тем, чтобы бригады не перебрасывались с одного участка на другой, создает ячейки по рационализации и изобретательству и следит за реализацией рабочих предложений. В обязанности тройки входят ежедневное оповещение бригады о ре-

зультатах рабочего дня, борьба с отставанием и лодырничаньем и применение мер общественного воздействия к тем, кто срывает выполнение производственного плана. Кроме того, тройка ведет систематическую работу по улучшению материально-бытового положения бригады и проводит культурно-воспитательную работу, помогая воспитателю создать актив и наладить учебу.

Организационные принципы соревнования и ударничества родились в лагерях не сразу. Они явились итогом борьбы за улучшение соревнования, итогом ряда опытов. Этот опыт потребовал, чтобы вся работа по организации соревнования и ударничества была пропитана принципом коллективности, связана с массой лагерников и опиралась на инициативу этой массы.

В резолюции, принятой на совещании начальников культурно-воспитательных частей Дмитровского лагеря 1 марта 1933 г., было отмечено, что «штабы работают без привлечения в них самой массы — лучших ударников... Меры поощрения для лучших ударников в достаточной мере не используются. Культвоспитработники не четки в вопросах выделения лучших от худших». В связи с этим то же совещание постановило: «Углубить работу штаба по соревнованию и ударничеству, приблизить ее к низам, привлечь в штабы лучших ударников. Не ограничиваться только вынесением резолюций, а вести строгий контроль выполнения принятых постановлений и наладить живую связь с бригадами».

После этого совещания, в результате принятых мер, работа штабов значительно улучшилась, как в смысле более тщательного отбора лучших и худших, так и в смысле большего вовлечения в работу штабов самих ударников из числа заключенных. Были введены заседания штабов с привлечением делегатов с мест. Тем самым лагерный актив был более широко вовлечен в обсуждение итогов соревнования и ударничества, в выявление действительных ударников и вскрытие имеющих место случаев лжеударничества.

Так, например, 10 января 1934 г. в 5 отделении Дмитровского исправительно-трудового лагеря было проведено расширенное заседание штаба «О» с привлечением делегатов с мест. На этом заседании штаба выводились результаты работы лагерных пунктов отделения за первую декаду января, и после обсуждения этих итогов, в котором приняли участие делегаты, т. е. сами лагерники, было присуждено переходящее красное знамя лучшему из лагерных пунктов¹.

Точно также на I участке Северного района Дмитровского лагеря 6 марта 1934 г. было проведено, совместно с ударниками, заседание участкового штаба по соревнованию и ударничеству. На этом заседании рассматривались вопросы:

¹ Газета «Пересковка» 5 отделения Дмитлага от 18 января 1934 г.

1) о ходе и итогах штурма перемычки (основного сооружения в то время на первом участке Северного района) в первую пятидневку марта и

2) обсуждение показателей работы отдельных бригад, — на основе которого было присуждено звание I сектора I участка бригаде Денисова и записаны на красную доску бригадиры Денисов, Круглов и Гуца на всю вторую пятидневку мартовского штурма. На этом собрании выступали ударники, которые, рассказывая о своей работе, одновременно указывали на необходимость устранения ряда дефектов в организации производства и быта. Все присутствовавшие на собрании ударники, совместно с штабом, вынесли решение о вызове на соревнование отряда ударников, присланного из Центрального района для помощи скорейшему сооружению перемычки. Тут же было установлено, что итоги этого соревнования должны проверяться через каждые 10 дней. Одновременно всем составом собрания была принята телефонограмма на имя руководства лагерем, в которой ударники заверяли руководство: «Дружными усилиями мы добьемся того, что за вторую пятидневку наш штурм даст более высокие темпы и такие показатели, которые дадут нам полное право сказать, что задача, данная чекистским руководством, будет безусловно выполнена. Перемычка будет построена досрочно». Эта телефонограмма была подписана президиумом собрания, в который вошли не только члены штаба соревнования и ударничества, но и лучшие представители ударников, собравшихся на заседание штаба.

В результате проведенной штабами соревнования и ударничества работы по привлечению к их повседневной деятельности лагерного актива в лице лучших ударников, была значительно улучшена и расширена работа по внедрению соревнования и ударничества в массу заключенных. Кроме того, вовлечение лагерной общественности в работу штабов почти целиком исключило возможность формального обсуждения результатов соревнования и ударничества и присуждения звания лучших только на основании данных бумажного учета. В ряде случаев именно сами лагерники, присутствуя на заседаниях штабов, помогали правильному освещению поведения на производстве и в быту отдельных заключенных. Тем самым значительно поднималось качество работы штабов, направляющих соревнование и ударничество.

В феврале 1934 г., в связи с районированием строительства и реорганизацией лагеря были уничтожены отделения и созданы районы и участки. Соответственно этому были реорганизованы штабы соревнования и ударничества. Штабы отделений были заменены штабами районов. Штабы соревнования и ударничества превратились в центры, руководящие всеми проявлениями инициативы заключенных и всеми видами их самодеятельности — санитарных троек, хозяйственно-бытовых комиссий, консультационных бюро и пр. Для поднятия авторитета штабов им бы-

ло вменено в обязанность давать характеристики на лагерников при кампаниях по зачету рабочих дней, а также при применении других льгот. Тем самым, характеристика, даваемая штабом на заключенного, превращалась в документ, на основе которого к лагерникам могли применяться поощрения и льготы во всех тех формах, которые имеют место в лагерях.

Для большей непосредственной связи с самими массами заключенных было произведено своеобразное разукрупнение руководства соревнованием и ударничеством в лагере. Центральный штаб соревнования и ударничества был ликвидирован, и вся работа сосредоточилась в районных и участковых штабах, опирающихся в своей работе на создаваемые в трудовых объединениях тройки.

Приказом № 29 по Управлению строительства Москва — Волга и Дмитровскому лагерю от 4 февраля 1934 г. были установлены основные задачи штабов соревнования и ударничества: «а) использование активности и инициативы заключенных в целях вовлечения их в коллективные формы труда; б) укрепление лагерной и трудовой дисциплины; в) улучшение культурно-бытовых условий лагеря; г) достижение высоких темпов на производстве; д) способствование быстрейшему воспитанию и исправлению заключенных».

В соответствии с тем, что соревнование и ударничество являются делом самой лагерной массы, районные и участковые штабы созданы на основе выборного начала. В трудовых объединениях тройки по соревнованию и ударничеству избираются на общих собраниях этих организаций. Участковые штабы избираются на участковых конференциях, состоящих из представителей трудовых организаций лагеря. Количество членов штаба изменяется, в зависимости от численного состава лагерников на данном участке, с расчетом — 1 член штаба на 300 лагерников. Районный штаб избирается на районной конференции, происходящей один раз в три месяца, и состав районного штаба также определяется количеством заключенных, объединенных районом, с нормой — 1 член штаба на 1000 заключенных. Норма представительства на участковую конференцию — один делегат на 50 заключенных и на районную — один делегат на 500 заключенных. На участковых конференциях имеет право решающего голоса весь административно-технический персонал.

Выборы как на участковую, так и на районную конференцию проводятся под руководством культурно-воспитательного аппарата и советов трудовых объединений. При этом каждая трудовая организация на общем собрании прорабатывает и утверждает наказ своим делегатам. Однако, активным и пассивным избирательным правом пользуются лишь те заключенные, которые являются ударниками, выполняют не менее 100% производственных норм, не имеют административных взысканий за нарушение

лагерного режима и непременно участвуют в культурно-воспитательной работе. Избранные в штабы заключенные, за отставание в дальнейшем на производстве или нарушение лагерной дисциплины, исключаются из состава штабов.

Исключению из состава штаба подлежат также те, кто является представителем трудового объединения, не выполнившего своего месячного производственного плана. Следовательно, сам состав штаба определяет собой авторитетность этой организации, поддерживаемую тем, что в штабах сосредоточиваются действительно лучшие представители ударников из среды заключенных. Низовые организации по соревнованию и ударничеству трудовых объединений ведут систематический учет ударников своего объединения, «...отмечая, все положительные и отрицательные моменты в работе и в быту каждого ударника»¹.

Тройки по соревнованию и ударничеству ведут учет и контроль по выполнению как индивидуальных, так и коллективных договоров своего трудового объединения и представляют сведения в штаб участка, который присуждает премии лучшим ударникам и лучшим коллективам. Участковый штаб ведет индивидуальный учет лучших ударников своего участка и лучших ударных трудовых организаций не только по линии производственной, но и по линии культурно-бытовой и общественной. Эти материалы штаб участка направляет в штаб района, который обязан вести учет лучших ударников и лучших трудовых объединений района, налаживать и контролировать соревнование между участками, входящими в район. Районный штаб, в свою очередь, направляет эти материалы в культурно-воспитательный отдел Дмитровского лагеря. Работа всех штабов по соревнованию и ударничеству проводится при непосредственном участии и под руководством культурно-воспитательного аппарата лагерей.

Для поднятия трудоспособности и правильного проведения работы участковых штабов, их председатели назначаются администрацией (начальником района). Председатели районных штабов назначаются непосредственно начальником лагеря. Для улучшения работы штабов, в порядке общественной работы, к ним прикрепляются через профессиональные органы консультанты — врач, юрист, инженер, работающий на производстве, и представитель отдела снабжения. Общелагерное красное знамя присуждается ежемесячно лучшему району на объединенном заседании представителей районных штабов, под председательством заместителя начальника Дмитровского лагеря. На членов штабов специальным приказом возлагается обязанность:

«а) быть ударниками на производстве и примерными в быту;

¹ Положение о порядке выборов, нормах представительства и отчетности штабов трудового соревнования и ударничества в Дмитровском лагере НКВД.

б) активно участвовать во всей общественной и культурной жизни лагеря;

в) бороться с лжеударничеством, лодырями, симулянтами, нарушителями лагерной дисциплины;

г) всеми мерами добиваться, чтобы лагерник был во время накормлен, одет, обут, чтобы во время получал премиальное вознаграждение и зачет рабочих дней»¹.

3. ЛЬГОТЫ И ПОощРЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С СОРЕВНОВАНИЕМ И УДАРНИЧЕСТВОМ

Для лучшего учета ударников и для того, чтобы каждый ударник чувствовал, что его ударная работа систематически отмечается и не проходит безрезультатно, с 1 января 1934 г. была введена книжка ударника строительства канала Москва — Волга. В ней систематически отмечается выполнение ударником производственных норм, участие его в культурно-просветительной работе и применение к нему зачета рабочих дней.

Выдача книжки сопровождалась проводившимся культурно-воспитательным аппаратом и выборными организациями трудовых объединений широким разъяснением значения и преимуществ, предоставляемых лагерникам в результате получения книжки. Книжки выдавались на общих собраниях лагерников, и тем самым выдача книжек превращалась в культурно-воспитательную кампанию. Ударную книжку получал только тот лагерник, в отношении которого имелось специальное постановление районного штаба или штаба участка по соревнованию и ударничеству, который регулярно перевыполняет производственную норму, т. е. вырабатывает не менее 110% нормы, участвует в общественной и культурно-массовой работе, а также не нарушает лагерного распорядка.

Книжка ударника, являясь почетным документом, отмечавшим лучшего лагерника, в то же время предоставляет получившему такую книжку лагернику право на льготы и досрочное освобождение. Введение этих книжек является еще одним из средств для изжития и полной ликвидации обезлички, одним из стимулов ударной работы заключенных. Следовательно, эта форма поощрения, способствуя поднятию производительности труда, является в то же время значительным орудием перевоспитания заключенного.

¹ Объединенный приказ Управления строительства Москва — Волга и Управления Дмитровского лагеря № 29 от 4 февраля 1934 г.

Прибытие делегатов-лагерников на слет ударников в г. Дмитров

Слет ударников Южного района

Развитие соревнования и ударничества внутри лагеря строится на проявлении добровольной инициативы самих лагерников. Само собой понятно, что эта инициатива не идет самотеком, а создается на основе предварительной разъяснительно-воспитательной работы с лагерной массой. Большое значение, в особенности на первых порах, имеет и материальная заинтересованность. Зачастую по приходе в лагерь заключенный, если не сопротивляется активно, то выражает свое сопротивление лагерю в пассивной форме. Если заключенный не решается на активный протест в форме полного отказа от работы, то не редки случаи, когда этот протест выражается в пассивной форме, выливающейся в формальное отношение к порученной работе, в желание создать видимость работы вместо действительной работы. Лишь постепенно участие в производительном труде и вовлечение в общественную работу создают перелом в настроении этой части лагерников, подводя их к сознательному отношению к труду и ко всем возложенным на них обязанностям.

Включение в производственный процесс и подчинение дисциплине в первое время базируются прежде всего на личной заинтересованности отдельного лагерника и коллектива в улучшении материально-бытовых условий и в получении льгот во всех многообразных формах, применяющихся в лагерях.

Этому служит проведенная в лагерях со всей полнотой ликвидация уравниловки и строгая дифференциация в области материально-бытовых условий заключенного. Ухудшение или улучшение материально-бытового положения каждого лагерника зависит целиком от него самого. В строгой зависимости и в соответствии с производственными показателями и поведением в быту лагерник, получает питание, обеспечивается жильем, одеждой, бельем, баней и пр. Различное питание, получаемое заключенными, в соответствии с тщательно разработанными дифференцированными нормами довольствия, служит немаловажным стимулом для поднятия производительности труда.

Правильное сочетание обязанностей и прав вырабатывает у лагерника сознание чувства ответственности за порученную работу. Лагерник начинает ощущать, что по мере улучшения выполнения своей основной обязанности — обязанности честно и сознательно трудиться, что требуется от любого гражданина Советского союза, увеличивается его право на лучшие материально-бытовые условия. Точно также всякого рода льготы и поощрения — зачет рабочих дней, досрочное освобождение, отпуска, свидания с родными, отдых в санитарном городке, представляющем собой своеобразный дом отдыха в условиях лагеря, все это зависит от ударной работы на производстве, поведения в быту, т. е. от сознательного подчинения лагерной дисциплине и участия заключенного в общественной культурно-воспитательной работе.

Ставка на материальную заинтересованность лагерника есть лишь первоначальный момент в процессе перевоспитания, который подготовляет следующий этап, заключающийся в приобретении лагерником чувства ответственности за порученную работу, в осознании лагерником всех своих обязанностей.

В простейшей форме, ставка на материальную заинтересованность выступает в организации дифференцированного снабжения, в частности, питания. Здесь наиболее непосредственно и быстро лагерник убеждается в том, что льготы и поощрения за добросовестный труд — это реальная вещь, целиком зависящая от его собственных усилий. Уже в самом начале возникновения лагерей был выдвинут твердый принцип, заключающийся в том, что в лагерях, как и во всей советской стране, не может поощряться дармоедство. Если всякий, несовершенство которого преступления, получает в меру своего труда, если советская конституция, говоря словами Ленина, провозглашает принцип: «не трудящийся, да не ест», то нет никаких оснований ставить преступников в привилегированное положение. Конечно, в лагерях особые условия, и отказчиков от работы невозможно лишить всякого питания, предоставив умирать от голода. Но, питание отказчиков резко отличается от питания честно работающих заключенных.

Насколько дифференцировано питание, можно судить хотя бы по установленным приказом № 9 по Управлению Дмитровского лагеря от 11 января 1934 г. нормам выдачи хлеба по котловому и ларьковому довольствию. При выработке производственных норм до 79% по усиленной норме (на особо тяжелых работах) лагернику выдается 600 г. хлеба в день; при выработке от 80 до 99% — 700 г; при выработке от 100 до 109% — 800 г и право получения дополнительно в ларьке 100 г; при выработке от 110 до 124% — 800 г и право получения в ларьке 200 г; при выработке от 125% и выше — 1000 г и право получения в ларьке 200 г; при выработке 125% и выше на земляных работах на трассе канала — 1000 г и право на дополнительное получение в ларьке 300 г. (см. таб. 1 и 2 на стр. 165).

Точно так же в соответствии с нормами выработки установлены 3 вида котлового довольствия; первый котел для лагерников, вырабатывающих до 99% нормы, второй котел — от 100% до 120%, третий котел — от 120% и выше. Для всех этих котлов установлены различные нормы по всем продуктам. Кроме того, заключенным, вырабатывающим 100% и выше, выдается премиальное блюдо, опять-таки в зависимости от производственных показателей каждого заключенного. Право на получение продуктов и предметов широкого потребления из ларька также вытекает из производственных показателей каждого лагерника и увеличивается в соответствии с увеличением нормы выработки.

Таблица 1

Дифференцированные нормы котлового довольствия

Продукты	К о т л ы			
	1	2	3	4
Мука	10	10	10	10
Крупа	80	105	130	35
Мясо	85	100	130	—
Рыба	180	240	800	45
Масло растительное	12	15	20	05
Соль	20	20	20	20
Томат	5	5	5	5
Перец	02	02	02	02
Лавровый лист	02	02	02	02
Картофель	285	360	400	230
Капуста	145	182	200	116
Морковь	10	13	13	8
Огурцы	40	50	55	30
Свекла	10	13	13	8
Лук	10	12	14	8

Таблица 2

Хлеб

(ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЕ НОРМЫ)

УСИЛЕННЫЕ		ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ	
До 79%	600 г.	До 99%	600 г.
От 80 до 99%	700 „	От 100 до 125%	700 „
От 100 до 109%	900 „	Основной	500 „
От 110 до 124%	1 000 „	Штрафной	300 „
125% и выше	1 200 „		
125% и выше на трассе	1 300 „		

Дифференциация питания, пожалуй, еще более наглядно чувствуется, если взять не общие нормы выдаваемых продуктов — «пайка», как это носит название по лагерной терминологии, а конкретное оформление этого «пайка». Интересно поэтому посмотреть, как выглядит «меню» в лагерях. Образцом может служить хотя бы материал по 1 участку Северного района Дмитровского лагеря.

Меню на 11 марта 1934 г. в кухне № 3

3-го сектора

Г: Котел № 3 рекордный 370 человек

О Б Е Д.

1. Суп мясной

2. Картоф. котлеты

3. Порция мяса

Премияльное блюдо—каша пшенная

II. Котел № 2, усиленный,—1661 человек

О Б Е Д.	1. Щи мясные
	2. Мясо порц.
	3. Отварн. рыба
Премияльное блюдо—	каша пшенная

III. Котел № 1,— 232 человека

О Б Е Д.	1. Щи мясные
	2. Отварн. рыба

Питанием из котла № 1 пользовались на участке заключенные, выработывавшие до 100% нормы. Из котла № 2 получали питание заключенные, перевыполнявшие свой производственный план, и, в зависимости от процента перевыполнения, они имели право на премиальное блюдо. Котел № 3 обслуживал только тех лагерников, которые дали рекордное перевыполнение плана. Четвертый котел предназначен для штрафников и отказчиков, но в указанный день на 1 участке было всего 6 отказчиков, вследствие чего для них специально не готовилось и они пользовались питанием из котла № 1.

Следующим видом поощрений и льгот, укрепляющим ударничество и соревнование, является зачет рабочих дней, получающий свое конечное завершение в досрочном освобождении.

Зачет рабочих дней сокращает срок лишения свободы и тем самым приводит к досрочному освобождению. На первых порах зачет рабочих дней рассматривается лагерниками лишь как средство поскорей избавиться от ненавистного сначала лагеря. Однако по мере втягивания в работу, происходящего хотя бы по указанным соображениям, у большинства заключенных наступает рано или поздно перелом в сознании, перелом в оценке этой же самой льготы. Гонка за перевыполнением нормы под влиянием коллектива, под влиянием культурно-воспитательной работы постепенно перерастает в настоящее соревнование и ударничество. Зачет рабочих дней понимается лагерником уже не только как путь к свободе, но и как путь, ведущий его на свободу реабилитированным — досрочно освобожденным, может быть, с значком ударника строительства.

Поэтому, зачет рабочих дней, в отличие от дифференцированного питания, начинает применяться в лагерях не сразу, не с самого первого шага по втягиванию в работу, для которого наиболее эффективной является более примитивная форма непосредственной материальной заинтересованности — дифференцированное снабжение.

Лагерники имеют право на зачет рабочих дней лишь по истечении трех месяцев пребывания в лагере. Эти первые три месяца каждый заключенный всесторонне изучается и проверяется лагерным активом, культурно-воспитательным аппаратом и

администрацией лагеря. Зачет рабочих дней применяется к каждому лагернику вне зависимости от срока лишения свободы.

Условиями, дающими право на зачет рабочих дней, являются:

а) выполнение или перевыполнение производственных трудовых заданий;

б) отсутствие нарушения лагерного распорядка и подчинение лагерной дисциплине и

в) участие в общественной работе и вовлечение в культурно-воспитательную работу.

Только выполнение всех этих условий дает право на получение зачета рабочих дней.

Зачет рабочих дней в лагере проводится так же дифференцированно. Существуют четыре основных формы зачета:

1) в случаях признания работы сверхударной зачитывается один день работы в лагере за два дня срока лишения свободы;

2) при ударном труде тех из заключенных, которые до осуждения и направления в лагерь являлись трудящимися, не эксплуатировавшими чужого труда и не лишавшимися избирательных прав, — зачитываются два дня работы за три дня срока;

3) за простое выполнение норм работы лагерниками из среды трудящихся и за ударную работу, проводящуюся в лагере бывшим нетрудовым элементом зачет производится из расчета три дня работы за четыре дня срока и

4) за простое выполнение производственных норм лагерниками из нетрудового элемента — зачет производится из расчета четырех дней работы лагерника за пять дней срока лишения свободы.

Для применения этой четвертой формы зачета не требуется активного участия в общественной и культурно-воспитательной работе, для всех же остальных это требование обязательно. Следует отметить особо, что сверхударный зачет рабочих дней применяется к наиболее отличившимся лагерникам в виде чрезвычайного поощрения и при обязательном участии в общественной жизни лагеря.

Зачет рабочих дней не проводится механически и кабинетным порядком. Вокруг кампании по зачету рабочих дней проводится широкая разъяснительная работа с привлечением всей лагерной общественности. Зачет рабочих дней каждому лагернику предварительно обсуждается на заседаниях аттестационных комиссий, в работах которых принимают участие сами заключенные. Для этого заседания аттестационных комиссий проводятся в клубах, красных уголках или в бараках. Решения комиссии становятся тем самым достоянием всех заключенных, которые могут высказать свои соображения при обсуждении правильности применения зачета рабочих дней к тому или иному заключенному. Этим путем достигается также невозможность обвинений ад-

министрации в предоставлении льгот лицам, не имеющим на то оснований. Лагерники своим непосредственным участием в работе аттестационных комиссий убеждаются в отсутствии протекционизма. Известно, что в капиталистических тюрьмах также имеется система поощрений, но сводится она к тому, что поощряется льготами лишь тот заключенный, который лыстит и угождает начальству. Поскольку сами лагерники принимают участие в обсуждении применения льгот к каждому заключенному,— протекционизм, основанный на пристрастии администрации к заключенному, целиком устраняется.

Это играет, в свою очередь, весьма значительную роль в деле внедрения в сознание лагерника того, что его положение зависит целиком от его собственного поведения. Во время зачетной кампании развертывается во всю ширь имеющая большое значение в лагерях самокритика. Сами лагерники обсуждают положительные и отрицательные явления, способствующие или мешающие заключенным в их работе и в их переделке. Так, во время зачетной кампании, проводившейся в апреле 1934 г. в Истринском районе Дмитровского лагеря, заключенные вскрыли перед аттестационной комиссией тот факт, что нарядчик Павосокин систематически воровал хлеб и обирал тем самым заключенных, используя для этого свое служебное положение. Тогда же были установлены случаи нарушения лагерной дисциплины со стороны десятника Литвинчука. На основании этих, проверенных комиссией фактов, оба они — Павосокин и Литвинчук — были лишены зачета рабочих дней¹.

На собрании лагерников, посвященном зачету рабочих дней, выявляется, на основе высказываний присутствующих, истинное лицо каждого из заключенных и то, как перевоспитывается данный лагерник. Зачетная кампания проводится поквартально и, следовательно, ее материалы могут служить показателем процесса перевоспитания не только всей массы, но и любого из лагерников, тем более что каждая характеристика является результатом тщательной коллективной проверки.

Нередки случаи, когда на основе прений, в которых принимали горячее участие лагерники, аттестационная комиссия приходит к заключению, что имевшиеся прежде сведения в отношении отдельных лагерников об их ударной или плохой работе не соответствуют действительности. На основании этого комиссия изменяет предварительно составленную характеристику и устанавливает, кто из заключенных является подлинным ударником и кто — лжеударником. Иногда именно при зачете рабочих дней выясняется, что тот, кто систематически не выполнял производственной нормы, является тем не менее действительным ударником, так как работает очень добросовестно и не выполняет норм

¹ См. газету «Перековка» Дмитровского лагеря от 26 апреля 1934 г.

исключительно благодаря состоянию своего здоровья. В таких случаях выявляется плохая работа лиц, которые обязаны учитывать все данные при определении нормы отдельному лагернику, но отнеслись формально к возложенным на них обязанностям и тем самым создали у этого заключенного чувство безнадежности и бессмысленности своей работы. Этот лагерник, при максимально добросовестном отношении к работе, в связи с систематическим невыполнением производственных норм считался лодырем и получал уменьшенный паек, в результате чего плохое моральное состояние дополнялось ухудшенным материальным положением. Выяснив такого рода факты, вскрывающие недостаточно внимательное и чуткое отношение со стороны отдельных представителей лагерной администрации или младшего командного состава из самих заключенных к выполнению своих прямых обязанностей, аттестационные комиссии тут же на месте принимают все меры к устранению недочетов. В частности в таких случаях тот заключенный, который ранее считался отстающим, объявляется ударником, а нарядчик, назначивший ему неправильную норму, лишается зачета рабочих дней и обычно снимается с занимаемой им должности.

Зачетная кампания является реальным орудием воздействия на всю массу лагерников. Лагерники, не получающие зачета, вследствие своей плохой работы или отсутствия дисциплины, после проведения зачетной кампании начинают значительно подтягиваться. Этому способствует также публичность обсуждения. Кроме того во время зачетной кампании всем заключенным еще раз широко и в самой популярной форме разъясняются те выгоды, которые влечет за собой зачет рабочих дней. Для той части заключенных, которые имеют небольшие сроки заключения, зачет имеет реальное значение для более быстрого освобождения, так как он сокращает срок заключения. Для тех же лагерников, которые осуждены на длительные сроки, зачет играет большую роль не только как непосредственное сокращение срока, но и как предпосылка для последующих льгот — досрочного освобождения при окончании строительства и пр.

При зачете рабочих дней материальная заинтересованность лагерника сочетается с заинтересованностью в результатах своего труда. Отнюдь не редки случаи, когда для лагерника зачет или незачет рабочих дней становится делом его чести.

При всем значении зачетной кампании ей долгое время уделялось недостаточное внимание. Еще в апреле 1934 г., т. е. во время зачетной кампании за первый квартал 1934 г., отнюдь не весь культурно-воспитательный аппарат и администрация лагеря мобилизовали себя в должной мере на проведение этой работы. Так, например, в Центральном районе Дмитровского лагеря 31 марта 1934 г., т. е. почти за день до начала зачетной кампании, было констатировано: «до сих пор постановка дела зачетов ра-

бочих дней продолжает желать много лучшего. Сплошь и рядом наблюдались такие случаи, когда дневальный проходил по характеристике за ударника-землекопа, получая ударный зачет, а действительный ударник оказывался без зачета»¹. Точно так же, в Хлебниковском районе Дмитровского лагеря не было проведено настоящей подготовительной работы. «Зачет рабочих дней есть один из видов льгот, даваемых лагернику за ударную работу. Но на участках этой важнейшей работе, сокращающей для лагерника срок изоляции и являющейся могучим стимулом повышения производительности труда, не уделялось необходимого внимания... Много характеристик писалось по одному образцу, шаблонно, в общих фразах, не дающих, в сущности, никакой оценки работы ударника и его поведения»².

Такого рода факты говорят о том, что еще не вся лагерная администрация и не весь культурно-воспитательный аппарат усвоили значение и роль зачетной кампании. Плохое или неправильное проведение зачетной кампании влечет за собой самые вредные последствия и очень скверно действует на настроение лагерной массы. В таких случаях зачетная кампания достигает диаметрально-противоположного результата и вместо подъема настроения приводит к созданию самых нездоровых настроений, вызванных невнимательным и нечутким подходом к лагернику. Плохое проведение кампаний зачета рабочих дней имеет своей причиной то, что сама масса лагерников недостаточно привлекается к обсуждению характеристик, даваемых во время зачета рабочих дней. Кроме того, со стороны лагерников естественно будет бойкотироваться работа по зачету рабочих дней на тех участках, где имеются факты неправильного применения зачета.

Поэтому во всех случаях, когда лагерники обращаются с указаниями на отдельные недостатки в работе по зачетной кампании, руководство лагеря немедленно откликается и принимает все меры к быстрейшему налаживанию деятельности аттестационных комиссий.

Известен ряд случаев, когда лагерники, встречая неправильное отношение к себе со стороны местной администрации лагеря, помещали в газетах, районной или общелагерной, заметки с указанием тех, кто нарушает добытые ударным трудом права отдельного лагерника или коллектива. Руководство лагеря с большим вниманием относится к такого рода замечаниям и немедленно проверяет, насколько они соответствуют действительности. В случае подтверждения фактов, изложенных в заметке, виновный вне зависимости от его положения подвергается вызсканию, с оповещением всей лагерной массы о результатах расследования и принятых мероприятиях.

¹ Газета «Перековка» Центрального района от 31 марта 1934 г.

² Газета «Перековка» Хлебниковского района от 22 марта 1934 г.

Уголок выставки художественных работ лагерников

Бригада из тридцатипятников, выполняющая производственный план на 138% (Хлебниковский район, 1934 г.)

Синица — ударник-токарь
Восточного района

Плисцин Ф. С. — ударник-токарь механической мастерской Северного района

Следовательно зачетная кампания, как и другие меры по льготам и поощрению, только тогда дает положительный эффект, когда это проводится с самым большим вниманием на основе строго индивидуализированного подхода. Всякие отклонения от правильного и справедливого решения самого незначительного случая неизбежно влекут за собой общий подрыв авторитета и отсутствие веры в непреклонность исполнения даваемых руководством лагеря обещаний. А из этих обещаний основным является правильная оценка поведения и работы каждого заключенного в лагере. На этом вопросе следует еще более заострить внимание работников лагерей.

Вопрос о применении льгот и поощрений заключенным не является окончательно разрешенным не только практически, но и теоретически.

Наиболее резко это выступает при анализе возможности применения досрочного освобождения из лагеря.

Статья 56 Уголовного кодекса РСФСР в части, касающейся досрочного освобождения из лагеря, гласит: «В отношении отбывающих лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях условно-досрочное освобождение применяется в форме перевода осужденного на поселение в районе данного лагеря на неотбытый срок». Практика же лагерей НКВД пошла значительно дальше. Достаточно указать хотя бы на пример строительства Беломорско-Балтийского канала, по окончании которого было применено досрочное освобождение без дальнейшего обязательного поселения освобождавшихся в районе Беломорско-Балтийского лагеря. Этот пример не является исключением. Такое же досрочное освобождение имеет место и в других лагерях НКВД. Учитывается степень перековки каждого заключенного при применении к нему досрочного освобождения, являющегося по общему правилу результатом зачета рабочих дней. Таким образом вопрос о досрочном освобождении из лагерей еще не получил единого решения.

Следует отметить, что вопрос о возможности применения различных льгот не нашел разрешения и по линии теоретической, так как ему не уделялось еще достаточного внимания. Особенно сильно сказывается этот пробел в том случае, когда применение льгот касается классово враждебных элементов. Некоторыми практическими работниками подавление в отношении классового врага понималось таким образом, что каждый отдельный представитель классово враждебных элементов должен подвергаться в наших пенитенциарных учреждениях множеству мелких ущемлений и ухудшенному режиму.

Нет достаточной ясности и в теоретических высказываниях о содержании и значении режима в пенитенциарных учреждениях. В наиболее яркой форме эти высказывания, едва ли не впервые,

имеются в недавно вышедшей работе Института уголовной и исправительно-трудовой политики при Прокуратуре СССР и НКЮ РСФСР, в сборнике «От тюрем к воспитательным учреждениям».

Вопрос о режиме трактуется в этой работе в специальной статье под названием «Режим», автором которой является Б. Утевский. В этой статье автор пишет: «В советских республиках режим является методом воспитания к дисциплине, методом социального приспособления неустойчивых элементов из среды трудящихся, методом переделки человека и создания в нем таких отношений к труду, к коллективу, которые дадут ему возможность по выходе на свободу встать в ряды сознательных и активных строителей бесклассового общества. В отношении классовых врагов, не отказываясь от задачи «исправления исправимых», режим является вместе с тем одним из методов, при помощи которого реально осуществляется задача подавления сопротивления классово враждебных элементов»¹.

На первый взгляд это утверждение Утевского не вызывает никаких сомнений. Однако, если обратиться к тому, что считает автор содержанием режима и основным в нем, то возникают основательные сомнения в непогрешимости этого утверждения. В разделе, озаглавленном «Содержание режима в буржуазных тюрьмах и в местах лишения свободы СССР», автор останавливается «...на основных вопросах режима: передвижении лишенных свободы внутри мест лишения свободы, свиданиях, передачах, ношении собственной одежды, переписке, прогулке, отпусках лишенным свободы, праве жалобы и на дисциплинарных взысканиях»². Никак нельзя согласиться с тем, что перечисленные Б. Утевским элементы режима в местах лишения свободы являются основными.

Действительно обычно термин «режим» трактуется очень узко как внутренний распорядок в месте лишения свободы, правила о передачах, свиданиях и т. д. Если статья Б. Утевского посвящена этому «режиму», то нельзя этот режим показывать, как наиболее существенное в методах проведения советской исправительно-трудовой политики.

Основным в режиме мест лишения свободы и содержанием его можно считать только производительный труд, вовлечение всех заключенных в производственный процесс определенного места лишения свободы. Это вовлечение проводится в сочетании со всеми мероприятиями исправительно-трудового воздействия на заключенного, опирающимися в основном на культурно-воспитательную работу.

Те элементы режима в наших исправительно-трудовых учреждениях, которые Б. Утевский считает основными, являются

¹ Сборник «От тюрем к воспитательным учреждениям» 1934 г., с. 223.

² Там же, с. 229.

лишь дополнительными, а совсем не определяющими. Все эти мероприятия дополняют собою картину режима в советских местах лишения свободы, основанного, и это следует подчеркнуть, на труде и культурно-воспитательном воздействии на заключенных.

По мнению Б. Утевского, необходим классово дифференцированный подход к заключенным «...при разрешении в каждом конкретном случае решающих вопросов исправительно-трудового воздействия (зачет рабочих дней, условно-досрочное освобождение, отпуска). В каждом таком отдельном случае исправительно-трудовые органы должны будут учитывать, как один из основных моментов, классовую принадлежность лишенного свободы, классовую опасность и его самого и совершенного им общественно-опасного воздействия»¹. Это также правильно, если однако весь вопрос не сводить к установлению режима, состоящего из системы всяческих мелких ущемлений в отношении отдельных представителей капиталистических классов. На практике такого рода представления приводят к левацким ошибкам. Так, например, в 1930 г. при обсуждении вопросов режима один практичный работник мест лишения свободы рассказал, как он «проводил подавление» в отношении заключенных из классово враждебной среды. Подавление классового врага реализовалось им в форме непрерывного административного воздействия на классово враждебные элементы. Следовательно, практически сведение политического значения и содержания режима к дополнительным мероприятиям и объявление их основными с неизбежностью ведет к тому, что в местах лишения свободы классово враждебные элементы будут «подавляться» при помощи ущемления их в отдельных правах заключенного.

Проводящаяся в лагерях НКВД система зачета рабочих дней, основанная на строгой классовой дифференциации, не имеет своим назначением только лишь ухудшение условий для классово враждебных элементов. Меньший зачет рабочих дней для чуждого элемента вызывается прежде всего тем, что в таких случаях требуется более длительное исправительно-трудовое воздействие. Кроме того в отношении представителей классового врага необходима более длительная проверка в лагере, прежде чем решиться на его освобождение, т. е. на признание отсутствия социальной опасности данного лица. Классовый враг, как мы знаем, умеет маскироваться и может и в условиях лагеря лишь внешне приспособиться, а не переделаться. Все это вызывает необходимость более осторожного отношения к классово враждебным элементам и более длительного наблюдения над ними.

Вопрос, поставленный здесь, далеко не является спором с словами. Если бы руководители лагерей понимали классовую ди-

¹ Сборник «От тюрьмы к воспитательным учреждениям» 1934 г., с. 222.

ференциацию режима в лагерях только как систему мелких ущемлений и ограничений прав для классово чуждых элементов, то это означало бы прежде всего невозможность втягивания этих элементов в ударничество и соревнование, это влекло бы за собой также невозможность решения задачи переделки сознания не только классово близких, но и классово чуждых элементов, вытекающей из постановлений XVII партийной конференции и последующих решений партии и правительства. Практика лагерей иначе решила этот вопрос, и постановление правительства (по ходатайству НКВД), наградившее орденами Союза ряд бывших вредителей, сумевших заглазить свое преступное прошлое героической работой на основе соревнования и ударничества, практически показывает не только значение этого вопроса, но и то, какое из решений его является правильным.

Опыт Беломорстроя оправдан исторически. Этот опыт имеет, однако, не только историческое значение. Он непосредственно переходит в опыт работы строительства канала Москва — Волга, в опыт работы Дмитровского лагеря. В частности, применение и формы применения льгот на Беломорстрое сыграли громадное значение для Дмитровского лагеря.

Многие из ударников Беломорстроя принесли в Дмитровский лагерь не только свой опыт работы, но и агитировали за работу по-беломорстроевски самым фактом получения ими льгот и наград, самым фактом своего досрочного освобождения уже в период нахождения в Дмитровском лагере. Здесь, в наиболее наглядной и осязаемой форме, заключенные Дмитровского лагеря видели тот путь и ту цель, к которой они должны идти. Они видели те результаты, которых они могут добиться по примеру беломорстроевцев. Тем самым применение льгот беломорстроевцам получило характер громадного культурно-воспитательного воздействия на всю массу лагерников, содержащихся в Дмитровском исправительно-трудовом лагере НКВД. Объявление льгот по Беломорстрою в Дмитровском лагере проводилось на широких собраниях с привлечением новых лагерников и объявлением и обсуждением того, что послужило основанием для применения льгот в отношении каждого из беломорстроевцев.

Из опыта Беломорского строительства Дмитровский лагерь перенял, в частности, многообразную систему поощрений от улучшения материально-бытового положения, как поощрения лагерника, до занесения в книгу почета и выдачи значка ударника МВС, т. е. до таких форм поощрения, которые не представляют собой объекта материальной заинтересованности лагерника и, следовательно, подходят уже к социалистическим формам поощрения.

Одной из форм поощрения, влияющей на развитие соревнования между отдельными участками и трудовыми объединениями, является предоставление команды духового оркестра, кото-

рая играет во время работы на участках, заслуживших право на это своим ударным трудом. Так, 22 марта 1934 г. штаб соревнования и ударничества Северного района на своем заседании обсудил итоги соревнования и ударничества между отдельными участками района. Первый участок оказался передовым в борьбе за досрочное выполнение работ по сооружению перемычки Ивановской плотины. Этот же участок оказался лучшим и по другим показателям соревнования: активное участие в культурно-массовой работе и успешный буксир в отношении отстающих. На основании этого штаб Северного района присудил первому участку переходящее красное знамя района и духовой оркестр. Само собой понятно, что эта форма поощрения является почетной и не влечет за собой никаких материальных выгод. В то же время, как известно, работа под музыку дает большой производственный эффект.

В апреле 1934 г. была введена новая форма поощрения ударников в виде значка строительства ударника Москва—Волга, представляющая собой почетную награду лучшим ударникам строительства. Согласно положению о значке: «значком ударника награждаются лишь те лагерники, которые являются действительными ударниками на строительстве канала Москва—Волга, только те, кто своей высокой производительностью труда, наилучшими качественными показателями, примерной лагерной дисциплиной и активным участием в культурно-воспитательной работе доказали, что, осознав свои прежние преступления, перековываются в активных участников социалистического строительства и готовятся стать по освобождению членами социалистического общества»¹. Получившему эту награду предоставляется ряд дополнительных прав лагеря, как-то: обеспечение лучшими жилищными условиями, длительное внеочередное свидание с родственниками и пр.

Присутствуя на первом общелагерном слете женщин, проведенном 8 марта 1934 г. в г. Дмитрове, и на первом вселагерном слете тридцатипятичников в городе Дмитрове 1 июня 1934 г., можно было наблюдать за тем впечатлением, которое производило на заключенных награждение значками ударника лучших ударников-заключенных. Получившие эту почетную награду заключенные заявляли о том, что эта награда является для них могучим стимулом к дальнейшему улучшению работы, к действительной перековке их в сознательных тружеников Советского союза.

Применение поощрения в отношении отдельных лиц объявляется всему лагерю. Для этого широко используются лагерная печать, радио, слеты ударников. Так, например, в апреле 1934 г. по постановлению третьего районного слета ударников Южного района Дмитровского лагеря были занесены в книгу почета ла-

¹ Положение о значке ударника от 3 апреля 1934 г.

герники, отличившиеся своей работой и поведением. Среди занесенных в книгу почета находятся лагерники самых различных квалификаций и специальностей. Здесь и землекопы, и слесаря, и десятник-контролер, выдвигенка Бойко А. Т., повариха, и воспитатели, проявившие себя хорошими организаторами и руководителями порученного им лагерного коллектива. Районная газета тотчас же поместила имена заслуживших почет лагерников с указанием их заслуг перед строительством¹. Тем самым всякое такое поощрение становится большим воспитательным мероприятием и получает широкий общественный резонанс.

Ряд форм поощрения, отмечающих ударную работу отдельных лагерников или коллективов, не дает непосредственно никакой материальной выгоды заключенному. В таком случае, как, например, в борьбе за красное знамя, за внесение ударника или коллектива в красную книгу строительства или на доску почета, материальные выгоды отступают на второй план. Здесь мы уже имеем дело с подлинным трудовым энтузиазмом, с переходом к социалистическим формам труда.

Так, общее собрание женщин 1 сектора 1 участка Северного района 8 марта 1934 г. ответило на доклад о значении дня 8 марта постановлением, в котором приняты обязательства, превышающие даже все требования, предъявляемые к ударникам. В этом постановлении говорится: «Заслушав доклад о значении 8 марта и участия женщин в строительстве канала Москва—Волга, мы, женщины, с сегодняшнего дня объявляем себя ударниками и берем на себя обязательство работать, как мужчины. Норму выполним на 135% и выше. Борьба с отказчиками, брать их на буксир, 100-процентное участие в политкружке. К 1 мая ликвидировать неграмотность и малограмотность. Проработав газету «Перековка» от 6 марта 1934 г., которая призывает нас работать по ударному, мы, женщины, все, как одна, готовы идти на ликвидацию прорыва, будем штурмовать вместе с мужчинами, без выходных дней. Президиум: Малиновская, Озерова и др.». Все эти женщины имели право на ударное снабжение и на книжку ударника и без таких жертв, как отказ от выходных дней; следовательно, не материальная заинтересованность руководила ими при вынесении этого решения.

Фаланга 1 участка Северного района Дмитровского лагеря «Путь к Кремлю» на общем собрании, состоявшемся 25 февраля 1934 г., заслушала доклад начальника фаланги заключенного Борисова и воспитателя Белкина о значении того сооружения, на котором они работают. На собрании обсуждался вопрос о том, «какие могут быть последствия, если нами не будет построена эта самая дамба (перемычка) своевременно, т. е. до 20 марта с. г., после чего ожидающееся половодье может разразиться над

¹ Газета «Перековка» Южного района от 12 апреля 1934 г.

нами грозой и все наши труды и работы пропадут». В связи с этим, общее собрание вынесло постановление: «Отдохнув 28 февраля, мы объявляем себя штурмовиками и без выходных дней с 1 марта приступаем героически штурмовать тот участок работ, где должна быть воздвигнута дамба длиной в 1600 метров. Мы это сделаем. Таково решение каналаармейцев».

Само собой разумеется, что среди членов фаланги, вероятно, не все заражены подлинным трудовым энтузиазмом, заставившим фалангу добровольно отказаться от выходных дней. Однако большая часть членов фаланги почувствовала настоящую любовь к создаваемому сооружению и сумела повести за собой ту часть, которая, не высказывая этого открыто, не ощущала трудового подъема. Общее настроение лагерников, показавших образцы ударной работы во время сооружения перемычки в Северном районе Дмитровского лагеря, было выражено словами одного из заключенных, который в марте 1934 г. во время работ по сооружению перемычки, в личной беседе, на вопрос о том, не трудно ли работать без выходных дней, ответил: «Какие тут могут быть выходные дни? Ведь у Волги-то выходных дней нет, и она когда захочет, тогда и разольется». В этом ответе сказались уже настоящая заинтересованность в результатах своего труда, действительная любовь к создаваемым своим трудом ценностям.

Это же настроение отражено в заметке лагерного корреспондента под псевдонимом «Штурмовик». В этой заметке говорится: «Андриченко и Сухомлинов из фаланги «Путь к Кремлю» 8 марта с утра самовольно ушли с работы и до полудня где-то прошлялись, забыв позорность своих поступков, бросив своих товарищей в момент штурма¹. После того, как начальник фаланги их устыдил за это, они обещали на завтра давать 150%. Посмотрим, проверим»².

Эта заметка показывает отношение самих лагерников к отдельным нарушителям производственной дисциплины, к заключенным, срывающим выполнение производственного плана. Интересно отметить, как формулирует свое возмущение лагерный корреспондент. Он считает, что позорность поступка Андриченко и Сухомлинова заключается в том, что они бросили своих товарищей в ответственный момент, взывая тем самым к чувству коллективности. Характерно, что в отношении этих нарушителей производственной дисциплины оказалось достаточным применение мер товарищеского воздействия и не было необходимости привлекать администрацию.

Иногда приходится сталкиваться и с такими случаями, когда стремление к почету, к победе в соревновании приводило к

¹ Разрядка моя. — И. А.

² Газета Северного района «Аврал» от 10 марта 1934 г.

прямым нарушениям запретов выходить на работу до развода или оставаться на работе после окончания рабочего дня.

Взять хотя бы фалангу Лазареева в том же Северном районе. 8 марта 1934 г. начальник фаланги заключенный Лазареев не смог удержать нескольких бригад, которые за два часа до начала работ, до развода, самовольно вышли на производство, мотивируя это тем, что перемышка, которую они сооружали, должна быть своевременно закончена.

Поступок этих бригад не мог диктоваться материальной заинтересованностью, ибо не влек за собой никаких выгод. Он является лишь доказательством того, что в условиях лагеря лучшая часть заключенных, особенно из наиболее социально близкой нам среды, постепенно вовлекается в социалистические формы труда и проникается подлинным трудовым энтузиазмом.

Какого напряжения, какой страстности, пожалуй даже непонятной для тех, кто сам не видел этого, достигает соревнование за знаки почета и отличия, показывают иногда не только положительные, но и отрицательные факты.

В лагерном пункте 7 отделения Дмитровского лагеря бригада Соколова, состоящая в большинстве своем из тридцатипятичников, шла впереди всех по своим производственным показателям. Она выполнила план на 143%, но проявляла недисциплинированность — плохо вела себя в быту. Штаб отделения по соревнованию и ударничеству отказал поэтому ей в получении переходящего красного знамени. Тогда поздно ночью, после окончания работы отделенческого слета, на котором знамя было присуждено бригаде Ярченко, бригада Соколова похитила со сцены клуба переходящее красное знамя, считая себя незаслуженно обиженной.

Это, конечно, отрицательный факт, это проявление недисциплинированности и самоуправства. Но и в этом отрицательном самом по себе случае видно, как начинают оценивать сами лагерники знаки трудового почета, не дающие никакой материальной выгоды.

Факты, когда из развертывания соревнования и применения поощрений вырастает грубейшее нарушение лагерной дисциплины, показывают, насколько сложной и, в точном смысле этого слова, политической является работа по организации соревнования и ударничества. Несправедливость или даже неумение достаточно ясно, достаточно понятно для самого лагерника разъяснить сущность решения комиссии могут привести к самым тяжелым последствиям, к превращению бывшего ударника в штрафника и организатора сопротивления лагерной дисциплине.

На одном из слетов тридцатипятичников произошел следующий типичный в этом отношении инцидент. Один из заключенных, находящийся в лагере всего два месяца, был прислан на

слет делегатом, так как он систематически вырабатывал 150% производственной программы. В связи с тем, что этот лагерник недавно прибыл в лагерь и еще не был достаточно проверен, он не мог быть награжден значком ударника. Другим же делегатам-лагерникам при таких же производственных показателях присуждалась эта награда. Очевидно причины этого решения не были достаточно разъяснены лагернику, не получившему значка ударника.

В результате, после оглашения списка награжденных лагерников, с ним произошла самая настоящая истерика, причем он заявил, что с завтрашнего дня, раз к нему так несправедливо относятся, он бросает работу. Потребовалось вмешательство начальника Дмитровского лагеря для того, чтобы урегулировать этот вопрос.

Совершенно необходимо подробно разъяснять заключенным, на чем основывается руководство лагеря или штаба по соревнованию и ударничеству, вынося решение о применении льготы или поощрения или отказывая в них. Это нужно для того, чтобы лагерная масса убеждалась в справедливости таких решений. При той настороженности к возможному малейшему проявлению несправедливости, которая свойственна лагернику и особенно тридцатипятинику, отсутствие разъяснения оснований применения или неприменения мер поощрения может привести к срыву всей работы. Непонятое решение зачастую принимается как несправедливое. А это уже влечет за собой рост нездоровых настроений среди заключенных о бесцельности ударной работы и о невозможности по-настоящему включиться в трудовую жизнь.

Таким образом, при организации соревнования, при осуществлении льгот и поощрений вопрос о справедливости есть большой политический вопрос. Надо помнить, что в лагерях приходится иметь дело с тяжелым, взрывчатым материалом. Применение льгот может играть положительную роль лишь в том случае, если каждый лагерник уверен в том, что это применение базируется на объективных показателях. Лагерник должен быть уверен в том, что как плохие, так и хорошие показатели своевременно и правильно учитываются администрацией и получают должную оценку. Это создает в каждом заключенном уверенность в том, что как его материально-бытовое положение в лагере зависит исключительно от него самого, т. е. от его поведения в быту и от его производственных показателей, так и на получение льгот он сможет рассчитывать только в том случае, если докажет на деле, что он достоин льгот и поощрения. Отсутствие поощрения в отношении того лагерника, который этого заслужил, или неправильное недостаточно обоснованное применение льгот или поощрения к незаслужившему этого очень вредно отзывается на всей массе лагерников. Именно поэтому руководство Дмитровского лагеря

очень тщательно следит за практикой применения льгот и поощрений. Оно придает этой практике чрезвычайно большое значение, правильно учитывая величину резонанса каждого, казалось бы, незначительного отклонения от существующих положений о применении льгот и поощрений.

Одной из гарантий от ошибок в этом деле, как было показано, является привлечение широкой общественности к обсуждению правильности применения льгот. Имеющая широкое распространение в лагерях самокритика со всей силой разворачивается в таких случаях и особенно резко проявляется во время зачетных кампаний.

Многообразная система льгот и поощрений находит свое подкрепление в жестком и беспощадном проведении дисциплинарных взысканий в отношении тех, кто срывает работу лагерей. Приказ ОГПУ № 190 от 28 ноября 1933 года не только требует поощрения и предоставления льгот всем хорошо работающим лагерникам, но предлагает: «Всех неисправимых лентяев, лодырей и симулянтов отправить в отдаленные северные лагеря, лишив их права получать какие бы то ни было льготы впредь до их полного исправления. Злостных отказчиков и подстрекателей немедленно предавать суду коллегии ОГПУ. Нарушителей лагерного порядка, независимо от их успехов на производстве, подвергать дисциплинарным взысканиям с лишением всех ранее полученных льгот и преимуществ... За малейшую попытку срыва железной дисциплины, установленной в исправительно-трудовых лагерях ОГПУ, виновные, независимо от занимаемого ими положения в лагере и на строительстве, будут сурово наказаны». На основании этого приказа администрация лагеря реагирует на поведение каждого заключенного не только применением мер поощрения, но и применением мер административного воздействия и взыскания. Поведение каждого лагерника постоянно контролируется. Для ликвидации нарушений лагерного режима и отдельных проступков и преступлений, совершаемых в лагере, ни одно, даже самое незначительное, нарушение не остается без взысканий. Это абсолютно необходимо для того, чтобы у всех лагерников создалось убеждение в неизбежности наказания за каждый проступок. Как указывал Ленин, не сила репрессии, а ее неотвратимость имеет определяющее значение. «Давно уже сказано, — писал Ленин, — что предупредительное значение наказания обуславливается вовсе не его жестокостью, а его неотвратимостью. Важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы ни один случай преступления не проходил нераскрытым»¹.

Культурно-воспитательная работа, все исправительно-трудовое воздействие на лагерную массу может быть проведено в

¹ Ленин, т. IV, с. 87 «Случайные заметки».

жизнь лишь при условии справедливых, но неуклонных требований подчинения лагерной дисциплине. Малейшее упущение в этом отношении, отсутствие наказания за проступок могут создать у лагерников впечатление бесконтрольности их поведения со всеми вытекающими отсюда вредными последствиями.

Точно так же отсутствие должной и своевременной оценки ударной работы заключенного может привести к прекращению ударной работы и падению настроения не только того заключенного, который не получил должной оценки, но и значительной массы лагерников, очень сильно реагирующих на такого рода явления.

Не удивительно, что выступавший на I вселагерном слете тридцатипятиников бывший рецидивист заключенный Брилев заявил, что перелом в его настроении и желание начать трудиться были связаны с тем моментом, когда он убедился, что в лагерях умеют сурово расправляться со всеми нарушителями и дезорганизаторами и справедливо оценивать и поощрять тех лагерников, которые своим поведением доказывают подлинность своего стремления порвать с прежней преступной жизнью и включиться в ряды ударников строительства. Умелый подход к заключенным, неотъемлемой частью которого являются справедливое отношение и выделение лучших и худших, приводит к тому, что сами лагерники начинают возмущаться теми, кто в ответ на хорошее отношение со стороны руководства продолжает свое преступное поведение. Так, например, в трудовом коллективе «Ударник Украины» 21 декабря 1933 г. обсуждался на общем собрании коллектива вопрос о поведении тех членов объединения, которые, несмотря «...на внимательное отношение руководства к нашим нуждам и запросам и улучшение наших бытовых условий, своей подрывной работой пытаются разложить спаянный коллектив»¹.

Коллектив осудил поведение этих заключенных и вынес постановление: «Мы просим убрать их из нашего коллектива, чтобы эти лодыри не пользовались незаслуженными ими льготами. Вкусные обеды под музыку, благоустроенное помещение и другие бытовые преимущества созданы не для паразитов»².

Таким образом, мы видим, что члены трудового коллектива, получившие за хорошую работу всего коллектива целый ряд поощрений, сами потребовали, чтобы те, которые не заслужили таких льгот были их лишены. Это означает, что прочно вкореняется в среду лагерников сознание того, что льготы и поощрения нужно заслужить.

Суммируя итоги этой главы, можно отметить, что в практике лагерей НКВД выработалась целая система методики и тактики организации соревнования и ударничества, представля-

¹ Газета «Перековка» от 25 декабря 1933 г.

² Там же.

ющих основной путь перековки. Эта тактика построена на сочетании классового расслоения с охватом не только более социально близких, но и классово чуждых элементов. Эта методика представляет переплетение культурно-воспитательной работы с трудовыми процессами, эта методика строится на сочетании коллективного воздействия с индивидуализированным подходом. Энтузиазм и пафос соревнования и ударничества тщательно укрепляются организацией, сочетающей чекистское руководство с самодеятельностью широких масс лагерников. Соревнование и ударничество начинаются и все время укрепляются материальной заинтересованностью лагерников и широкой системой льгот и поощрений.

Следует отметить, что первоначальным моментом для разветвления соревнования и ударничества является именно воздействие через материальную заинтересованность заключенного, заинтересованность его в получении льгот, что, однако, соединяется со всеми конкретными мерами исправительно-трудового воздействия. Строго дифференцированный режим внутри лагеря, основанный на производственных и бытовых показателях лагерника, является мощным толчком к развитию соревнования и ударничества, закрепляющимся умелым использованием всей многообразной системы поощрений.

Но только в результате проведенной разъяснительной работы лагерник начинает втягиваться в соревнование и ударничество, получая в этом моральное удовлетворение. Этот момент наступает уже как результат влияния измененного бытия на сознание лагерника. Совокупность всех мер исправительно-трудового воздействия постепенно подводит заключенного к вовлечению в соревнование и ударничество, перерастающие в социалистические формы труда, в социалистическое соревнование и ударничество. Это — длительный и чрезвычайно сложный процесс. Не следует считать, что соревнование и ударничество внутри лагерей с самого начала вовлечения в них лагерников являются социалистическими формами труда. Они лишь превращаются в них по мере прохождения заключенными различных этапов исправительно-трудового воздействия. Поэтому лагерник, вступающий в соревнование и ударничество лишь вследствие своей заинтересованности в материальных выгодах, и лагерник, сознательно соревнующийся и показывающий образцы ударной работы, чтобы получить красное знамя, благодарность и прочие виды поощрения, не связанные непосредственно с материальными выгодами, представляют собой различные этапы переделки сознания лагерника.

Эти изменения в сознании ярко отражаются и на отношении лагерников к различным видам льгот и поощрений. Значок ударника начинает расцениваться выше, чем материальная пре-

мия. Наибольшего ожесточения и страстности, как ранее указывалось, достигает борьба за красное знамя лагеря или участка. Иной смысл получает и борьба за основной стимул ударничества — досрочное освобождение, выход на свободу.

В отдельных, конечно исключительных, случаях мы сталкиваемся и с такими фактами, когда от этой самой заветной, самой желанной цели — освобождения — лагерники отказываются, чтобы закончить работу со своей ударной бригадой.

Порою, под влиянием случаев, когда некоторые, досрочно освобождающиеся, снова становились на путь преступления, случаев, усиленно раздуваемых обывательскими сплетнями, найдутся мудрые скептики, берущие под сомнение возможность перековки вообще. Между тем общеизвестен факт, что многие бывшие вредители (конечно не все), получившие досрочное освобождение и высокие награды правительства, следовательно, совершенно реабилитированные, имеющие полную возможность работать на любом участке социалистического строительства, остались совершенно добровольно, в качестве вольнонаемных, в лагерях. Они активно помогают другим пройти тот путь, который они уже прошли.

Но не только инженеры, которых увлекает размах строительства с их специальной технической точки зрения, могут служить свидетельством осознания значения своей работы и подлинной любви к ней со стороны лагерников. В ряде случаев бывшие тридцатипятичники, прежде ненавидевшие труд, оставались в лагерях по своему добровольному желанию, и оставались не на командных должностях, как Биссе, не лаборантами, как Ковалев, а на тяжелой работе на трассе канала.

В ряде заявлений, подаваемых такими добровольцами, чрезвычайно интересна самая мотивировка их. Некоторые рецидивисты, остающиеся в лагерях в качестве вольнонаемных, указывают, что они не чувствуют себя еще достаточно устойчивыми для противодействия преступной среде, которая постарается вернуть их к прежнему, несмотря на то, что они решили больше никогда к этому не возвращаться. Но наибольшая часть таких заявлений мотивируется тем, что строительство переживает ответственный момент. Несмотря на окончание срока лишения свободы, лагерник не считает себя вправе уйти от товарищей и покинуть их в напряженный момент для строительства. Вот одно из таких писем, адресованное администрации лагеря: «Я, каналармеец Лапа Е. С., член фаланги «Путь к Кремлю», окончив срок заключения 6 марта с. г., ехать домой не собираюсь, ибо эта работа, которую я начал строить, а именно — перемычка, остается еще не законченной. К тому же я мобилизовался на штурм перемычки, как и все, почему и прошу вашего разрешения оставить меня на прежней работе до полного окончания перемычки. Я уйду тогда, когда перемычка будет окончена при моем участии. Про-

шу не отказать в моей просьбе». Начальник района разрешил Лапе остаться на стройке до окончания переемычки¹.

Типичной иллюстрацией к поставленному в начале работы вопросу о возможности трудовой перековки рецидивиста-преступника, никогда не работавшего и ненавидевшего труд, может служить письмо Манука Казарьяна. Этот бывший беспризорник, бежавший из приюта и «легко добывавший деньги по базарам и вокзалам», двенадцать лет прожил жизнью рецидивиста-гастро-лера.

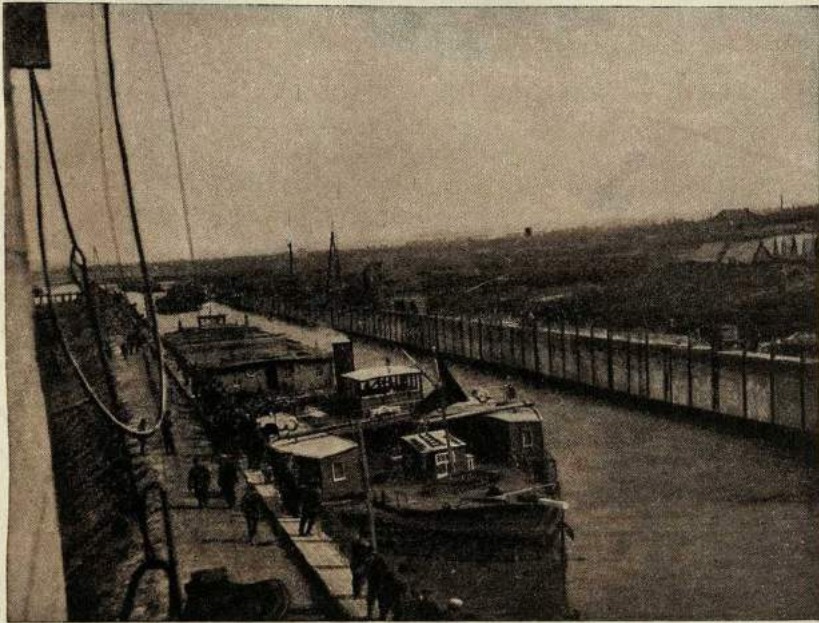
«Так я, — пишет Казарьян, — до 22 лет жил беззаботной жизнью и никогда не работал, работать я не хотел и даже не представлял себе, как это я вдруг смогу работать. В лагере я не думал работать. Срок небольшой, отсижу как-нибудь, — думал я. — На другой день я увидел колонны людей, идущих с музыкой на работу, и я не смог понять, что заставляет их работать: помеще-ние есть, кушать дают, одевают — сиди себе и срок отбывай».

Теперь этот рецидивист, не понимавший, что может заставить людей работать, просит оставить его на строительстве, хотя он досрочно освобождается. «Наша бригада нацменов, — с гордостью пишет он, — вырабатывает 150—170%. Скоро заканчиваю срок, и у меня большая охота остаться работать на строительстве. Я хочу испытать еще не один раз ту радость победы², которая охватывает всего человека, когда завершается большое дело».

Таким образом, соревнование и ударничество в лагерях, поощряемое в самых различных формах, приобщает заключенных к производительному труду и, в результате всей суммы мероприятий по исправительно-трудовому воздействию на заключенных, подводит их к социалистическим формам труда. Однако в этой области администрации лагеря и, в особенности, культурно-воспитательному аппарату предстоит еще большая и трудная работа. До настоящего времени соревнованием и ударничеством охвачены отнюдь не все заключенные. Об этом свидетельствуют хотя бы данные в отношении тридцатипятичников, находящихся в Дмитровском исправительно-трудовом лагере, которые к 1 июня 1934 г. были охвачены соревнованием лишь на 60%. Это показывает, что в этой области следует усилить работу и необходимо добиться максимального вовлечения в соревнование и ударничество всех лагерников и приобщения их, в процессе длительной работы, к социалистическим формам труда, с тем чтобы по освобождению они могли явиться достойными сынами трудового народа.

¹ Примером могут служить также: заявление Гурбо, помещ. в «Перековке» 3 отд. Дмитлага от 20/1 1934 г., заявление Албанова, помещ. в общелагерной «Перековке» от 12/1 1934 г., и др.

² М. Казарьян начал отбывать срок лишения свободы в Беломорско-Балтийском лагере.

КЛАССОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ **В ЛАГЕРЕ**

Мстоды и формы переделки сознания заключенных не могут быть поняты до конца, если не будет понято, что все они — особые методы классовой борьбы. Политика и тактика перевоспитания не только рассчитаны на охват всей, в том числе и классово враждебной, массы лагерников, но и основаны на классовом расслоении. Необходимо помнить, что работа по перевоспитанию наталкивается на продолжающееся и в лагере сопротивление классового врага.

Один из столпов буржуазной пенитенциарии, член Международной академии наук в Тулузе проф. Познышев, выступая уже в качестве «советского» ученого, писал о недопустимости «... вовлекать их (заключенных — И. А.) в политические страсти и борьбу или сеять рознь между ними»¹.

Не приходится доказывать, что эта точка зрения, проводимая в «советском» учебнике, как раз не советская, а архи-буржуазная. Не только переделка классово чуждых элементов, но и переделка тридцатипятичников — основной вопрос этой книги — невозможна без того, чтобы, говоря словами Познышева, «не вовлекать их в политические страсти». Нельзя добиться массовой перековки, если не сломить беспощадно сопротивление классового врага. Нельзя добиться переделки сознания лагерников, если не вырвать колеблющиеся слои заключенных из-под влияния классово враждебных элементов.

Остатки разгромленной классового врага не прекращают своей классово враждебной активности тотчас же после заключения в лагерь. В зависимости от изменения форм классовой борьбы, изменения форм сопротивления классового врага в стране меняются формы сопротивления классового врага и внутри ла-

¹ Познышев, Основы пенитенциарной науки, 1923 г., стр. 222.

геря. Переход классово враждебных элементов в стране к сопротивлению путем «тихой сапы» нашел свое отражение и в лагере. Тов. Сталин в своей речи на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1933 г. вскрыл объективные причины, вынуждающие классового врага перейти именно к этому методу сопротивления. «Пойти в прямую атаку против Советской власти, — говорит т. Сталин, — эти господа уже не в силах. Они и их классы несколько раз вели уже такие атаки, но были разбиты и рассеяны. Поэтому единственное, что остается им делать, — это пакостить и вредить рабочим, колхозникам, Советской власти, партии. И они пакостят, как только могут, действуя тихой сапой»¹.

В условиях заключения в лагере остатки классового врага тем более не решаются на открытое сопротивление и продолжают борьбу методом «тихой сапы». Классово враждебные элементы в лагере боятся пойти на прямое сопротивление лагерной дисциплине. В целях маскировки своего действительного настроения они нередко начинают давать хорошие производственные показатели и не проявляют своей враждебности путем нарушения лагерного режима. Их классово-враждебная активность проявляется в форме внушения несознательной части лагерников мыслей о невозможности построения канала, в форме распространения слухов, подрывающих авторитет руководства лагерей. Такие, по лагерной терминологии, «шептуны» подрывают систематической агитацией (имеющей наибольшее влияние на вновь прибывающие этапы заключенных) веру в возможность на основе перекоски возвращения в семью трудящихся.

Шептуны пытаются убедить несознательную часть лагерников в неосуществимости надежды стать полноправным членом трудовой семьи Советского союза, они говорят, что тот, кто совершил преступление, становится на всю жизнь отщепенцем и ему закрыт доступ и по отбытии срока лишения свободы к нормальной трудовой жизни. Отсюда агитация против сознательного и добросовестного участия в строительстве канала, против ударных темпов работы.

Нередко классовый враг в лагере действует при помощи подкупа наиболее отсталой части заключенных, через которых и ведет агитацию. Классовый враг агитирует за отказ лагерников от участия в созидательной работе, за применение любых ухищрений, дающих возможность уклониться от работы в лагере. Для осуществления этого классовый враг прибегает к новым формам саботажа, не останавливаясь в своем озлоблении даже перед разрушением своего здоровья, втягивая в такого рода «деятельность» отсталые элементы, поддающиеся злостной агитации.

¹ Сталин И., «Итоги первой пятилетки», «Вопросы ленинизма», 1934 г. с. 507.

Вначале медицинский персонал лагеря не всегда был в состоянии отличать действительное заболевание от злостных случаев сознательного разрушения своего здоровья лагерниками в целях невыхода на работу. Это вызвало представление о безответственности такого рода поступков и, естественно, увеличило количество подобных случаев. В дальнейшем была выявлена действительная причина этих заболеваний и проведена большая работа по вскрытию перед несознательной частью лагерников, шедших на поводу у классового врага, всего политического смысла таких действий.

Руководство лагеря со всей решительностью борется против этой формы классово враждебного сопротивления. В целях воздействия на всю массу лагерников проводятся показательные суды над теми, кто злостно уклоняется от работы и симулирует заболевание. Это делается по отношению к тем лагерникам, для воздействия на которых необходимо применение мер административно-судебных. Так, 7 января 1934 г. на 4 пункте 5 отделения Дмитровского лагеря был проведен показательный суд над несколькими лагерниками, которые систематически занимались самовредительством и симуляцией.

Были привлечены к ответственности пять лагерников — Решетников, Романенко, Кульгин, Александров и Назимов, которые, для того чтобы освободиться от работы, прибегали к самовредительству. Они искусственным путем вызывали у себя всякие заболевания. При помощи чрезмерного употребления соли и воды эти лагерники добивались появления отека конечностей. Кроме того, принятием всяких вредных для здоровья веществ они вызывали у себя острые кишечные заболевания.

Выступившая на процессе врач Климовицкая обрисовала перед присутствовавшими лагерниками весь тот вред, который наносили сами себе эти заключенные. Она подчеркнула, что если в первое время появления таких заболеваний медицинский персонал не был в состоянии понять причину их, то после некоторого наблюдения стало совершенно очевидным, что эти заболевания являются не чем иным, как результатом самовредительства. Общественный обвинитель на этом показательном суде указал, что кроме вреда, наносимого строительству такими лагерниками, они приносят большой вред всей лагерной массе. На таких самовредителей тратится большое количество медикаментов впустую и тем истощаются средства для борьбы с действительными заболеваниями других заключенных.

Выступившие затем лагерники-ударники Перкель, Суворов и другие требовали применения к таким позорящим всю лагерную массу заключенным самых суровых мер.

Приговором суда все обвиняемые — Решетников, Романенко, Кульгин, Александров и Назимов — были присуждены к содержанию в штрафном изоляторе, сроком на один год. Выступивший

затем начальник 5 отделения, под председательством которого проходил показательный процесс, сказал:

«В нашей борьбе со всякими проявлениями вредительства каждый каналармеец должен помочь нам. Успех строительства зависит только от вас, от организованности и дисциплинированности. Только тот, кто честно трудится, кто по-ударному работает, имеет право на льготы и преимущества и их он безусловно получит. Все позорное, что мешает работе, должно быть с дороги убрано»¹.

Эти формы сопротивления классового врага в лагере не являются, конечно, единственными. Правильно учитывая роль и значение трудовых объединений для переделки сознания заключенных, классовый враг путем агитации против них и их внутреннего подрыва упорно борется с такими объединениями лагерников.

Проводится скрытая агитация против вхождения в коллектив. «Шептуны» компрометируют в глазах заключенных коллективы и принципы их организации, построенные на добровольных началах и на основе инициативы самих заключенных. Они пытаются изобразить трудовые коллективы как шпионские организации, призванные следить за каждым заключенным для того, чтобы доносить о его поступках администрации.

Всяческими путями компрометируются выборные органы трудовых объединений для того, чтобы вызвать неповиновение решениям всего коллектива и подрыв дисциплины в производственно-бытовой организации. Нередки случаи, когда классово враждебные элементы сознательно спаивают часть лагерников и пользуются этим для срыва производственного плана и подрыва всего объединения заключенных.

Но и этим не ограничивается классовый враг. Подобно тому, как кулаки проникали в руководящие органы колхозов в целях внутреннего подрыва колхозов и их дискредитации в глазах всей массы крестьянства, и в лагере классовый враг старается проникнуть в выборные руководящие органы трудовых объединений в тех же целях. В подобных случаях классовому врагу облегчалась возможность воздействия на отсталую часть заключенных, так как лагерник видел в нем представителя и доверенное лицо всего коллектива, вследствие чего легче поддавался на злостные наветы и уговоры.

Культурно-воспитательный аппарат лагеря оказывался отнюдь не всегда на должной высоте и не всегда своевременно давал сокрушительный отпор вылазкам классового врага. Это связано с тем, что кадры воспитателей в ряде случаев недостаточно подготовлены и политически грамотны для того, чтобы суметь разоблачить подлинное лицо разлагающего лагерь «шепту-

¹ Газета «Перековка» 5 отделения от 18 января 1934 г.

на». Там, где воспитатель не сумел организовать крепкого актива из среды порученной ему группы заключенных, работа по выявлению классового врага и по организации ему отпора значительно затрудняется. Классовый враг настолько сильно маскируется, проявляя себя иной раз во-вне, как самый примерный лагерник, что без помощи актива воспитатель не сможет установить, кто является действительным виновником прорыва в работе, вызванного злостной агитацией враждебных элементов.

Борьба с классовым врагом внутри лагеря в значительной мере упирается в качество культурно-воспитательной работы. Отсутствие хорошо налаженной работы по разъяснению исправительно-трудовой политики советской власти, по разъяснению сущности классовой борьбы и выработке классового самосознания более социально близких нам слоев лагерников создает почву для агитации классового врага, для возможности его влияния на массу заключенных. По мере улучшения разъяснительной работы, по мере включения все большей массы заключенных в подлинный процесс перековки возрастает отпор со стороны самих заключенных классовому врагу. Известны такие факты из практики Беломорско-Балтийского лагеря, когда сами лагерники приходили к администрации лагеря и просили об изъятии из их барака того или иного заключенного, ведущего среди них подрывную, разлагающую работу. Можно привести ряд подобных случаев, имевших место уже в Дмитровском лагере. Так, например, на 6 участке Центрального района Дмитровского лагеря в одном из барачных классов находился осужденный по ст. 61 УК бывший кулак Курбангалеев. Он сумел подчинить своему влиянию двух заключенных — Ямалеева и Хайрулина. Для того, чтобы сорвать работу всей бригады, Курбангалеев совместно с Ямалеевым и Хайрулиным организовал уход с работы целого звена в 12 часов дня, т. е. задолго до окончания рабочего дня и выполнения производственной нормы. На созванном по этому поводу собрании бригады все остальные члены ее сумели сами дать этому кулаку и подкулачникам должный отпор.

Приведенный случай свидетельствует об очевидной недостаточности работы культурно-воспитательного аппарата, не сумевшего своевременно вырвать несознательных лагерников Ямалеева и Хайрулина из-под влияния классового врага и разоблачить его подрывную работу.

Другим примером, характеризующим деятельность классового врага в лагере, может служить следующий факт: в Хлебниковском районе Дмитровского лагеря самими лагерниками был разоблачен и снят с работы заключенный Аскеров, который сумел пролезть в бригады. Этот «бригадир» систематически уговаривал свою бригаду отказываться от работы, ссылаясь то на чрезмерность и невыполнимость норм, то на необеспеченность одеждой, то на различные выдумывавшиеся им при-

чины. В частности по заявлениям лагерников, дававших рекордную выработку, Аскеров убеждал их снизить темпы работы. Аскеров доказывал подлинным ударникам, что они своей хорошей работой подводят остальных членов бригады, принуждая их подтягиваться за лучшими. В результате разоблачения и снятия этого классового врага с должности бригадира и перевода его в сборную подконвойную¹ бригаду освободившаяся от такого руководителя бригада намного улучшила свою работу и начала давать высокие производственные показатели. Этот факт показывает, что и здесь воспитательный аппарат оказался настолько не на высоте, что проглядел назначение на руководящую работу классового врага.

У некоторых работников воспитательного аппарата существует непонимание значения организации общественной борьбы с классовым врагом. Примером может служить отряд им. 26 бакинских комиссаров в Котовском участке Хлебниковского района. В этом отряде свила себе прочное гнездо группа классово враждебных элементов, действовавших путем организованного сопротивления всем мероприятиям по поднятию производственной и бытовой дисциплины. Сами руководители отряда и воспитательский состав создали благоприятную обстановку для развития деятельности классового врага. Они считали, что борьба против вылазок классового врага должна вестись в секретном порядке, без разъяснения перед всеми членами отряда сущности классово враждебной деятельности этой группы и без привлечения самой массы лагерников к разоблачению классового врага и борьбе с ним. В этом сказались увлечение руководителей отряда и воспитательского состава административными мероприятиями и недооценка роли самого лагерного актива в борьбе с классовым врагом. Эта ошибка и повлекла за собой усиление позиций классового врага.

Особенно сильно проявляется подрывная деятельность классового врага при организации отказов от работы. Проникновение влияния классово враждебного элемента в среду отказчиков влечет за собой превращение случайных отказчиков в злостных и сознательных нарушителей лагерной дисциплины. Если же классовому врагу не удастся добиться полного отказа от работы со стороны группы заключенных, то он пытается организовать, и нередко ему это удается, систематическое невыполнение производственных заданий. Так, например, в подкомандировке² Волдино 5 Прислоновского участка Орудьевского района Дмитровского лагеря заключенный Анохин не только сам систематически срывал производственный план, но сумел организовать во-

¹ Подконвойной бригаде не разрешается выход на работу без конвоя. Разрешение на выход на работу без конвоя является одной из форм поощрения лучших ударных бригад, трудовых объединений, отрядов и фаланг.

² Мелкое лагерное подразделение.

круг себя группу в несколько лодырей, которые действовали подобно ему. Только после довольно длительного промежутка времени при рассмотрении его поведения на общем собрании артели выяснилось социальное лицо Анохина. Он оказался баптистом, сознательно дезорганизовавшим производство и лагерный распорядок¹.

Другой факт: один из инженеров М. Д., осужденный за вредительство, в лагере занимался агитацией за нарушение лагерной дисциплины, убеждая других заключенных плохо работать для того, чтобы не помогать ненавистному ему социалистическому строительству. Этот вредитель также в течение определенного срока безнаказанно проводил свое преступное дело, сколачивая вокруг себя других представителей классово враждебных элементов и наименее сознательную часть лагерников.

Иногда классово враждебная деятельность проявляется в форме злостного хулиганства. Подпаивая лагерников, классовый враг добивается разложения заключенных и совершения преступлений, драк и поножовщины. В таких случаях виновные также предаются суду и строго наказываются. Само собой понятно, что хорошо налаженная культурно-воспитательная работа смогла бы ликвидировать подобного рода явления и не допустить их развития. Только при правильной воспитательной работе и разъяснении того, что, как говорится в одном из приказов, — «...борьба с хулиганством в лагере является обязанностью не только чекистского и административного состава, но и всей лагерной общности и всего состава лагерников», можно искоренить хулиганство в лагере, являющееся результатом агитации классово врага и его подрывной деятельности.

Если все приведенные факты показывают, как всякий прорыв, всякий административный перегиб в культурно-воспитательной работе создают щель, в которую немедленно устремляется классовый враг, то есть не мало примеров, освещающих вопрос и с другой стороны. Правильно поставленная политическая, общественная работа, своевременное вмешательство работников культурно-воспитательного аппарата ликвидируют в самом зачатке нездоровые настроения, вызываемые «шептунами».

Выше приводился уже ряд таких примеров, относящихся к борьбе с отказчиками. Вот еще одна иллюстрация.

В апреле 1934 г. в Хлебниковском районе Дмитровского лагеря имел место следующий факт: заключенная Смирнова, работая в прачечной, подпала под влияние Векшиной, которая ее систематически уговаривала перестать работать. Результатом этого воздействия явилось снижение производительной выработки Смирновой, которая перестала сознательно относиться к порученной ей работе. Однако воспитательница Гавришкова, своевре-

¹ Газета «Перековка» Орудьевского района от 27 марта 1934 г.

менно обратив на это внимание, сумела переубедить Смирнову и доказать ей значение сознательного и добросовестного отношения к труду. Она сумела подойти к Смирновой и вырвать ее из-под влияния Векшиной. После этого Смирнова опять начала хорошо работать и довела свою выработку до 130%.

Среди заключенных из крестьян классовый враг ведет свою разлагающую работу, делая ставку на мелкособственническую, спекулянтскую, индивидуалистическую сторону души мелкой буржуазии. Индивидуалистические настроения лагерников-крестьян, в значительной части подкулачников, широко используются классовым врагом для организации враждебного отношения к коллективу. В этом случае классовый враг уже в лагерной обстановке пробует продолжать свою агитацию против коллективных форм труда, против самого принципа коллективизма. Борясь до заключения в лагерь против мощного движения самих масс трудового крестьянства, организовавшегося в колхозы, классовый враг и в лагере продолжает эту работу, учитывая роль коллективов в переделке сознания заключенного. Среди заключенных из крестьян воспитательному аппарату лагерей необходимо усилить свою работу, ибо значительная часть из них стоит на очень низком уровне политического и культурного развития, вследствие чего деятельность классового врага среди этой части лагерников становится чрезвычайно опасной.

Классово враждебные элементы пытаются воздействовать на других заключенных, окутывая несознательную часть их религиозным дурманом. Так, на одном из участков сгруппировалось около десяти человек сектантов и кулаков, которые занимались агитацией за отказ от работ, мотивируя это тем, что «советская власть есть власть антихриста и на нее работать грех».

В ряде случаев классово враждебные элементы пытаются группироваться для проведения своей контрреволюционной работы в лагере. Так например, один из осужденных по ст. 58 пп. 11 и 12 на десять лет лишения свободы, бывший полковник царской армии, пролез на небольшую, но все же руководящую производственную работу на участке. Пользуясь занимаемым положением, он окружил себя заключенными, осужденными также за контрреволюционную деятельность, бывшими офицерами, попами и кулаками. Вместе с ними он занимался тем, что посылал на самую тяжелую работу лагерников из среды трудящихся, освобождая от такой работы классово враждебные элементы. Тем самым он вызывал большое недовольство лагерников из среды трудящихся.

Не всегда классовый враг действует через других заключенных и удовлетворяется злостной агитацией. В ряде случаев, классово враждебные элементы переходят к непосредственной подрывной работе и прямому вредительству в лагере. Для того чтобы вызвать недовольство среди заключенных, классовый враг стре-

мится ухудшить их материально-бытовые условия. Заключенный Д., бывший белый офицер, осужденный по ст. 58 п. 10 на пять лет лишения свободы, работая в аппарате снабжения, сознательно отказывал заключенным в выдаче обмундирования, прямо говоря своим единомышленникам, что он надеется таким образом достичь увеличения побегов из лагеря, ибо без обмундирования трудно работать. Как на случай прямого вредительства можно указать хотя бы на преступление, совершенное заключенным Ивановым, бывшим торговцем, осужденным за хищение общественной собственности на 10 лет лишения свободы. Он в лагере совершил вредительский акт, умышленно испортив электрическую сеть. Этот вредитель призывал к таким же действиям, к такому же отношению к государственному имуществу и других заключенных. Он действовал «тихой сапой» и рассчитывал, что его вредительство останется не раскрытым: «Я от этого не пострадаю, пострадает государство, а по-мне — чорт с ним», — говорил он другим заключенным. Однако лагерники сами помогли раскрыть виновного в этом вредительстве.

Из приведенных фактов видно, что классовый враг и в лагере продолжает свою контрреволюционную деятельность в самых разнообразных формах. Нередко классово-враждебные элементы прикрываются ударными темпами своей работы для более успешного проведения в жизнь контрреволюционных планов.

В отношении таких элементов, продолжающих контрреволюционную деятельность и в лагере, необходима особая бдительность и, конечно, их необходимо беспощадно подавлять. Классово-враждебным элементам без предварительной тщательной проверки нельзя поручать никакой ответственной работы, даже если они обладают большой квалификацией. В отношении их необходимо требование самого строгого соблюдения лагерного режима и сурового наказания за малейшее нарушение лагерной дисциплины. В отношении их должно усиливаться репрессивное значение труда в местах лишения свободы. Еще в 1918 г. Ленин по вопросу о декрете против взяточников писал, что к такому виновному, который «...принадлежит к имущим классам и пользуется взяткой для сохранения или получения привилегий, связанных с правами собственности...», необходимо применять следующее: «...все его имущество подлежит конфискации, а сам виновный назначается на наиболее тяжелые и неприятные общественные работы»¹. Это указание остается в полной силе и в настоящее время и должно быть применено в первую очередь к тем, кто, даже будучи осужден пролетарским государством, продолжает свою преступную деятельность в месте лишения свободы.

Среди тридцатипятичников, т. е. рецидивистов, классовый враг применяет несколько иные формы враждебного воздействия.

¹ Ленинский сборник, т. XXI, с. 224.

Здесь классовый враг делает ставку на продолжение в лагере преступных традиций уголовной среды для того, чтобы не допустить бывшего вора-рецидивиста к включению в производительный труд.

С классовым врагом нередко смыкаются бывшие руководители из преступной среды, вожаки, которые и в лагере пытаются осуществлять свое преступное влияние особенно на молодежь из тридцатипятников. Классово враждебные элементы совместно с такими вожаками ведут агитацию против коллективных организаций заключенных и всячески поощряют нарушение лагерной дисциплины. При этом тридцатипятники используются как наиболее смелая и активная, не боящаяся открыто выступать, часть заключенных. Маскирующийся классовый враг это прекрасно учитывает и превращает поддающуюся его влиянию часть тридцатипятников в свой рупор. Сам же дезорганизатор лагеря порой остается в тени, остается невыявленным.

Однако работа классового врага в среде тридцатипятников чрезвычайно усложняется рядом обстоятельств, вытекающих из сложности социального состава тридцатипятников. Этот состав так же сложен, как и социальный состав деклассированного элемента вне лагеря. В основной своей массе — это элементы разложения старого барского и буржуазного общества, в котором, как говорит Ленин, «кучка грабила народ и издевалась над народом, — общества, в котором нужда и нищета выбрасывала тысячи и тысячи на путь хулиганства, продажности, жульничества, забвения человеческого образа, — общества, в котором неизбежно воспитывалось стремление у трудящихся: уйти хоть обманом от эксплуатации, извернуться, избавиться хоть на минуту от постылой работы, урвать хоть кусок хлеба каким угодно путем, какой угодно ценой, чтобы не голодать, чтобы не чувствовать себя и своих близких недоедающими»¹.

Анализируя социальную природу деклассированных элементов и их роль в классовой борьбе, Ленин определяет их как элементы разложения старого общества и указывает в качестве основного их источника мелкую буржуазию².

Общая черта элементов разложения и капиталистических элементов, подчеркивает Ленин, — паразитизм³. Естественно поэтому, что в классовой борьбе они противостоят трудящимся: богатые и жулики — две стороны одной медали, писал Ленин⁴; и наряду с сопротивлением классового врага, диктатура пролетариата преодолевает и сопротивление элементов разложения, которые не могут не выявить себя в преступлениях⁵.

¹ Ленин, т. XXII, с. 164.

² Там же, с. 459.

³ Там же, с. 164.

⁴ Там же, с. 164.

⁵ Там же, с. 459.

Все это влечет за собой применение к элементам разложения мер подавления. Но с этим подавлением переплетается и принудительное воспитание в них пролетарской дисциплины. Последнее в период, когда социализм победил и когда социальная база капиталистических элементов не только подорвана, но и разгромлена, дает крупнейшие положительные результаты. Элементы разложения в результате исправительно-трудового воздействия превращаются в труженников социалистического хозяйства.

Если это относится к основной массе тридцатипятичников, то в еще большей степени это относится к той их части, которая состоит из деклассированных рабочих, порвавших со своим классом под влиянием пережитков прошлого и мелкобуржуазной стихии, на что не раз указывали и Ленин и Сталин.

Эта часть тридцатипятичников из всех групп лагерников стоит наиболее близко к лагерникам из среды трудящихся. По отношению к ним исправительно-трудовая задача сводится к их реклассации и является более легко достижимой, чем задача перedelки сознания людей, ранее не принадлежавших к числу трудящихся. Поэтому эта часть тридцатипятичников стоит в первых рядах перековывающихся и, в первую очередь, служит проводником исправительно-трудовой политики в остальную массу тридцатипятичников, а через нее и на всю массу лагерников, социально более отдаленных от пролетариата или же прямо ему враждебных. В этом смысле и нужно считать правильной характеристику тридцатипятичников, как наиболее социально близких пролетариату, — характеристику, получившую в лагерях широкое распространение.

Не только действительно наиболее социально близкая нам из всех заключенных часть тридцатипятичников, но и вся масса заключенных из уголовной среды, в том числе и все те, кто по всей своей прошлой жизни выступали как опасные элементы разложения, в лагере стараются «отмежеваться» от заключенных кулаков и контрреволюционеров. Объективные основания такого отношения заключаются в том, что, даже находясь совместно с капиталистическими элементами во враждебном пролетарской революции стане, профессиональные преступники, деклассированные элементы, никоим образом не могут быть отождествлены с капиталистическими элементами. В то время как эти последние представляют собой устойчиво враждебные элементы, деклассированные, наоборот, отличаются именно политической неустойчивостью. Еще Маркс, характеризуя деклассированных люмпен-пролетариев, писал: «...они способны на величайшее геройство и самопожертвование, но, вместе с тем, и на самые низкие разбойничьи поступки и на самую грязную продажность»¹.

¹ Маркс, собрание соч., т. VIII, с. 18.

Эта неустойчивость объясняется противоречиями между капиталистическими элементами, с одной стороны, и профессиональными преступниками — с другой. В условиях капиталистического общества, и следовательно в России до Октября, эти противоречия вытекают из того, что хотя у капиталистических классов с деклассированными люмпенами есть связывающее их общее — социальный паразитизм, — но капиталистические классы являются классами господствующими, люмпены же стоят на самой низшей ступени социальной лестницы, они придавлены к самому дну общественной жизни. Профессиональный преступник, будучи сам паразитом на общественном теле, испытывает ненависть к паразиту-собственнику. Даже продаваясь защитникам системы капиталистической собственности, он не становится поборником этой системы, будучи в то же время враждебным и системе социалистических отношений.

Эти взаимоотношения, существующие в условиях капиталистического строя, определяют собою отношения профессиональных преступников к капиталистическим элементам и при изменившихся в корне условиях советского строя. Ведь остатки капиталистических классов и элементы разложения являются наследием капиталистического прошлого¹.

Но новые условия, наличие пролетарской диктатуры, по мере ее укрепления и по мере все большего поражения капиталистических классов, усиливают возможность использования неустойчивости люмпен-пролетариев в сторону их отрыва от капиталистических элементов и переделки их сознания.

Естественно, что по этой линии происходит классовое расхождение и в лагере. Оно находит свое выражение во враждебности между тридцатипятниками, с одной стороны, и контрреволюционерами и кулаками — с другой, в ненависти и презрении к последним тридцатипятников — зачастую тех самых, которые до лагеря делали враждебное пролетарской диктатуре дело тех же капиталистических элементов, смыкаясь с ними и продаваясь им. В лагерной обстановке это выступает даже с большей резкостью, чем на воле до лагеря.

Тридцатипятники, несмотря на то, что, будучи на свободе, фактически являлись врагами пролетарской диктатуры, неоднократно подчеркивают, что они не борются против пролетарского государства. Этим они мотивируют свое резко отрицательное и презрительное отношение к осужденным за контрреволюционные преступления и к бывшим кулакам. В Дмитровском лагере при-

¹ Для характеристики «глубины анализа» проблем уголовного права буржуазными учеными достаточно привести такое, ничего не говорящее определение профессионального преступника: «Профессиональный вор — это человек, который принципиально желает быть социальным паразитом, похищающим продукты чужого труда». — Познышев, Основы пенитенциарной науки, 1923 г., с. 227.

ходило не раз наблюдать, как происходят столкновения между тридцатипятыми и заключенными из кулачества. Кулаки в таких случаях говорят о том, что они боятся быть вместе с ворами и не считают их даже настоящими людьми. На это тридцатипятники обычно с большим возмущением отвечают, что если они и были ворами, то в значительно меньшей степени, нежели кулаки, которые систематически обкрадывали бедняков, на неоплаченный труд которых кулаки и жили. В результате таких споров классово враждебная идеология осужденных кулаков и контрреволюционеров выступает с еще большей отчетливостью. Тридцатипятники начинают уже более сознательно относиться к кулаку или контрреволюционеру, как к своему классовому врагу.

Заключенные из числа кулаков и контрреволюционеров, сохранившие свою классовую враждебность к пролетарской диктатуре, ведут среди тридцатипятников замаскированную борьбу. Они не агитируют против советской власти, а совершают свою разлагающую работу под прикрытием симпатии к уголовной среде, с которой так сурово борется советская власть. При этом, в большинстве случаев, используются все самые, казалось бы, незначительные поводы для возбуждения недовольства среди тридцатипятников и для придания этому недовольству формы открытого сопротивления. Классовый враг стремится организовать злостные отказы от работы, открытые (ибо они делаются чужими руками) выступления против лагерной дисциплины. Контрреволюционные элементы организуют и подстрекают к побегам, кражам и пр. наименее сознательную часть лагерников, которых им удается вести за собой на поводу.

Воспитательница Береговая, о которой уже выше упоминалось, на поставленный вопрос о взаимоотношениях между тридцатипятыми и классово враждебными элементами, находящимися в том бараке, в котором Береговая работала, ответила, что, по ее наблюдениям, вообще, как правило, существует неприязненное отношение между этими категориями заключенных. Лишь самая незначительная и худшая часть тридцатипятниц устанавливает тесную связь с представительницами классово чуждых элементов, которые используют преступные навыки тридцатипятниц. Так, бывшие спекулянтки и торговки продолжают эту свою деятельность и в бараке, содействуя тем самым кражам и поощряя их.

В большинстве случаев, если тридцатипятник начинает понимать, что его использует классовый враг, то он дает решительный отпор.

Уголовная среда представляет в Дмитровском лагере, пожалуй, один из не особенно легких для проникновения классового врага участков. Классовому врагу в ряде случаев бывает легче действовать на определенные группы лагерников из крестьян или служащих, связанных в прошлом с эксплуататорами и осужден-

ных за хищения социалистической собственности, а иногда и за тяжкие «бытовые» или должностные преступления, чем на тридцатипятников. На первый взгляд это совершенно непонятно.

Ключ к объяснению этого лежит в отношении к частной собственности. Влияя на указанные выше группы крестьян или служащих, контрреволюционеры находят в их среде точку опоры именно в отношении к частной собственности и бывшим эксплуататорским слоям. Напротив, люмпен-пролетарий — тридцатипятник — при всем его разложении и активно враждебной нам деятельности, приведшей его в лагерь, все-таки не представляет собой собственника.

Эти указания имеют значение, однако, только в том случае, если руководство лагерей сумеет мобилизовать и направить в нужную сторону ту способность к героизму и самопожертвованию, о которых говорит Маркс, как об одной из особенностей люмпен-пролетариата. Иначе выступит другая особенность, другая сторона души люмпен-пролетария — способность к самой грязной продажности, к самому низкому разбою, и за поллитра водки «пахан» из тридцатипятников выступит по указке кулака, как организатор самого безобразного хулиганства, открытого саботажа, а иногда даже и нападения на администрацию или лагерников-ударников.

В лагерях НКВД и, в частности, в Дмитровском лагере руководство лагеря опираясь на лагерников из среды трудящихся, подчиняет своей воспитательной работе всю основную массу лагерников и ведет борьбу с элементами, которые и в лагере продолжают свое классовое сопротивление. В этих целях проводится, в частности, в специфических формах специальная разъяснительная и воспитательная работа с тридцатипятниками. Очень большой процент из них охвачен общеобразовательной и профессионально-технической учебой. Культурно-воспитательный аппарат лагеря систематически разъясняет тридцатипятникам и подводит их к пониманию единства их классовых интересов со всеми трудящимися, разъясняет сущность и содержание исправительно-трудовой политики пролетарского государства.

Основные идеи разъяснительной и воспитательной работы в исключительно ясной, простой и сжатой форме выражены в письме А. М. Горького I Вселагерному слету ударников-тридцатипятников: «Пора вам, ребята, понять, что, воруя теперь, в наши дни, воруют у государства и что сегодняшние воры враги уже не маленькой кучки крупных грабителей, а враги 170 миллионов рабочих и крестьян, которые героически создают новое, небывалое в мире государство. В этом государстве честных тружеников не может быть места вора, лентяям, лодырям и всяким паразитам трудового народа. Чем скорее вы поймете это, тем лучше будет вам, тем быстрее примет вас в свою среду 170-миллионный, та-

лантливый, героически создающий новую жизнь, великий разноплеменный народ Союза социалистических советов».

Среди тридцатипятников ведется очень большая работа по внедрению коллективных форм труда. Из всего количества этой части заключенных в Дмитровском лагере на 1 июня 1934 г. — 74% вовлечены в трудовые объединения. Этого, конечно, еще совсем недостаточно. Надо добиваться того, чтобы вся масса заключенных входила в производственно-бытовые объединения. Правда, несколько низкий процент охвата (74%) объясняется еще тем, что именно перед июнем 1934 г. прибыли новые пополнения из домов заключения и других мест лишения свободы. Этих вновь прибывших лагерный аппарат еще не сумел организовать. Несомненно, что для вовлечения бывших рецидивистов в трудовую организацию надо провести довольно длительную и кропотливую предварительную работу. Тем не менее, культурно-воспитательному аппарату лагеря надо обратить еще большее внимание на эту работу.

Как уже указывалось выше, тридцатипятник в лагере всячески подчеркивает то, что он не является врагом советской власти, наоборот, при столкновениях с классово-враждебными элементами тридцатипятник выражает им свое презрение. Совершенно правильно поэтому в лагере делается ставка на эти настроения. Умело переключенная активность тридцатипятников приводит к чрезвычайно большому положительному эффекту. Бывшие профессиональные преступники становятся застрельщиками соревнования и ударничества, они показывают подлинные образцы ударной работы и дисциплинированности не только на производстве, но и в быту. Среди именно этой части заключенных легче всего создаются кадры младшего командного состава на производстве и в области культурно-воспитательной. Примером может служить воспитательница Береговая или такие, известные не только Советскому союзу, перекованные на Беломорстрое бывшие профессиональные преступники, как Биссе, Ковалев, Павлова и другие. Все они сейчас работают в качестве вольнонаемных в Дмитровском лагере и используют свое знание уголовной среды для быстрой и лучшей перековки новых лагерников.

Из этой части заключенных и создается наиболее крепкий актив, на который опирается администрация лагерей во всей своей работе.

Для того, чтобы подчеркнуть особое отношение к этой части заключенных, для большей ее сплоченности и организации — созываются специальные слеты тридцатипятников — районные, участковые или общелагерные. 1 июня 1934 г. в городе Дмитрове происходил 1 общелагерный слет тридцатипятников, на котором присутствовало свыше 300 делегатов со всего лагеря. Присутствуя на этом слете, нельзя было не убедиться в том, что это

вполне оправдавшее себя дело. Выступавшие в многочисленных прениях делегаты сравнивали свое прошлое, влекшее за собой беспросветное существование, перемежающееся заключением под стражу, с той созидательной работой в лагере, которая дает им такое большое удовлетворение. Они заявляли о том, что чрезвычайно гордятся предоставленной им возможностью выступать с той же трибуны, с которой выступал крепкий большевик, начальник управления Дмитровского лагеря т. Фирин. То, что с ними говорят, как с равными, то, что им доверяют, производит на них громадное впечатление. Но они отнюдь не рассыпаются в похвалах всем и каждому из лагерного руководства. В их многочисленных выступлениях совершенно отчетливо звучит деловая самокритика, которой подвергается каждый вне зависимости от его служебного положения. Так, например, один из выступавших требовал снятия руководства того участка, на котором он работает, так как это руководство недооценивает значения коллектива заключенных и мешает тому коллективу, который этот делегат представляет, хорошо работать и хорошо вести себя в быту. Этот делегат не побоялся привести некоторые факты, характеризующие неправильный подход со стороны участкового руководства к заключенным.

Сами заключенные в своих выступлениях отмечали необходимость и правильность совмещения в лагере принуждения с убеждением. Они требовали принятия самых решительных мероприятий в отношении тех, кто срывает их работу. Выступавшие на слете разоблачали деятельность классового врага в лагере, пытавшегося, в частности, подорвать значение слета. Классово враждебные элементы убеждали тридцатипятиников отказаться от участия в слете, представляющем, по их словам, лишь один из способов обмана заключенных со стороны администрации лагеря.

Незадолго до слета в лагерь прибыло с этапом несколько бывших досрочно освобожденных, совершивших новые преступления и вскоре арестованных. Классовые враги пытались и этот факт использовать для срыва слета и зачетной кампании. «Шептуны» немедленно распустили клеветнические слухи о том, что «зачет рабочих дней и досрочное освобождение — только приманка для дураков, чтобы заставить их работать на советскую власть, а на самом деле досрочно освобожденных по выходе из лагеря немедленно ловят и рассылают в другие лагеря».

Если даже такие факты, как арест нескольких рецидивистов, всячески используются классово враждебными элементами в своих целях, то тем более это относится даже к самым незначительным промахам, проявлению протекционизма или, напротив, необоснованной требовательности со стороны администрации лагеря. Во всех этих случаях отдельные ошибки раздуваются классовым врагом в якобы существующую систему неспра-

ведливости и протекционизма. Злоупотребление отдельного представителя низшего административного персонала, даже если он из числа самих заключенных, классовый враг пытается использовать для дискредитирования руководства и всей исправительно-трудовой политики советской власти.

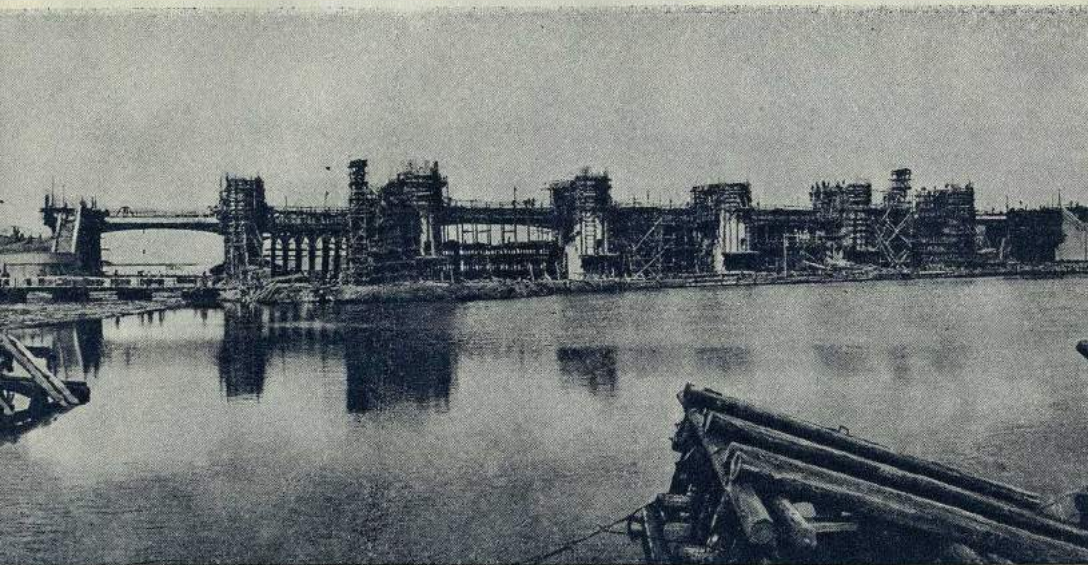
Таким образом самый незначительный промах в лагере создает питательную среду для деятельности классового врага и приобретает большое значение по силе своего резонанса на всю массу заключенных. Это еще раз подчеркивает необходимость чрезвычайно внимательного отношения к так называемым «мелочам», которые в лагерных условиях приобретают особенно большое значение по своему результату. Малейшее упущение в лагере, кроме всего прочего, представляет собой создание благоприятной обстановки для развития деятельности классово враждебной части заключенных.

Само собой понятно, что обострение классовой борьбы в стране, неизбежное на отдельных участках, находит отражение и в лагерях, — в специфической, конечно, форме. Поэтому вопрос о классовом враге в лагере требует особенно внимательного изучения и обобщения практики работы лагерей для выработки наиболее эффективных средств борьбы с проникновением влияния классового врага на всю массу заключенных. Особенно важно суметь противодействовать влиянию классового врага на заключенных из среды трудящихся.

Это показывает сложность разрешаемых в лагерях задач по классовому расщеплению всей массы заключенных и по дифференциации исправительно-трудовых методов, применительно к различному составу заключенных. Поэтому так важно создать в лагере актив из заключенных из среды трудящихся. Только опираясь на этот актив, руководство и культурно-воспитательный аппарат лагерей могут осуществить стоящие перед ними задачи по переделке сознания заключенных из представителей мелкобуржуазной анархичности, деклассированных элементов, правонарушителей из среды трудящихся и остатков разгромленного, но жестокого в своей агонии классового врага.

Необходимость сочетания принуждения и убеждения в лагере находит свое обоснование и в вышеприведенных примерах продолжения классового сопротивления в лагере. Совершенно ясна необходимость применения суровых мер по отношению к продолжающему вредительскую работу врагу. Суровое воздействие необходимо и в отношении наиболее не поддающейся переделке части лагерников. Сочетаясь со всеми формами исправительно-трудового воздействия, оно обеспечивает в лагере соблюдение жесткой дисциплины, на основе которой вырабатывается сознательная самодисциплина. Но при этом применении суровых мер всем лагерникам должно разъясняться значение деятельности проводников классово враждебных настроений, как людей, вре-

дящих всему коллективу заключенных. Ведь каждый лагерник, помимо всего прочего, заинтересован в скорейшем выполнении плана строительства, окончание которого несет за собой возможность досрочного освобождения для наиболее перековавшейся части заключенных. Тем самым срывающие выполнение производственных планов вредят интересам всей массы заключенных. Кроме того, что они своим разлагающим влиянием препятствуют процессу перековки, они самым непосредственным образом мешают быстрейшему освобождению других лагерников. А возможность более быстрого освобождения, реализуемая только путем ударного труда и зачета рабочих дней, — основное желание большинства заключенных.

ЗАКРЕПЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ
ПЕРЕВОСПИТАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Нет такого участка социалистической стройки, где бы поставленная решениями XVII конференции и XVII съезда партии задача преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей не вызвала нового притока творческой энергии в борьбе за социализм. По-новому встали перед нами и вопросы исправительно-трудовой политики. По-новому решается задача переделки сознания людей — деклассированных, разложившихся элементов «тридцатипятичников», находящихся в исправительно-трудовых лагерях.

Итоги работы в лагерях привлекли широчайшее внимание всей страны к этим вопросам, особенно с того момента, когда стали известны результаты строительства Беломорско-Балтийского канала им. Сталина. Но полный ответ на вопрос о действительности и прочности перевоспитания преступника нельзя дать сразу в день его освобождения из лагеря. С момента освобождения из лагерей больших групп заключенных встал вопрос об их дальнейшей судьбе. А ведь решение этого вопроса является и конечным решением вопроса о перевоспитании в целом. Одно дело ударная работа в лагере, другое — поведение бывшего преступника в условиях свободного трудового общежития. Для значительной части освобождающихся из лагерей бывших профессиональных преступников свобода представляет собой самый трудный и, к сожалению, не для всех посильный экзамен на устойчивость переделки всей его психологии, искоренения пережитков прошлого из сознания, на устойчивость вновь приобретенных трудовых навыков.

Случаи рецидива преступлений со стороны освобожденных из лагерей вызывают у многих сомнения в возможности подлинной переделки сознания, достигаемой методами исправительно-

трудоустройственной политики. Не вдаваясь в анализ причин рецидива, такие безнадежные скептики не прочь иной раз поговорить даже о провале всей системы. Есть ли на самом деле рецидив среди освобожденных из лагерей? Да, есть. Это совершенно бесспорно. Но чем он вызывается? Объективными условиями, существующими в нашей стране, внутренней неправильностью работы лагерей, безнадежностью самой задачи перевоспитания или недостатками в каких-то звеньях работы, необходимой для завершения исправительно-трудоустройственного воздействия, проводящегося в лагерях? Вот какие вопросы нужно решить для того, чтобы убедиться в реальности перевоспитания бывших преступников.

Во многих капиталистических странах проповедуется, как известно, теория «неисправимости профессионального преступника». Для упрощения проблемы такого преступника наделяют специфическими преступными биологическими данными. Осмеянное самой буржуазной наукой учение Ломброзо о прирожденном преступнике воскрешается с тем большей настойчивостью, чем круче и острее становятся противоречия капиталистической действительности. Неудивительно поэтому, что именно Германия стала в последнее время главным центром биологических теорий. Кречмер, создавший целое направление конституционалистов в уголовном праве; Бирнбаум, выделяющий особый дегенеративно-криминальный тип психопата; Бюксенбургер, создающий теорию наследственной предрасположенности к преступлениям; Кан, вслед за Крепелином, объявляющий особые группы психопатов «холодных аубистов» прирожденными «врагами общества» и зачисляющий в этот разряд вождей Баварской республики; Роден, утверждающий примат биологии в природе преступления, и Лонге, объявляющий преступление неотвратимым фатумом — судьбой, — все они выполняют в утонченной наукообразной форме один и тот же социальный заказ. В наиболее пошлой и обывательской форме, с неподдельной самоуверенностью мещанина, не имеющего понятия о науке, решает вопрос сам «фюрер» фашистской Германии.

В своей книге «Моя борьба» Гитлер прямо заявляет: — «Прирожденный преступник, разумеется, был и останется преступником».

Другие теоретики буржуазного уголовного права, более трезво смотрящие на вещи, признают иной раз, что профессиональный преступник неисправим и безнадежен прежде всего не в силу своих биологических дефектов, как это утверждают ломброзианцы, и даже не в силу недостатков «исправления» в тюрьме, но прежде всего в силу тех условий, которые окружают его при выходе на свободу. Важность этого момента отмечает даже такой специалист полицейской борьбы с профессиональными преступниками, как Хейндль, работа которого о «преступнике по призванию» выдержала девять изданий и сыграла немалую роль

в обосновании теории несправимости «преступника по призванию». Уже самая живучесть этих теорий несправимости показывает, что под ними скрыто какое-то объективное — конечно не биологическое, а классовое основание. Действительно — условия капиталистического общества заставляют человека, раз совершившего преступление и не принадлежащего к привилегированным классам, окончательно вступить на путь преступлений. Другого выхода для человека, не имеющего средств к существованию после отбытия тюремного наказания, при капиталистическом строе нет. «В настоящее время, как и раньше, освобожденный без средств, без работы, без помощи, принужденный бродяжничать, не имеет перед собой других путей, кроме лагерей, ссылки или их больниц, с отделениями, являющимися убежищем для сошедших с ума, прокаженных и т. п.»¹.

Вышедший на свободу не может в буржуазном обществе найти себе работу. «Никто их (освобожденных из тюрем — И. А.) не возьмет на работу: это прокаженные. Я видел, — описывает свои впечатления о Париже Эренбург, — одного подростка у ворот тюрьмы Ракетт. Мимо шли люди. Он стоял с узелком и не знал, куда ему итти. Его выпустили — он отбыл свой срок, но свобода встретила его недоверчиво и злобно. Он растерянно поглядывал по сторонам. Может быть вскоре он вернется в ту же тюрьму, получив еще несколько лет за рецидив кражи. Может быть это совершится после гражданского совершеннолетия, и тогда его повезут в другую тюрьму — на улице Сантэ»².

Достаточно прочитать эти строки, говорящие о невозможности исправления преступника в капиталистическом государстве, чтобы получить ответ и на первый вопрос, поставленный выше. Условия пролетарского государства и в этом отношении противоположны капиталистическому миру. Обстоятельства, рождающие неизбежность рецидива, в основном в нашей стране уже выкорчеваны. Победа социализма, разгром классового врага и идущее полным ходом преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, окончательная ликвидация безработицы — все это означает наличие у нас полной объективной возможности для устранения рецидивов и превращения бывших профессиональных преступников в честных трудящихся, в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества.

Конечно, и у нас до сих пор еще имеется ряд трудностей в этой области, но трудности эти второстепенного порядка. Они связаны прежде всего с тем, что и в СССР есть еще группы профессиональных преступников, живущие своим обособленным миром, всячески стремящиеся влиять на бывшего профессио-

¹ Руссо Луи, Врач на каторге, Париж, 1930 г.

² Эренбург И., Мой Париж, 1933, с. 199.

нального преступника, старающиеся удержать его в своей среде, соблазнить его и увлечь на старый путь.

Уголовная среда противодействует разрыву бывших профессиональных преступников с преступным миром, пуская в ход хитрость и насилие.

Так, когда после окончания строительства Беломорского канала значительная группа ударников, освобожденных из лагеря, была направлена в один из наших крупнейших центров на большое строительство, в районе его начались повальные кражи. Местные жители и организации решили, что кражи совершаются бывшими лагерниками. Но беломорстроевские ударники сами помогли розыскным органам найти подлинных преступников и открыли настоящий заговор со стороны уголовной среды. Оказалось, что весь уголовный мир города был буквально мобилизован для того, чтобы всю свою преступную деятельность сосредоточить в районе работы бывших беломорстроевцев. Для того, чтобы их скомпрометировать и тем самым толкнуть на путь возврата в уголовный мир, была пущена в ход эта провокация. Прекрасно учитывая, как на бывшего профессионального преступника, решившего навсегда порвать с прошлым, могут подействовать атмосфера недоверия и несправедливые обвинения, уголовная среда попыталась искусственно создать такую атмосферу.

Вот другой факт, показывающий всю ожесточенность борьбы уголовного мира за возвращение освобожденных из лагерей на старый путь. После выхода из Беломорско-Балтийского лагеря один хорошо известный одесской уголовной среде бывший профессиональный преступник поехал обратно в Одессу. Он повел среди рецидивистов, находящихся на свободе, агитацию за честную жизнь и прекращение паразитического преступного существования. В связи с такой его деятельностью он вскоре же был убит теми элементами из преступной среды, которые боялись его влияния на остальную часть преступников.

Подобные факты, — а их можно привести еще очень много, — говорят о том, с каким ожесточением борется уголовный мир против тех, кто уходит от него и вступает на путь честной жизни и активного участия в строительстве социалистического общества. Всевозможными ухищрениями, порой очень тонко продуманными, уголовная среда стремится воздействовать на освобожденных из лагерей.

Но эта ожесточенность борьбы уголовной среды за возвращение бывших заключенных на старый путь и методы этой борьбы — провокация и убийства — говорят не только о трудностях закрепления перековки. Они говорят еще больше о другом и прямо противоположном — о том, что сама уголовная среда считает необходимым искусственное давление для того, чтобы вернуть исправившегося на старый путь преступности. Сами

методы этой борьбы показывают, что основные условия, делавшие объективной необходимостью возврат бывшего преступника на путь рецидива, у нас уже устранены.

Вряд ли нужно сейчас много дискутировать и по вопросу о правильности основных принципов нашей исправительно-трудовой политики в отношении преступников-профессионалов. Всей стране известны факты массового героизма на строительстве Беломорско-Балтийского канала бригад, составленных из «тридцатипятников», т. е. в основном из профессиональных преступников. Примеры Биссэ, Ковалева, Павловой, Гинзбурга и др., заслуживших награду орденом Трудового красного знамени и подлежащих после своего освобождения вести самоотверженно ответственную работу на строительстве канала Москва—Волга и в других местах, говорят сами за себя. Постановление правительства, изданное в связи с окончанием Беломорско-Балтийского канала, а также постановление о передаче всех исправительно-трудовых учреждений в ведение НКВД достаточно показывают, какая общая оценка работы лагерей по перевоспитанию преступников дается высшими органами советской власти.

Конечно, и здесь, как при всякой массовой и трудной работе, имеются отдельные ошибки и недостатки. Какой-нибудь преступник может обмануть бдительность лагерного руководства. Вместо действительной перековки может иметь место приспособление, хитрая маскировка. Но из этих отдельных случаев обмана нельзя ни в коем случае приходить к мысли об отказе от принципов нашей исправительно-трудовой политики, от могучих стимулов досрочного освобождения, зачета рабочих дней и других методов перевоспитания заключенных.

Не следует также забывать, что если определенная часть освобождающихся опять попадает в лагерь, то основная масса бывших профессиональных преступников показывает и после освобождения образцы честной, подлинно-ударной работы.

В этом вопросе невозможно дать исчерпывающей статистики. Но тщательное изучение материалов о причинах рецидива приводит к выводу, что не в отдельных случаях обманного выхода из лагерей лежат основная опасность, основная трудность закрепления перековки.

Как бы ни были положительны результаты переделки сознания заключенного внутри лагеря, предоставление освобожденного целиком самому себе в борьбе со всеми препятствиями, стоящими на пути полного разрыва с прежней паразитической и преступной жизнью, может свести в ряде случаев на-нет все эти результаты. Конечный успех перековки решается уже за пределами лагерей, в условиях свободной жизни.

Большая затрата материальных и моральных сил и энергии, вложенных в дело перековки тридцатипятников, требует завершения этой работы лагерей, дальнейшего закрепления резуль-

татов перековки. В противном случае вся эта работа пойдет на смарку. Закрепление перековки после освобождения заключенных из лагерей — последнее и чрезвычайно важное звено во всей цепи мероприятий по переделке сознания бывших преступников. Советская общественность должна притти на помощь тем, кто, не желая возврата к прошлому, тем не менее не обладает достаточной силой воли для крепкого и решительного отпора своим прежним сотоварищам из преступной среды. Эта помощь будет решать исход борьбы между былыми преступными и вновь приобретенными в лагерях трудовыми навыками и во много раз увеличит силу сопротивления бывшего профессионального преступника неизбежным поползновениям преступного мира втянуть обратно в свою среду своего бывшего сотоварища. Те условия, в которые попадает бывший лагерник по выходе на свободу, имеют значение для ответа на вопрос, войдет ли он в семью трудящихся или снова опустится на дно уголовщины и вернется в лагерь с новым сроком наказания.

Неслучайно поэтому вопрос о том, что ждет бывших лагерников после выхода на свободу, волнует их с самого начала действительной перековки. Как отнесутся на свободе к перековавшемуся? Поверят ли ему и помогут ли ему создать иную, новую жизнь? Еще в 1931 г. в Соловецких лагерях освобождающиеся ставили этот вопрос, как один из наиболее больших, наиболее их тревожащих вопросов. Так, в газете «Перековка», органе Соловецких лагерей, в марте месяце 1931 г. один из получивших свободу Н. Козаков писал: «Вопрос о будущем для многих освобождающихся сорокадевятников¹ — большой вопрос... мы тут привыкли уже к труду и на старое «ремесло» поставили крест»².

По мере большего охвата заключенных перековкой и роста стремлений к разрыву с прежней преступной «профессией», начинает все громче звучать тот же вопрос: что будет по освобождении? Как встретит пролетарский коллектив бывшего правонарушителя? На страницах «Перековки» в заметках лагерных корреспондентов, в письмах к руководству лагерем заключенные говорят о мучащих их сомнениях. «Бывшие соцвреды, добровольно вступившие в лагерях на путь сознательного творческого труда, проходят в коллективах трудовую школу. Для настоящего коллективиста действительно нет возврата к уголовному прошлому. Но каждого коллективиста волнует вопрос, — как его встретят на свободе после отбытия срока изоляции? Как на него будут смотреть на фабрике, в колхозе, в совхозе? Для них (освобождающихся — И. А.) злободневный вопрос: куда ехать, что делать?»³. Боязнь встретить неприязненное и недоверчивое отно-

¹ Термин, соответствовавший тогда «тридцатипятиникам».

² Газета «Перековка» Управления Соловецких лагерей («Услуг») от 29 марта 1931 г.

³ Газета «Перековка» Услуга от 7 августа 1931 г.

шение к себе за пределами лагеря заставляет многих из освобождающихся просить об оставлении их на работе в лагерях в качестве вольнонаемных работников или где-нибудь поблизости от лагерей. Освобождающиеся стремятся остаться на работе «...на знакомом производстве, в местах, где на тебя привыкли смотреть, как на исправившегося, честно работающего человека...»¹.

Попутно с этим встает другая сторона этой же проблемы. Сами лагерники ставят вопрос о том, насколько сильной окажется та новая закалка, которую получил в лагере бывший профессиональный преступник? Окажется ли она достаточно крепкой при соприкосновении с внешним миром, со всеми таящимися в этом непосредственном и свободном соприкосновении опасностями? «Сможет ли он, будучи освобожденным в одиночку, удержаться на прямой дороге?»². Боязнь после сдерживающего начала коллектива и твердой лагерной дисциплины сразу после освобождения быть предоставленным самому себе охватывает лагерников. Они прекрасно учитывают значение своего коллектива и в вопросе закрепления перековки на свободе. Многие коллективы и в Соловецких лагерях и в других лагерях ставят перед руководством даже вопрос о том, нельзя ли сделать так, чтобы, исходя из сроков лишения свободы отдельных членов коллектива, вывести средний срок каждому из них для того, чтобы все члены коллектива освободились из лагеря в одно время. Эти наивные просьбы мотивировались тем, что члены коллектива, будучи разобщены, подвергаются большей опасности рецидива после освобождения из лагеря, тогда как коллективное воздействие одного на другого, вся обстановка коллектива будут значительной гарантией против возможных падений кого-либо из них. Интересно отметить, что первый коллектив-коммуна, возникший в Соловецких лагерях, первым же и выдвинул подобного рода предложение. Само собой понятно, что пойти навстречу таким нарушающим наш советский закон требованиям администрация лагерей не могла. Однако организационных форм для реализации такой исключительной важности задачи, как закрепление перековки, не имеется и по сегодняшний день.

Причинавшиеся Главным управлением лагерей НКВД мероприятия по устройству на работу освобождающихся из лагерей, того или иного вида помощь бывшим заключенным до самого последнего времени носили эпизодический характер. Эта помощь предоставлялась только тогда, когда освободившийся проявлял большую активность и сам обращался за помощью. Таким образом помощь производилась от случая к случаю и не носила организационно закрепленного и планового характера. Да и в самом Главном управлении лагерями не имелось людей, призванных специально заниматься вопросом закрепления перековки. Этим

¹ Газета «Перековка» Услуга от 7 августа 1931 г.

² Там же.

занимались, пожалуй, почти все руководящие работники Главного управления и в особенности Культурно-воспитательный отдел ГУЛАГ.

Но эта работа не была специализирована, и можно с полным правом сказать, что работа с освобождающимися по-настоящему еще не развернута. Лишь в отдельных случаях, как, например, в связи с окончанием такого грандиозного строительства, как Беломорско-Балтийский канал, и одновременным освобождением больше десятка тысяч лагерников, целые группы бывших заключенных направлялись на работу в плановом порядке, по предварительной договоренности с предприятиями. Среди этой части бывших лагерников менее всего находят место нездоровые явления или сомнения в правильности выбранного трудового пути. От них Главное управление лагерями получает самые бодрые письма, ибо в своем коллективе эти освобожденные чувствуют себя уверенно и твердо.

По-иному обстоит дело с освобожденными в одиночку. Каждый из них самостоятельно налаживает новую жизнь и в большом количестве случаев наталкивается на ряд препятствий, преодолеть которые не всякий освобожденный оказывается в состоянии.

Нередко освобожденные обращаются в Главное управление лагерями, т. е. в тот орган, которому они привыкли доверять еще будучи в лагере. Характерно в этом отношении заявление двух бывших беломорстроевцев, досрочно освобожденных за ударную работу при сооружении Беломорско-Балтийского канала имени товарища Сталина. В этом заявлении Корсаков-Земцев Н. П. и Шершаков П. Д. просят помочь им устроиться на работу. «Мы чувствуем под собой не совсем прочную почву, — говорится в этом заявлении, — поэтому, чтобы не ударить в грязь лицом, чтобы не говорили, что бывшие беломорстроевцы вернулись на старый путь, мы, двое тридцатипятичников, убедительно просим помочь нам выбраться из начавшего засасывать нас болота... Если вы откажете нам в содействии, то мы погибли... Мы будем так же честно и добросовестно работать, как работали на Беломорстрое. Мы докажем, что людьми мы можем быть, как показали наши товарищи по работе». Это заявление написано в марте месяце 1934 г., т. е. тогда, когда в нашей прессе уделялось довольно значительное внимание вопросам перековки. Тем не менее, общественные организации и ряд учреждений, куда обращались Корсаков и Шершаков, не только не пошли им навстречу, но всячески противодействовали удовлетворению самых законных их требований.

Аналогичное положение вскрывается письмом бывшего заключенного Киреева А. И., который 14 декабря 1933 г. также был досрочно освобожден за ударную работу в лагере. Киреев в лагере получил хорошую квалификацию техника-нормировщика и в течение трех лет в лагере работал по этой специальности. Видя

безрезультатность своих хлопот, Киреев обратился в марте 1934 г. в ГУЛАГ с письмом, где говорил: «...я два месяца ищу работы, но как только предъявляю свои документы, где указано мое пребывание в лагере ОГПУ, то все в заметном страхе отказывают мне в работе. Я в данную минуту совершенно все прожил и не имею никаких средств к существованию, и передо мной встали сейчас два пути: 1) пойти воровать или стать бандитом и 2) покончить свою жизнь самоубийством. На первое я пойти не могу, так как в лагерях ОГПУ получил политико-моральное воспитание и могу только честно работать».

Подобные заявления получают Главным управлением лагерей НКВД и управлениями отдельных лагерей очень часто. Основное их содержание сводится к просьбе о помощи в налаживании трудовой жизни в первоначальный ее период, в период приспосабливания к работе.

Не следует, однако, считать, что этим исчерпываются все трудности. Значительная часть освобождающихся устраивается на работу. Но и это не разрешает полностью вопроса. Бывший лагерник, начав работу, нередко вне зависимости от качества этой работы подвергается самым разнообразным преследованиям со стороны отдельных руководителей тех организаций, в которых он работает. Порой не по разуму ретивые администраторы, узнав о том, что их подчиненный является в прошлом лагерником, всеми мерами в открытой или завуалированной форме стремятся от него избавиться. В этой неравной борьбе бывший заключенный нередко оказывается побежденным и вынуженным бросить работу или по прямому предложению начальства или в связи с создавшейся вокруг него невозможной для работы обстановкой.

Наиболее активная и устойчивая часть освобожденных ищет поддержки и помощи в той организации, которая, перековывая людей, обещала им возможность вступления в трудовую семью. Некоторые из бывших лагерников пишут и в другие организации, пишут в лагерные газеты, от которых они привыкли получать советы и помощь. В сентябре месяце 1934 г. ответственный редактор газеты «Перековка» Беломорско-Балтийского комбината получил письмо от бывшего беломорстроевца Бахмутова Н. Р. В этом письме Бахмутов указывал, что до лагерей он только знал одно воровство, аферы, но «благодаря правительству СССР и ОГПУ я научился в лагерях слесарем хорошим и кочегаром». Но вот оказывается, что по выходе на свободу Бахмутов не может найти постоянной работы, несмотря на полученную им в лагере квалификацию. Кончает он свое письмо следующими словами: «От редакции «Перековки» жду помощи советом». Это письмо было переслано редакцией газеты в Главное управление лагерей НКВД, которое помогло Бахмутову получить работу.

Подобного рода заявления и письма не единичны. Так, бывший заключенный Муравлянский, досрочно освобожденный в 1931 г., за три года был вынужден переменить почти десяток мест работы. Несмотря на хорошие отзывы о его работе, ему всюду приходилось уходить несколько раз. После жалобы в соответствующие организации ему удавалось восстановиться на работе, но обстановка для работы создавалась абсолютно не возможная, и в таких случаях ему самому приходилось бросать работу. В других случаях его увольняли, ссылаясь исключительно на бывшую судимость, и ему приходилось вновь искать для себя работу. На последней службе в г. Канске он работает уже после восстановления и в письме, обращенном через газету «Правда» к т. Кольцову, сообщает, что из-за обстановки в работе ему в самом недалеком будущем придется опять подыскивать новую работу. В связи с этим он просит помощи и совета. «Получив освобождение,—пишет Муравлянский,—я очень скоро убедился, что мое стремление искупить вину перед советской общественностью такой же честной работой, какой я заслужил освобождение,—не так просто. ...Свой срок я отбыл в 1931 г., и сейчас честно работаю, но мне ставят преграды из-за моей судимости».

Освобожденный за ударную работу в конце 1932 г. бывший лагерник Кравченко И. Я. в сентябре месяце 1934 г. обращается примерно с такой же просьбой в НКВД. С момента освобождения он так же, как и Муравлянский, должен был переменить несколько раз место своей работы. В связи с этим Кравченко ужасается, что его «...трудовой список производит такое впечатление, что я — легуи, отовсюду бегающий с работы».

Подобного рода заявления — от Давыдова, Киселева, Хартовского и многих других — говорят о том, что выход на свободу для многих из бывших лагерников несет с собой такие испытания, преодолеть которые способны далеко не все.

Главное управление лагерями НКВД оказывает реальную помощь и поддержку освобожденным, обращающимся к нему с заявлениями и письмами и во всех подобных случаях напоминает соответствующим учреждениям и организациям о том, что согласно постановлению правительства, опубликованному в центральных газетах от 5 августа 1933 г., досрочно освобожденные ударники, работающие на строительстве канала имени товарища Сталина, проявившие себя и показавшие на работе свое действительное исправление, имеют право на получение работы в первую очередь.

На основании характеристик, имеющих в лагерях на каждого заключенного, на основании того материала, который отражает поведение и действительное желание порвать с прошлым каждого из лагерников, Главное управление лагерями содействует тем, кто проявил себя во время пребывания в лагере с положительной стороны. Так, например, 23 сентября 1933 г. ГУ-

ЛАГ обратился к директору Тульского металлокомбината с таким письмом: «Учитывая, что гр. Киселев освобожден из лагерей ОГПУ досрочно, ГУЛАГ ОГПУ считает возможным просить вас о приеме гр. Киселева, по специальности слесаря, на работу». С аналогичными просьбами обращается Главное управление лагерями и в те учреждения, которые после ничем не запятнанной работы бывшего заключенного увольняют его, ссылаясь на то, что они не хотят держать у себя людей, провинившихся в прошлом перед государством.

В большинстве случаев такие ходатайства Главного управления лагерями НКВД удовлетворяются. Понятно, однако, что даже при положительном разрешении вопроса на такую переписку уходит много времени. Естественно, что все это подвергает устойчивость перековки ничем не оправдываемым излишним испытаниям, а в отдельных случаях, потеряв надежду устроиться на работу, кое-кто из бывших лагерников вновь скатывается на путь преступлений.

Отсутствие должной чуткости и внимания к бывшим заключенным, бездушное, бюрократическое отношение со стороны некоторых бюрократов к их нуждам играют немалую роль в формировании из этой категории людей рецидивистов. Вредное влияние оказывает также, особенно в первый период после освобождения, отсутствие организационно-оформленной поддержки и помощи. В письме на имя одного из руководящих работников Главного управления лагерями НКВД об этом писал один из освобожденных в 1932 г. Правишников Н. В., работавший в системе лагерей по культурно-воспитательной части. В течение длительного времени он безуспешно пытался войти в трудовую жизнь. Не имея поддержки, не получая помощи на новом, неизведанном ранее им пути, он в результате не смог устоять против вновь пробудившихся привычек прошлого. «Без моральной общественной поддержки, — пишет Правишников, — я снова скатился в то болото, откуда тщетно пытался выкарабкаться». После почти годового перерыва Правишников в августе 1933 г. опять попадает в лагерь. Возможно, что при своевременно оказанной помощи Правишникова не пришлось бы вновь посылать в лагерь. Его участь решило в значительной мере то, что он был брошен на произвол судьбы.

В Дмитровском исправительно-трудовом лагере, в личной беседе с лагерниками, вновь осужденными вскоре после освобождения, удалось выяснить причины, толкающие их на рецидив. Заключенный Давыдов рассказал о том, что в 1933 г. по выходе на свободу из Беломорско-Балтийского лагеря он, вследствие недоразумения с документами и недоверчивого к нему отношения со стороны работников милиции, знавших его ранее как профессионального преступника, не смог устроиться на работу. Прожив все, что имел, Давыдов вернулся к знакомому делу — начал

вновь воровать. «Конечно, — говорит Давыдов, — я хотел работать, но ведь тяжелые условия в том, что никак не можешь привыкнуть к нормальной жизни, к труду». В результате Давыдов осужден за новое преступление и отбывает наказание в Дмитровском лагере.

Аналогичен рассказ заключенного Князева, который также не сумел найти себе работы и, как и Давыдов, не обратился в органы Наркомвнудела за помощью. Он обращался в несколько местных организаций, но никакой поддержки и помощи в устройстве на работу не получил. Князев в беседе прямо указал, что «все дело в том, чтобы устроиться на работу».

О том же рассказывает заключенный Крюков, который в течение нескольких месяцев искал себе работу, но встречал неприязненное отношение и отказы. Кончил он тем, что опять начал воровать. Давыдов, Крюков и Князев вышли из лагеря с желанием начать трудовую жизнь, но неумение устроиться на работу или обратиться за помощью в соответствующие организации привело их обратно в лагерь.

Иное впечатление производит заключенный Михеев, который видимо вышел из лагеря недостаточно проверенным. Отсутствие коллектива, полное предоставление самому себе были для него достаточными причинами возврата в преступную среду. Вскоре после освобождения он, совместно с другим профессиональным преступником, совершил ограбление и был опять заключен в лагерь. Заключенный Кателевский после освобождения также сразу не смог устроиться на работу и, встретившись с со товарищами по прежним преступлениям, быстро вернулся к прошлому. Поддержка и товарищеское коллективное воздействие после освобождения вероятно удержали бы его от рецидива. Несмотря на то, что, как он говорит, ему надоело воровать, сам он не мог проявить достаточной активности и настойчивости, необходимой для того, чтобы начать трудовую жизнь. «Если бы меня устроили на работу, стал бы работать», — говорил он.

Таким образом изучение причин рецидива в конкретных случаях приводит к выводу, что в значительной степени рецидив этот идет за счет отсутствия организационных форм закрепления проделанной в лагерях работы над изменением сознания профессиональных преступников.

Это положение подтверждается не только приведенными отрицательными фактами. Не менее, а пожалуй, еще более убедительное доказательство того положения, что трудности закрепления перековки сводятся по существу к целиком зависящему от нас самих организационному вопросу, а не являются какой-то непреодолимой, объективной закономерностью, дают положительные результаты правильного подхода к освобожденным. Нет никаких объективных препятствий к тому,

чтобы сделать положительный опыт работы с бывшими заключенными не только хорошим примером, а общим правилом.

В ряде предприятий бывшие заключенные по выходе на свободу встретили чуткое к себе отношение. Им удалось быстро найти работу при помощи тех организаций, которые правильно подошли к человеку, своим ударным трудом в лагере завоевавшему право на звание трудящегося. Об этом бывшие лагерники пишут своим лагерным руководителям, своим товарищам по лагерям. Чувством большой гордости своей новой жизнью «полноправного гражданина, строителя социализма»¹ дышит каждая строка в таких письмах. Бывший вор-рецидивист В. Яношев, работающий в настоящее время помощником прораба на строительстве паровозо-вагоно-ремонтного завода, рассказывает о своей новой трудовой жизни тем, кто еще остался в лагере. Он пишет о том, что когда-то раньше он не мог себе представить, что он бросит преступное ремесло и начнет трудиться. Но перевоспитавшись в лагере и получив хорошую квалификацию, он по выходе на свободу нашел свое место в среде строителей социалистического общества. «Освободившись, я поступил на строительство паровозо-вагоно-ремонтного завода. Первые 15 дней был десятником. В работе мне помогали приобретенные на Беломорстрое высокая сознательность, любовь к труду, дисциплинированность. Вскоре я был выдвинут на работу помощника прораба с окладом 350 рублей. Теперь предо мной, правонарушителем в прошлом, открыто прекрасное будущее»². Заканчивает свое письмо Яношев призывом ко всем тридцатипятиникам порвать с уголовным прошлым и начать трудовую жизнь, открывающую широкие горизонты.

Зачастую освобожденные обращаются к своим бывшим руководителям с благодарностью за то, что обещанное им в лагере как награда за ударную работу и подлинную перековку вступление в единую трудовую семью Советского союза реализовано. Пишет об этом своему бывшему начальнику в Темниковские исправительно-трудовые лагеря освободившийся отсюда 28 июня 1934 г. Бабин. Самое важное для Бабина заключается в том отношении, которое он встретил после своего освобождения. «Отношение ко мне всюду было, как к человеку, прошедшему перековку и имеющему право на жизнь в социалистическом обществе... Еще раз благодарю вас за путевку в жизнь, с которой, прошу верить, сумею доказать на воле, что Темники дают всякому выходящему лагернику неуклонное направление быть всегда передовиком и застрельщиком-ударником в работе»³.

¹ Газета «Перековка» Беломорско-Балтийского комбината № 100 от 20 декабря 1933 г.

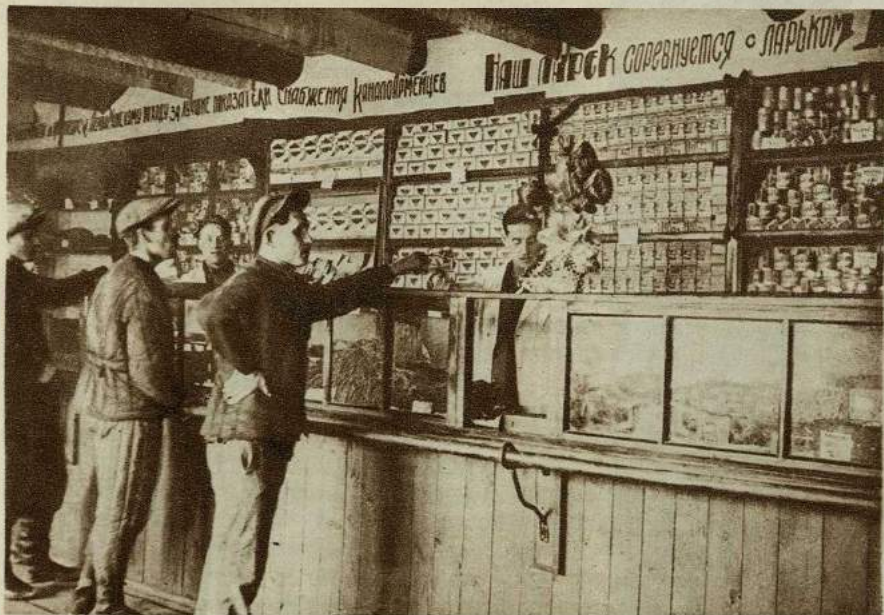
² Там же.

³ Из письма Бабина А. А. от 9 июля 1934 г. нач-ку Темниковского исправительно-трудового лагеря.

Теми же настроениями проникнуты письма Цветкова, Кунгурова, Дикова и других.

Наибольшей бодростью и верой в свои силы на трудовом пути звучат письма тех освобожденных, которые после выхода на свободу были направлены на работу целыми группами. Работавшие на строительстве Криворожского металлургического завода бывшие беломорстроевцы Никищенко, Кожевников и Загородный обратились с приветствием к «заслуженным чекистам БМС, коллективу строителей Беломорстроя, редакции газеты «Перековка». В этом приветствии они описывают условия своей работы в Кривом Роге на строительстве завода, в котором принимают участие сто человек бывших участников строительства Беломорско-Балтийского канала имени товарища Сталина. «Благодарим наших руководителей БВВП, — пишут Никищенко, Кожевников и Загородный, — давших нам досрочное освобождение и научивших нас строить и перековываться в полезных людей страны». Все они получили от местных организаций самые положительные отзывы. Эти бывшие лагерники, будучи на свободе, не хотят порывать связь с лагерем, так много давшим им. Поэтому они просят посылать им хотя бы один номер лагерной газеты на всех с тем, чтобы они могли быть в курсе тех событий, которые радуют или тревожат оставшихся еще в лагерях их товарищей. Бывшие беломорстроевцы в довольно большом количестве были направлены после освобождения в Криворожский бассейн. Из них примерно пятнадцать процентов с этой работы по различным причинам ушло. Оставшиеся получили очень высокую оценку со стороны местных партийных органов и администрации. В телеграмме от 14 декабря 1934 г., адресованной Главному управлению металлургической промышленности Наркомтяжпрома, указывается, что бывшие лагерники «...работают хорошо. Примерно тридцать процентов были премированы в течение этого года. Большинство участвует активно в общественной жизни...» В подробных характеристиках 123 бывших беломорстроевцев, работающих в настоящее время в десяти рудоуправлениях треста «Руда», большинство из них получило самые положительные отзывы. Почти все они являются уже членами профессионального союза, и многие проявили себя с положительной стороны не только в производственной, но и в общественной работе¹. Так, например, бывший лагерник Пугачев, согласно характеристике, «...работает на шахте им. Шильмана слесарем. План перевыполняет. Принимает активное участие в общественной производственной жизни. Член союза». Интересно, как показатель настроений этой группы освобожденных из лагеря, письмо на имя агитбригады бывшего члена ее Знаменского А. Н. «Я сейчас работаю на стройке Кри-

¹ Характеристики работы бывших беломорстроевцев, направленные в Дмитровский лагерь трестом «Руда» 21 декабря 1934 г. за № 432.

Хозрасчетный ларек (3-й участок Восточного района)

Уголок выставки на слете националов (Дмитровский район)

Береговая — бывшая тридцатипятиница, по отбытии наказания оставшаяся работать в лагере по вольному найму

Бывшие беломорстроевцы, работающие по вольному найму в Дмитровском лагере

25

ворожского металлургического комбината, — пишет Знаменский, — я уже комсомолец — выбран членом цехового комитета. Процент выполнения производственного плана не ниже 200%, заработок 500—600 руб. в месяц. Руковожу агитбригадой при заводском клубе»¹. Знаменский работает токарем по металлу по 6 разряду. Агитбригада организована им из бывших беломорстроевцев. С этой агитбригадой он активно борется за выполнение производственного плана своего строительства. «Кроме того, — пишет Знаменский начальнику Дмитровского лагеря т. Фирину, — я при помощи ребят из I отделения — Санирова, Иванова, Тарасенко — организовал трудколлектив по принципу Беломорстроя. Называется он «Трудколлектив имени Беломорстроя». Я председатель этого коллектива»².

Бывшие лагерники, работающие целой группой на строительстве завода им. т. Ворошилова, получили также очень хорошие отзывы. Четвертым Мосстройтрестом 28 января 1934 г. в ответ на запрос Главного управления лагерями НКВД были даны характеристики всем бывшим заключенным в Беломорско-Балтийском лагере, работающим после освобождения на строительстве завода имени т. Ворошилова. Все тридцать три характеристики говорят о хорошей производственной работе бывших беломорстроевцев, ставших по прибытии на строительство сразу в ряды ударников. Один из освобожденных — Пашицкий В. С. — по данной ему характеристике «лучший на строительстве бригадир-ударник»³. Характеристики эти говорят о том, что все бывшие беломорстроевцы ведут себя хорошо не только на производстве, но и в быту.

О работе бригады бывших беломорстроевцев, работающих на строительстве магистрали Москва — Донбасс, писалось в нашей центральной прессе. Под руководством своего бригадира, бывшего лагерника Минаева, эта бригада показала подлинно ударные темпы и качество работы. По отзывам местных организаций «бригада Минаева является застрельщицей борьбы за темпы и качество строительства»⁴. Бывшие беломорстроевцы «...активно борются со всеми неполадками в организации работ. Рабочие этой бригады отличаются добросовестностью, аккуратным подходом к работе. Сейчас они являются лучшей бригадой на участке, дают рекордные показатели. С первого дня они показали себя подлинными ударниками, выполнив 230% дневного задания, а в среднем за июль дали 183%. В настоящее время они держат пе-

¹ Письмо Знаменского А. Н. на имя агитбригады от 5 марта 1934 г.

² Письмо Знаменского А. Н. н-ку Дмитровского лагеря т. Фирину.

³ См. характеристики 4 Мосстройтреста, направленные в ГУЛАГ НКВД 28/1 1934 г.

⁴ Отзыв о работе бригады Минаева за подписью начальника 1 строит. участка магистрали Москва — Донбасс т. Шапиро, партийного организатора т. Курилюк и председателя учкома т. Павлова.

реходящее красное знамя участка и можно быть уверенным, что эти бойцы не скоро его отдадут»¹. Вся эта бригада рапортует своему бывшему непосредственному начальнику в лагере т. Афанасьеву о своих достижениях. В рапорте члены бригады указывают не только на свои достижения по линии выполнения производственного плана, но и на свое участие в общественной жизни строительства. Они активно работают «во всех кружках культурной работы», берут «на общественный буксир отстающие бригады», состоят «в летучей кавалерии по общественному питанию» и выполняют ряд других общественных обязанностей. Заканчивает свой рапорт бригада благодарностью по адресу т. Афанасьева, сумевшего всех их перевоспитать. В результате той закалки, которую они получили в лагере, все они находятся «...в первых рядах наших большевистских работников и в рядах честных рабочих нашего пролетарского Союза ССР»². В письме на имя лагерников члены бригады подчеркивают, какое большое влияние на них оказало то, что их встретили очень радушно на строительстве. Бывшие лагерники с большим энтузиазмом взялись за работу для того, чтобы доказать, что они достойны такого к себе отношения со стороны пролетарского коллектива.

О своей ударной работе на производстве и активной общественной деятельности рассказывают бывшие тридцатипятники в открытом письме, помещенном в газете «Перековка»: «Сейчас мы работаем в Ленинграде на строительстве вагону-ремонтного завода, куда завербовались по освобождению. Нет сомнения, что и эту стройку, по примеру БВВП, при образцовом качестве работы мы закончим в рекордные сроки»³.

Тем же бодрым трудовым настроением проникнуто письмо группы беломорстроевцев в семь человек, работающих совместно на заводе № 22 в Москве и живущих единым коллективом. В письме на имя т. Фирина бывшие лагерники, работавшие на Беломорстрое—Соколов, Бармин и др.,—пишут: «Мы теперь живем чисто пролетарской рабочей семьей, работаем на заводе № 22 с энтузиазмом, приобретенным на Беломорстрое. Все ударники, — и идем вперед на завоевание технических знаний, повышая свою рабочую квалификацию»⁴. Эти бывшие профессиональные преступники уверены в прочности своей перековки и кончают письмо обязательством оправдать проявленное к ним доверие обещанием «...с гордостью носить имя честного рабочего».

Почти ежедневно в лагерной прессе появляются письма бывших заключенных. В большинстве случаев при внимательном отношении со стороны общественных организаций и руководителей учреждений и предприятий к освобожденным из лагерей, по-

¹ Там же.

² Письмо на имя б. начальника I уч. Беломорстроя т. Афанасьева.

³ Газета «Перековка» Беломорско-Балтийского лагеря от 12 августа 1933 г.

⁴ Письмо Бармина и др. т. Фирину от 8 декабря 1933 г.

следние проявляют себя с самой положительной стороны на производстве, в общественной деятельности и в быту. Об этом пишет бывший бригадир Златовский-Максимов. Он рассказывает в письме, обращенном ко всем лагерникам, не верящим в возможность устройства трудовой жизни по выходе из лагеря, о том, что его принял в свою семью пролетарский коллектив. «Меня приняли, и я кую свое счастье в труде... Советская власть высоко ценит ударный труд, где бы то ни было: в исправительно-трудовых лагерях, или на свободе»¹. В том же убеждает еще не вышедших на свободу заключенных бывший лагерник Кальсин И. А. Он пишет, что все лагерники должны быть уверены в том, что «...каждый бывший каналармеец-ударник, честно работающий на канале, встретит на воле самый теплый, самый радушный прием»². В газетах Дмитровского лагеря можно найти почти в каждом номере такие письма, которые говорят о включении бывших тридцатипятичников в честную трудовую жизнь³. Начав работать и жить по-новому, бывшие профессиональные преступники особенно ценят оказанное им доверие и всячески стараются доказать свой полный разрыв с миром преступлений.

Нельзя, конечно, делать отсюда вывод о том, что все сто процентов освобожденных из лагерей, если их устроить на работу, окончательно порвут с преступным прошлым. В ряде случаев живучесть преступных навыков и тяга к прежним товарищам и разгульной жизни оказываются сильнее, чем вновь приобретенные трудовые навыки. Как и всюду в данном вопросе необходим индивидуальный подход. Не всегда можно верить тем из вновь попавших в лагеря, которые объясняют свой рецидив исключительно невозможностью устроиться на работу или нечутким к себе отношением со стороны организаций, к которым они обращались. Однако совершенно ясно, что и в случаях, когда исправительно-трудовое воспитание не дало достаточных результатов, при организованном направлении бывших заключенных на работу коллективом, воздействие со стороны этого коллектива может дать положительные результаты. Это воздействие товарищей сможет в ряде случаев помочь уже на свободе преодолеть нездоровые настроения неустойчивых.

Весь приведенный материал достаточно доказывает, что взаимная помощь и поддержка, достигаемые при коллективном направлении на работу освобождающихся, оказывают очень большое влияние на результаты закрепления перековки. Как правило, эта часть освобожденных лучше всего работает. Они пере-

¹ Письмо Златовского-Максимова — газета «Перековка» Хлебниковского р-на Дмитровского лагеря от 12 ноября 1934 г.

² Газета «Перековка» Дмитровского лагеря от 27 декабря 1934 г.

³ См., например, письмо Толстенева — газета «Перековка» от 27/ХІІ 1933 г., Жакишева — газета «Перековка» от 16/ІХ 1933 г., Еремеева Л. — газета «Перековка» от 8/ІХ 1933 г. и другие.

носят многое из полученного ими в лагере опыта на свою работу и организацию быта. Так, например, созданный Знаменским трудовой коллектив, организованный по принципу лагерных трудовых объединений, несомненно помог входящим в коллектив бывшим профессиональным преступникам окончательно переделать свое сознание. Положительные отзывы о работе освобожденных, работающих своим коллективом, и настроение настоящего трудового подъема, которым проникнуты их письма, свидетельствуют о том, что они уже полностью включились в пролетарский коллектив предприятия. С другой стороны, первый период некоторого законного недоверия и проверки со стороны пролетарской общественности вновь прибывших освобожденных менее болезнен и более короток тогда, когда имеется налицо организованный коллектив, с самого своего возникновения на производстве доказывающий подлинность перековки своих членов. Коллектив, отвечающий за действия и поведение каждого из своих членов, вызывает большее доверие, чем отдельный бывший лагерник. Все эти моменты сказались на том, что именно при групповом направлении на работу освобождающихся достигаются самые положительные результаты во всех отношениях. Среди этой части бывших заключенных рецидив почти не встречается.

Однако, даже разрешив вопрос о плановом направлении на работу освобождающихся, не следует упускать из виду еще один чрезвычайно важный момент. Вопрос о закреплении перековки не разрешается лишь содействием освобожденному в подыскании работы. Бывший профессиональный преступник никогда ранее на воле не работал, а поэтому он с трудом ориентируется в новой обстановке. Даже в том случае, когда такой бывший лагерник направляется в организованном порядке на работу, т. е. если принять самое лучшее и далеко не всегда существующее положение, в которое попадает освобожденный, то и в этом случае вопрос о закреплении перековки еще далеко не решен.

Немало есть доказательств тому, что наша советская общественность не всегда достаточно оценивает, — а зачастую и просто не знает — свою роль в процессе закрепления перековки. Можно не останавливаться сейчас на приводившихся фактах, говорящих о том, что бывший лагерник принужден превращаться в летуна вследствие бюрократического отношения к нему со стороны отдельных руководителей учреждений, увольняющих таких работников только потому, что они ранее были лагерниками. Если даже вышедший на свободу не вынужден переходить с места на место, то во всяком случае, как правило, почти не имеющее исключений, он полностью предоставлен самому себе.

В значительной своей части бывшие тридцатипятники не имеют семьи и родных. Они привыкли жить группами, привыкли

к своему «обществу». Поэтому по выходе на свободу они оказываются совершенно одинокими и болезненно переживают это одиночество, особенно в том случае, когда вместо дружеского отношения бывший рецидивист сталкивается с тем, что «...уголовное прошлое вызывает подозрительное отношение, лишение свободной работы, свободного проявления деловой инициативы и мучает до бесконечности всяким бесцельным, жестоким в своей грубости напоминанием о нем»¹. В то время, как за годы ударной работы в лагере такой человек изменился и «...упорной работой вытравил из своего сознания даже мысль о прошлом, для других оно не забыто, для других он не стал человеком таким же, как они, несмотря на то, что это прошлое для него умерло»².

Так говорит о себе бывший заключенный Понятовский. О том же говорит и работающий бригадиром на крупнейшем заводе бывший беломорстроевец Серебренников Н. В., писавший: «По приезде из лагеря домой на меня смотрели как на бывшего вора, смотрели неважно»³. Но он нашел в себе достаточно силы для того, чтобы сломить это отношение. «Я сумел доказать, — пишет Серебренников, — что я перекован, перевоспитан. И окружающая масса поняла это». Многие бывшие тридцатипятники не находят в себе достаточно сил для преодоления такого к ним отношения. В ряде случаев бывший лагерник, надеявшийся на радужный прием со стороны пролетарского коллектива и во всяком случае не ожидавший, что его встретят «в штыки», начинает сомневаться в действительной возможности стать полноправным членом трудовой семьи. Такие настроения влекут за собой рецидив. Нередко бывшие лагерники, встретившие враждебное отношение, обращаются в Главное управление лагерей НКВД с просьбой принять их на работу в качестве вольнонаемных сотрудников в какой-либо лагерь, так как в лагере они уже зарекомендовали себя как люди, перековавшиеся, порвавшие со своим прошлым. В некоторых письмах прямо указывается на то, что работа в лагере прельщает их тем, что там им не будут напоминать о прежней их жизни, не будут напоминать о том, что им самим так тяжело вспоминать. В приводившемся заявлении Понятовский пишет о том, что он просит принять его на работу в один из лагерей, так как он знает, что там никто «...не напоминает человеку о прошлом, если своей хорошей работой в настоящем он доказывает, что ушел от него»⁴. Тяга бывших лагерников к работе в системе лагерей, как мы видим, не случайна.

¹ Из заявления в ОГПУ бывшего заключенного Понятовского В. П. от 10 января 1934 г.

² Там же.

³ Газета «Перековка» Беломорско-Балтийского комбината № 34—35 1934 г.

⁴ Заявление Понятовского от 10 января 1934 г. в ОГПУ.

Именно поэтому просьбы об устройстве на работу в лагере не единичны.

Приведенные факты указывают на то, что не всеми общественными организациями и учреждениями проводится единая линия по отношению к бывшим заключенным. Не следует, конечно, проявлять по отношению к бывшим лагерникам искусственное внимание и играть в мещанскую благотворительность. Совершенно естественна и необходима бдительность по отношению к людям, нарушившим установленный пролетарским государством правопорядок. Но не следует также бдительность заменять мелочной придирчивостью и подозрительностью.

Известны случаи, когда освобожденный из лагеря подвергается фактическому бойкоту со стороны общественности того предприятия, на котором он начинает свою трудовую жизнь после лагеря, когда пролетарский коллектив не только не принимает бывшего лагерника в свою среду, но сторонится его. Это, конечно, отталкивает бывшего лагерника от коллектива. Бывший лагерник, при самом большом желании войти в трудовую семью в качестве дисциплинированного и сознательного члена ее, начинает испытывать чувство одиночества. Для него, возвращавшегося раньше в преступной, но близкой ему среде, а затем в лагере с особой силой почувствовавшего значение коллектива, такое одиночество очень тяжело и приводит его к самым плачевным результатам, срывающим всю работу по перековке. В поисках дружеского к себе отношения бывший профессиональный преступник невольно приходит к своим прежним товарищам по преступлениям. Он не может и не хочет жить без общества и поневоле ищет это общество в среде своих прежних товарищей из преступного мира. Зачастую именно этот момент становится решающим для дальнейшего направления жизни освобожденного. Случайная встреча на улице с бывшими сотоварищами решает начавшиеся колебания и определяет дальнейшую линию его поведения. А такие встречи с людьми из преступной среды далеко не всегда бывают действительно случайными. Преступная среда, как известно, с большой неохотой отпускает тех, кто к ней раньше принадлежал. С особой настойчивостью преступная среда старается сохранить или вернуть себе возможность воздействия на тех освобожденных, которые обнаруживают хоть малейшие колебания в решимости окончательно разорвать с прежними друзьями и с прежней преступной жизнью.

Отсутствие влияния пролетарского коллектива, чувство полнейшего одиночества и оторванности от общества подвергают большому дополнительному испытанию устойчивость перековки даже у наиболее крепких в этом отношении освобожденных. Поэтому решение вопроса об окончательном

Закреплению переделки сознания заключенных зависит в значительной степени от всей советской общественности. Перед ней надо прямо поставить вопрос о том, что невнимательным отношением к бывшему преступнику создаются условия, увеличивающие количество рецидива преступлений со стороны освобожденных из лагерей. Непродуманное отношение к освобожденному является зачастую следствием неосведомленности пролетарской общественности о тех задачах, которые на нее ложатся по закреплению переделанного сознания бывших преступников.

Анализ случаев рецидива и примеров образцовой работы бывших лагерников подтверждает значение коллективного воздействия на устойчивость и закрепление перековки.

Наиболее устойчива перековка среди тех, кто после освобождения направлялся на работу совместно с группой товарищей по лагерю. Эта часть освобожденных дает наименьший процент возврата к преступлениям.

Таким образом случаи нового рецидива означают не отсутствие объективных предпосылок для переделки сознания профессионального преступника, а лишь недостатки организационной работы, зависящие целиком от нас самих. В отличие от буржуазных государств, где рецидив представляет собой общее правило и неизбежную необходимость для профессионального преступника, в нашей стране такие случаи представляют собой исключение.

Приведенным материалом достаточно доказывается со всей очевидностью необходимость быстрее разрешения организационных вопросов, связанных с закреплением перековки. Наладить новую трудовую жизнь многие из среды профессиональных преступников сами не в силах. Поэтому помощь именно в этот момент может оказаться решающей. Вся советская общественность должна понять свою большую роль в этом вопросе.

Большая работа по переделке сознания профессиональных преступников должна быть завершена. Назрела необходимость в организации специального оперативного органа, который должен заниматься направлением на работу освобожденных и дальнейшей моральной поддержкой их. При помощи и сознательном отношении к этому делу со стороны наших общественных организаций небольшой оперативный орган сможет наладить завершение большой политической важности работы.

Создание организационно-закрепленных форм представляет собой то необходимое условие, которое завершит за пределами лагерей процесс переделки сознания бывших профессиональных преступников. Нужно сделать все для того, чтобы по-настоящему использовать заложенные в нашем строе возможности

для выполнения той грандиозной работы, которая ложится на исправительно-трудовые организации при реализации задач, поставленных перед всей страной по преодолению пережитков капитализма в сознании людей.

В последнее время наблюдается значительный сдвиг в области организации закрепления перековки. Так, в 1935 г. был издан приказ НКВД за № 143, которым на Главное управление лагерей и на отделы мест заключения управлений НКВД возложена задача организованного направления на работу и необходимой помощи освобождающимся из лагерей и других мест лишения свободы. Организованное трудовое устройство и помощь оказываются тем из бывших заключенных, которые «своей работой в лагерях и местах заключения показали себя ударниками, выполняли и перевыполняли заданные им нормы и строго соблюдали лагерный режим». Тем самым устройство на работу освобождающихся входит составным звеном в целую цепь поощрений, о которых говорилось выше.

Приказ НКВД № 143 не только в общих формах предлагает обеспечить работой лучшую часть бывших лишенных свободы. Он намечает места, в которых наиболее целесообразно трудовое устройство освобождающихся, и предлагает «...не менее, чем за 2 месяца до освобождения определять, куда, на каких условиях освобождающиеся заключенные могут быть направлены на работу».

Этим приказом закладывается фундамент для создания стройной законченной системы организованного, по заранее продуманному и разработанному плану, вовлечения в трудовую жизнь бывших преступников. В наибольшей степени значение трудового устройства скажется на сокращении рецидива преступлений со стороны бывших профессиональных преступников. Трудовое устройство будет в большей мере, пожалуй, чем что-либо другое, способствовать закреплению перековки, полученной в лагерях. Оно поможет удержать многих еще не вполне устойчивых освобожденных от возврата к старому, от возврата в преступную среду.

Необходимость закрепления той большой работы, которая проводится в лагерях по переделке сознания бывших преступников, закрепления путем организованной помощи освобождающимся по налаживанию трудовой жизни уже за пределами места лишения свободы подчеркнута в недавно подготовленном проекте Исправительно-трудового кодекса. В нем имеется специальная седьмая глава, устанавливающая те пути, по которым должна пойти эта помощь. Статья 72 проекта обязывает администрацию мест лишения свободы принимать все необходимые меры для обеспечения освобождаемых работой. В отношении особо отличившихся на работе, в период своего заключения, и доказавших свое полное исправление освобожденных администрация мест

лишения свободы обязана принять все меры к тому, чтобы добиться помещения их в соответствующие учебные заведения для продолжения образования.

При освобождении все бывшие заключенные обеспечиваются проездными документами и питанием на все время пути.

Статья 76 проекта так же, как и пункт 6 приказа НКВД № 143, обязывает Народный комиссариат внутренних дел создать специальный фонд для оказания помощи освобождающимся.

Организацией трудового устройства заключенных будет в значительной мере разрешена проблема закрепления перековки.

На XVII партийном съезде тт. Сталин и Каганович со всей отчетливостью указывали на значение организационного вопроса. «После того, как дана правильная линия, — говорил т. Сталин, — после того, как дано правильное решение вопроса, успех дела зависит от организационной работы...»¹. И в работе по превращению профессионального преступника в честного трудящегося имеющиеся у нас «...достижения позволяют нам усилить борьбу с организационными недостатками»². Мы должны добиться того, чтобы наша организационная работа помогала превращению в жизнь указаний партии об основных задачах, стоящих перед нами во второй пятилетке, по преодолению пережитков капитализма в сознании людей.

Практика лагерей показывает, что в исправительно-трудо-вом воздействии на лишенных свободы правильное разрешение организационного вопроса обеспечивает успех дела, ибо правильная политическая линия нашим исправительно-трудо-вым учреждениям партией дана. Всюду — и при расстановке людей в трудовых процессах, и на культурно-воспитательном участке, и при организации коллективов, и при дифференцировании классового и индивидуального подхода к лагерникам, и при закреплении перековки по освобождению из лагеря — всюду малейшая организационная ошибка подрывает с трудом добытые положительные результаты. Особая роль организационного вопроса в лагерях объясняется тем, что здесь речь идет о лишенных свободы: как бы ни развивалась, как бы ни поощрялась их инициатива, она неизбежно ограничена именно тем, что это лишенные свободы люди, ограниченные в свободе своих действий государственным принуждением, являющимся органическим свойством наказания. Поэтому организация действий этих людей имеет такое важное значение в процессе применения к ним принципов нашей исправительно-трудо-вой практики в лагерях и приобретает особое значение для закрепления перековки по выходе на волю.

¹ Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 10, с. 589.

² Каганович Л. М., Доклад на XVII съезде партии. Стенограф. отчет, 1934 г., с. 532.

Достигнутые нашей исправительно-трудовой практикой успехи по переделке сознания бывших профессиональных преступников, успехи в области методики и тактики перековки, вся обстановка победоносного социалистического строительства в нашей стране—все это указывает на полную осуществимость закрепления этих бывших преступников на трудовом пути. И в этой области мы должны добиться и добьемся того, «...чтобы наша организационная работа обеспечивала практическое проведение в жизнь политических лозунгов и решений партии»¹.

¹ Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 10, с. 591.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	V
I. МЕТОДЫ РАБОТЫ ПО ПЕРЕДЕЛКЕ СОЗНАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ	1
II. ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ЛАГЕРЕ	33
1. Двудеиная задача культурно-воспитательной работы	35
2. Роль воспитателя, его права и обязанности	41
3. Культурно-воспитательная работа через коллектив заключенных	53
4. Ликвидация неграмотности и малограмотности	58
5. Профессионально-техническое обучение	60
6. Внешкольная культурно-воспитательная работа и организация отдыха	72
7. Агитбригады	79
8. Печать	89
9. Сущность культурно-воспитательной работы	101
III. КОЛЛЕКТИВНОСТЬ КАК ПРИНЦИП И МЕТОД ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ПОЛИТИКИ	109
1. Возникновение трудовых объединений заключенных	112
2. Сочетание принципа коллективности с индивидуализированным подходом к заключенным	120
3. Трудовые объединения заключенных в Дмитровском лагере	124
4. Хозяйственно-бытовые комиссии	131
5. Роль и значение коллективов	134
6. Значение периодических чисток коллективов	138
7. Производственно-бытовые отряды как новая форма трудовых объединений	141
IV. СОРЕВНОВАНИЕ И УДАРНИЧЕСТВО И МЕТОДЫ ИХ СТИМУЛИРОВАНИЯ	143
1. Развитие соревнования и ударничества в лагерях	146

2. Организационные принципы и формы проведения соревнования и ударничества в Дмитровском лагере НКВД	150
3. Льготы и поощрения, связанные с соревнованием и ударничеством	156
V. КЛАССОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ЛАГЕРЕ	179
VI. ЗАКРЕПЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ПЕРЕВОСПИТАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ	199

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
4	10 сверху	на первом	на шестом
38	13 снизу	явиться	влиться
45	23 "	должен	может
46	16 "	он	она
48	6 "	вести	везти
70	5 сверху	осуществлена	осуществляться
70	7 "	исправительной с	исправительной в сочетании с
73	10—15 сверху	Слова: „спектакли, инсценировки, наряду с углубленными беседами проводится в самых разнообразных формах“ исключить, как дважды набранные в абзаце	
90	14 сверху	в газете	в газете
112	7 "	был бы	не был бы
116	22 снизу	зародилась	зародилось
135	15 сверху	в сторону	в сторонку
183	16—17 сверху	административно-судебных	административных или судебных
209	22 снизу	вынуженным	вынужденным

СХЕМА

КАНАЛА МОСКВА ВОЛГА

КАНАЛ

КАНАЛ ВТОРОЙ ОЧЕРЕДИ

ШЛЮЗ

ПЛОТИНА

ВОДОХРАНИЛИЩЕ

ВОДОПРОВОДНЫЙ КАНАЛ

